Мария Огнёва

Алиар: Мир без души

Annotation

Предречённый спаситель мира мечтает лишь о спокойной жизни. Он бежит от своего предназначения, прячется по городам, становится обывателем. Думает: и без него разберутся.

Но всё яснее видит, с миром что-то не так. И уже не уверен, стоит ли этот мир спасения.

[Буктрейлер: https://www.youtube.com/watch?v=jQ-Lw_nAEkw]

- 0.0. Пролог: Идеальный мир
- 1.1. Айнер: Состязания веры
- 1.2. Айнер: Мир без воли
- 2.1. Дейнар: Золотая библиотека
- 2.2. Дейнар: Мир без знаний
- 3.1. Завандр: Свобода выбора
- 3.2. Завандр: Мир без совести
- 4.1. Кивиш: Мир без чувств
- 4.2. Кивиш: Безжалостная память
- 5.1. Эрнел: Мир без логики
- 5.2. Эрнел: Конец поисков
- 5.3. Дейнар: Заслуженная передышка.
- 5.4. Дейнар: Новая боль
- 6.1. Релла: Город техников
- 6.2. Релла: Мир без бога
- 6.3. Релла: Разоблачение
- 7.1. Каменна: Забытый город
- 7.2. Каменна: Потерянный храм
- 7.3. Каменна: Возвращение
- 8.1. Алиар: Новый взгляд
- 8.2. Алиар: Новая дружба
- 8.3. Алиар: Конец части
- 9.1. Финал: Снова монахи
- 9.2. Финал: Творец

- 9.3. Финал и эпилог

Алиар: Мир без души

0.0. Пролог: Идеальный мир

Пролог

Страницы настолько старые, что рассыпаются под пальцами. Но чернила, из чего сделаны эти чернила? Они так ярки, будто едва успели высохнуть.

«Ибо так возлюбил демиург людей, что возжелал создать им самый гармоничный, самый стабильный мир. Мир, где не будет войн, голода, катаклизмов — где ничто не помешает людям расти и творить.

Алиар был маленьким миром. Но это лишь делало его прекраснее: сам творец ходил по его травам и жил среди нас, как учитель и друг. И каждый мог обратиться к всеблагому Дэйниэлу и получить от него совет и утешение...

Но где рождается великое добро, возникает и великое зло. Стоило Творцу вернуться на небо, из Пропасти между мирами явился Повелитель Мечей. Гармония Алиара преисполнила его ледяное сердце злобой и завистью, и он поклялся уничтожить наш мир...»

Сбоку от изящных букв написано другим, ломаным и торопливым почерком:

«Это всё не то, не то! Мои расчёты свидетельствуют, что Повелитель Мечей не должен, не может существовать!»

«Разрозненные города Алиара не могли противостоять армии демонов. Но когда мир почти пал, всеблагой творец послал нам героя — великого латника Рейша. Воин сплотил алиарцев, отбросил демонов в Пропасть и убил злодея. И люди праздновали победу, и были счастливы, и все обнимались, как братья.

Но спустя столетие Повелитель Мечей вернулся — и напустил иссушающую чуму. Тридцать лет ушло у Дайнеса, второго героя Алиара, чтобы собрать лекарей и найти лекарство. Тысячи жизней были потеряны…

Так началась Извечная Война. Каждый её Виток новый герой собирает последователей и в мучительной борьбе одолевает Повелителя Мечей, даря нам ещё десятилетия спокойной жизни.

Пророчество гласит, что если хоть один из героев не сможет победить злодея, то Алиар будет уничтожен...»

Чернила на полях — обычные, и потому буквы едва различимы:

«Мы трактуем пророчество неверно! Мы все делаем что-то не то. Сорок лет я посвятил решению этой загадки, но так и не нашёл ответа. Больше я не могу ждать. Я должен убить Повелителя Мечей, пока ещё в силах держать меч. Я буду надеяться, что мой последователь окажется умнее и найдёт истинное решение…

Эн, герой XIV Витка

Извечной Войны»

Эн не мог знать, что в следующем Витке вход в эту часть библиотеки обрушат, храня знания от Повелителя Мечей. И ни его последователь, ни последователь последователя не узнают о его изысканиях...

Глава 1

Дай мне жить
Так, как я хочу.
Если нет — убей:
Мне здесь тесно…

Ария

Тэрн исподлобья взглянул на дверь. Она подражала вратам Священного Города: на створках изобразили божьих посланников, а ручки отлили в форме протянутых ладоней. Старый козёл мнил о своём положении слишком много...

— Шевелись! — прорычал Райк, увалень-наставник за его спиной. От злости он выглядел ещё крупнее и теперь, казалось, заполнял коридор от стенки до стенки.

Тэрн пнул одну из роскошных створок и прошествовал в кабинет наставника. Райк охнул: посреди священного рисунка теперь красовался след сапога. Райк кинулся оттирать его, но след стал неотъемлемой частью картины.

— Во имя Свитков Дэйниэловых! — простонал наставник. — Что он ещё натворил?

Райк оставил двери в покое и промаршировал в кабинет.

— Наставник Лорм! Он снова сбежал с занятий!

— Нет! Нет, опять?! Что он делал на этот раз?

— Спал в кустах у часовни! — доложил Райк и мстительно добавил: — А ещё он пнул изображение святого Гелдера.

Упомянутый "он" зевнул, то ли подтверждая, что спал, то ли показывая интерес к разговору. Райк одарил его гневным взглядом, "он" зевнул уж совсем нарочито.

— Сколько можно! — сокрушался тем временем наставник. — Как ему не совестно быть таким бездельником...

— Ему?! Совестно?! Наставник Лорм, да вы поглядите на него! Это спасёт наш мир? Лучше уж предложим Повелителю Мечей сдаться: больше толку выйдет!

Так разговор и шёл. Наставник сокрушался, Райк горячился, Тэрн зевал. Как всегда.

— Да он скорее переметнётся на сторону врага, чем кого-то спасёт! Он недостоин быть героем!

— Достоин?.. — повторил Тэрн с такой ненавистью, что они осеклись. — Достоин?! Я не хочу этого! Я этого не просил! Мне плевать на ваш мир и ваши пророчества! Катитесь в Мировую Пропасть и орден свой полудурошный с собой при...

Райк давно об этом мечтал — может, потому удар вышел слишком сильным. Тэрн отлетел на середину комнаты, кувыркнулся по полу — а едва вскочил, кинулся на противника.

— Перестаньте! Прекратите немедленно! — взывал наставник Лорм. — Хватит!

Драка не прекращалась, и старик покачал головой. Он выпрямился, нахмурил брови — и превратился из старого-зануды-Лорма в Лорма, Великого Наставника.

— Хватит, — повторил он.

Этого стало достаточно.

— Тэрн, отправляйся в свою комнату. Подумай о своём поведении, сделай выводы. Перечитай Пророчество пятьдесят шесть раз, утром снова мне его расскажешь. А ты, Райк... Иди, Тэрн, чего ты встал?!

Герой поклонился и вышел — лишь дверь со следом сапога влетела в стену.

***

Тэрн редко следовал указаниям наставника, но на этот раз исполнил аж половину. Во-первых, он подумал о своём поведении. Во-вторых, сделал выводы.

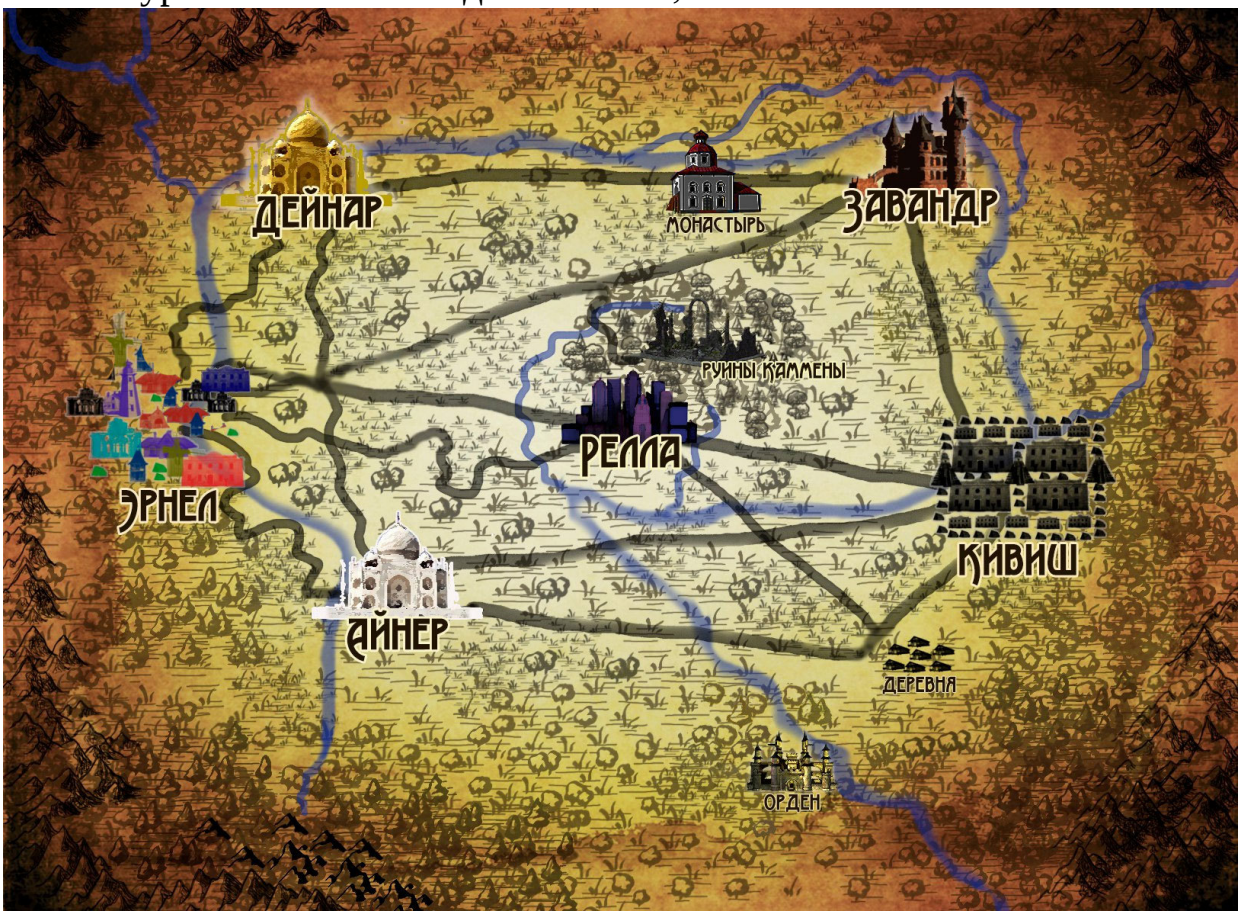
— Уроды, — шипел он, пробираясь сквозь заросли. — Катитесь в Мировую Пропасть... в Пропасть катитесь...

В запасе было не меньше двух дней. Сначала решат, что он спит, потом — что прячется от поучений... а когда спохватятся, он будет уже далеко.

Тэрн улыбнулся. Он думал, что будет делать теперь — и от одних мыслей становилось так тепло, словно он уже достиг вершин возможного.

Он мог бы стать охотником. Или рыболовом. Он мог учить других сражаться на мечах... или стрелять из лука! Он мог стать чьим-нибудь телохранителем, мог присоединиться к бродячему цирку, остаться в лесу отшельником, податься в ученики к сапожнику, или аптекарю, или... да к кому угодно, лишь бы не слушать о Предназначении и Морали!

Тэрн представлял, как он обойдёт весь мир, найдёт себе работу, построит дом — проживёт нормальную, счастливую жизнь! — и путь сквозь бурелом ложился под ноги легче, чем каменная мостовая.



***

Сто лет над замком тишь да гладь,

Густой тенистый полог леса

Ты никого не ждёшь, принцесса:

Полёт видений невесом...

Йовин

Тэрн так и не спал ночью, и когда разглядел деревню, то лишь зевнул. Но через секунду опомнился. Деревня! Деревня!.. С тех пор, как его бросили в ордене, он ни разу не покидал его стен.

Тэрн заторопился вперёд, когда из леса перед ним вынырнула девушка. Её волосы были убраны в старинную причёску из двух кос, покрой платья тоже был древним. Девушка застыла, глядя на Тэрна. Корзинка выпала из её рук, хворост рассыпался по земле. Тэрн смущённо кинулся собирать ветки.

— Держи.

Девушка всё так же таращилась на него.

— Как тебя зовут?

Она медленно моргнула.

— Лека. А… тебя?

— Тэрн, — он тут же спохватился: нельзя своё имя называть!.. Потом махнул рукой: здесь новый человек и раз в год не появляется; когда начнут искать, сразу поймут, что это был он.

А Лека всё смотрела на него этим странным взглядом — словно пыталась вспомнить что-то и никак не могла.

— Откуда… ты? — наконец проговорила она.

— Я? Оттуда! — Тэрн махнул рукой. Судя по его жесту, он был: из леса, из-под земли и с неба одновременно.

»Жил в лесу со стариком-отшельником, попал сюда с помощью магии, был выращен волками, нет, оленями, пришёл из города, но заблудился, поэтому вышел с другой стороны...» — он понимал, что в жизни крестьян мало интересного и его «оттуда» вызовет лишь новые вопросы.

— А, — безразлично откликнулась девушка.

На мгновение Тэрну почудилась в её взгляде первозданная пустота, и пустоте этой было безразлично, кто он, откуда, зачем пришёл, который сейчас год, день и час... Тэрн поёжился.

— Тебе помочь?..

— По-мочь? — Лека моргнула. — Да... помоги.

Тэрн взял у неё корзинку, и они пошли к деревне. Девушка молчала, шагала вперёд, как живая кукла, и отрешённо глядела перед собой.

— А зачем тебе хворост?

— Топить печь.

— Но сейчас же тепло...

Они посмотрели друг на друга одинаково непонимающими взглядами.

— Сейчас осень, — наконец отозвалась Лека. — Осенью топят печь.

Тэрн обвёл взглядом зелёный лес, посмотрел на свою рубашку с коротким рукавом. Осень была лишь на календаре.

— Дай угадаю: если летом будет холодно, печь ты топить не будешь?

— Конечно. Это же лето.

Больше Тэрн разговор не завязывал. Лека так же монотонно шла вперёд, и он сдерживал желание хлопнуть ладонями перед её лицом — как бы она себя повела?.. Что-то подсказывало: лишь моргнула бы.

— Вот и всё.

Тэрн поставил корзину у двери дома, на который указала девушка; был он весь покосившийся и стоял, казалось, на одном упрямстве.

— Слушай, а ты не знаешь, где я могу подзаработать? Продать вещи? Нарубить дров?.. Дом кому-нибудь починить... вам, например...

— По-чи-нить? — Лека моргнула, потом посмотрела на дом. Перевела взгляд на Тэрна. — Зачем?..

Они непонимающе смотрели друг на друга около минуты, а потом Лека снова моргнула.

— Молодой Терс покупает вещи. Но зачем тебе деньги?

Тэрн почесал в затылке.

— Странный вопрос… Поесть хоть купить! За ночлег заплатить, опять же...

Лека задумалась.

— Ты можешь поесть у нас, — видимо, вспомнила она подходящий ответ. — Ты же мне по-мог. Мне ещё никто не помогал, — она помолчала. — Сейчас не обед. Если ты сходишь к Молодому Терсу, то вернёшься как раз вовремя.

Лека указала на столь же потрёпанный дом у подножия холма. Тэрн вежливо поблагодарил её и пошёл туда, стараясь не оглядываться. У крыльца не выдержал. Как он и думал, Лека стояла на прежнем месте и смотрела вслед своим пустым взглядом.

»Странная девушка, — решил Тэрн. — А она, наверное, думает, что я странный. Да, я же среди нормальных людей сколько лет не был. Теперь ещё долго ненормальным буду казаться... а всё орден этот проклятый!»

Тэрн переступил порог указанного дома. Он ожидал, что внутри будет пыльно и грязно, но дом был чистым, хоть и древним. Вокруг были расставлены разнообразные товары, посередине комнаты возвышался прилавок. Тэрн подошёл ближе. На столе с большой аккуратностью было разложено... самое несуразное барахло, что ему доводилось видеть. Здесь были ржавый меч и выцветшая от времени рубашка, бутыль святой воды и медальон с разорванной цепочкой, битая чашка и дырявое ведро...

— Молодой Терс? — неуверенно позвал Тэрн. — Я хотел бы продать кое-что.

Изнутри дома донёсся скрип, потом вздох, потом стон и ещё один скрип. Тэрн попятился: живой человек такие звуки издавать не мог!.. Но он собрался с духом и лишь положил ладонь на рукоять меча.

»Погодите-ка! Я ведь больше не герой. Я не обязан никого спасать. Я могу сбежать, как любой нормальный человек! — эта мысль согрела душу. — Ладно... деньги всё равно нужны... вот запахнет жареным — тогда и сбегу».

Полминуты ничего не происходило. Наконец, дверь распахнулась и за прилавком появился седой старик.

— Да... Молодой Терс давно ничего не покупал... очень давно... и так давно не видел новых людей... что ты... что ты хочешь продать мне, юноша?..

Тэрн почесал в затылке.

— Смешно. Смешно. То есть, ты Молодой Терс? — старик кивнул. — И почему тебя так называют?

— В моём роду всех мужчин называют Терс... Мой дед был Старый Терс, мой отец — Взрослый Терс, мой сын — Малыш Терс... А я, стало быть, Молодой Терс...

— А твой внук?

На лице старика впервые появилось чувство.

— У меня нет внука. Мой сын погиб раньше, чем стал Молодым Терсом.

Повисло молчание.

— Мне жаль...

Как и у Леки, эмоции Терса мгновенно растворились, и выражение его лица стало столь же спокойным и сонным. Только сейчас Тэрн заметил, что, хотя волосы старика были полностью седыми, на лбу его не было и морщинки.

Тэрн встряхнулся и поискал, как бы сменить тему.

— Сколько стоит этот щит?

— Восемьдесят монет.

— Сколько?! Сдурел, что ли, дед? Да он на куски разваливается... а это что за дыра? Ты на него хоть смотрел?!

Старик пожевал губами.

— Я купил его за шестьдесят монет... значит, я должен продать его за восемьдесят.

Тэрн посмотрел на старика. Старик — точно так же, как Лека, уставился на него в ответ.

Прошла минута. Снова стало неуютно.

— Ладно, — Тэрн покачал головой. — Вот что я хотел бы продать.

У него было не так много своих вещей, но большинство из тех, что было, он с радостью бы сжёг. Но и продать было хорошим вариантом. Первые два тома толкований Пророчества, «Свитки Дэйниэловы», «Наставление молодым героям», «Хронология Извечной войны» и другие материалы для растопки печи кипой расположились на прилавке. Торговаться Молодой старик Терс не стал, но, к счастью, и цену дал неплохую.

Поигрывая наконец-то не пустым кошелём, Тэрн возвращался в дом Леки. Его не покидало чувство, что с этим местом что-то не так: словно заколдовали всю деревню, прямо как в сказке про Спящих Красавиц... Тэрн постоянно напоминал себе, что за годы, которые его держали в ордене, мир должен был измениться, странный теперь он сам, а не деревня. По крайней мере, в это хотелось верить.

Кроме Леки в её семье были отец, мать, прадедушка и две бабушки. Пища была безвкусной, зато бесплатной, а это Тэрн считал главной специей.

— Ближайшие города Кивиш и Айнер? Расскажете, как туда добраться?

Все разом обернулись на прадедушку. Тот задумчиво кивнул:

— Да... Айнер... когда я был молод, мы с моей Элтири часто ездили туда молиться... Да, мы тогда много куда ездили — когда я был молод... Тогда совсем другое время было... совсем другое...

Речь его прервал шелест дождя по крыше — и всё семейство вскочило из-за стола. Тэрн не успел опомниться, как Лека схватила большую миску и поставила её посередине комнаты, мать Леки плюхнула тазик на одну из кроватей, отец достал откуда-то ведро и поставил на стол. Через минуту сквозь дыры в крыше начала капать вода. Попала она ровно в ведро, таз и миску — и ещё с десяток ёмкостей, заранее расставленных по дому.

— Вы уверены, что вам не нужно починить крышу? — предложил Тэрн.

Семейство удивлённо воззрилось на него.

1.1. Айнер: Состязания веры

Князь пресветлый сам посещает храм:
Крестится да свечи втыкает;
Бьёт поклоны князь,
Господу молясь, —
А Господь снаружи стоит...
Филигон

Тэрн торопился всё сильнее, стараясь убраться от проклятого места. Как ни пытался он убедить себя, что с деревней всё в порядке, поверить не удавалось. Повезло хоть, что он смог вытрясти из старика дорогу до Айнера.

В образование Тэрна входили не только физическая подготовка и религия — было полно бесполезных предметов, в их числе история, география и культура Алиара. И, как он ни бежал от уроков, что-то в памяти всё же осталось.

Айнер был городом, куда стекались паломники со всего мира. Основали его так называемые божьи посланники — святые Гелдер и Дайфус, редкостные зануды, на взгляд Тэрна. За двести лет до Извечной войны они путешествовали по миру и учили людей, что нужно быть добрыми, отзывчивыми, заниматься саморазвитием, верить в бога, не сдаваться при неудачах... редкостные, редкостные зануды. Но хуже было иное: Гелдер и Дайфус считали бесполезным то, что даётся легко, и всячески усложняли себе жизнь. Разумеется, при такой позиции в последователях у них оказалась лишь горстка идиотов.

Они построили часовенку, где делились знаниями с любым желающим. Желающих было мало, после смерти святых часовню и вовсе забросили. Но позже Творец явил легендарные Четыре Чуда, и все разом уверовали в божественность наставлений Гелдера и Дайфуса — к имени которых вместо «дуралей» стали добавлять «святой» или «божий посланник».

Нынче на месте той часовни раскинулся огромный Серебряный Храм, куда пускали лишь посвящённых. Впрочем, молитве это не мешало: в Айнере было ещё двадцать храмов и каждый год возникали

новые... Тэрн помнил описание всех из них. Помнил и биографии обоих святых, их потомков, ближайших последователей, наизусть знал наставления и их толкования, хронологию участия Айнера в Извечной войне — как и любого крупного города...

Тэрн пнул попавшийся под ноги камень. На какую чушь он потратил столько лет! Зачем ему это?! Как бы это помогло в битве с Повелителем Мечей?..

Эти размышления поглотили Тэрна, и он не заметил, как подошёл к Айнеру. Величественно возвышался над стенами Серебряный Храм, и отражённые им лучи солнца заливали всё вокруг благочестивым светом. Статуи у ворот казались живыми, а сами ворота выглядели достойными разве что дома Дэйниэла, создателя мира, — и Тэрн застыл, как делал, наверное, любой гость города...

Тэрн неуверенно подошёл к воротам. Они были выше него в три раза, что уже заставляло чувствовать себя маленьким и жалким. По традиции, на них были изображены божьи посланники — но если в ордене их лица были благостными и спокойными, то здесь — суровыми и неприступными в своей праведности.

— Тук-тук-тук, — прокричал Тэрн.

Ничего не произошло.

— Тук! тук! тук!

Облако на стене рядом с воротами отъехало в сторону, оказавшись небольшим оконом.

— Имя, духовное звание и цель визита.

— Т... Тарк, мирянин. Пришёл поклониться статуи Дэйниэла-Творца.

Облако вернулось на место.

Тэрн оглядел небесно-голубую стену: солнце, облака, вдалеке тучи, дождь и молнии, внизу трава и цветы... нельзя было и догадаться, что где-то здесь окно. Да и одно ли?.. Сколько их тут было спрятано, и сколько использовали как бойницы во время войны?.. В книгах о них не писали...

Пели птицы, ветер шелестел листвой. Ворота не открывались. Тэрн прокашлялся. Всё так же шелестели листья, всё так же пели птицы, ворота по-прежнему были закрыты.

— Мирянин, ты так и будешь стоять?

Тэрн оглянулся на голос и увидел, что один из кустов на двери тоже отъехал в сторону — оказавшись тяжёлой дверью в человеческий рост. Тэрн покосился на ворота, снова посмотрел на дверь.

— А кто ты такой, чтобы ради тебя ворота тягать? — объяснил привратник.

Тэрн опешил, но сразу же расплылся в улыбке.

— Никто. Обычный серый путник, из тех, что сотнями приходят в Айнер... А во время осады эту дверь не найдут слуги Повелителя Мечей?

Монах округлил глаза.

— За кого ты нас держишь, паломник? Мы спрашивали Дэйниэла-Творца, безопасно ли устроить здесь выход, и он явил нам Знак!

Вера в его голосе была столь сильна, что Тэрну показалось, будто земля сейчас развёрзнется, и отправится он прямиком в Мировую Пропасть за то, что посмел усомниться в могуществе Творца и его любви к Священному Городу. Тэрн покосился на землю. Нет, не развёрзлась. Он пожал плечами: Творец сегодня милостив.

Тэрн прошёл вслед за монахом ещё через несколько дверей и сразу забыл о Повелителе Мечей, Пропасти и возможной осаде: изнутри Айнер был ещё прекраснее.

— Добро пожаловать в Город, где обитает Дэйниэл-Творец, — произнёс монах ритуальную фразу. — Ты как раз вовремя, Тарк. Состязания в этом году необычайно интересны. Слышал? В них участвует сам Алран-Праведник!.. Ах, да, ты же пришёл поклониться статуе, — насмешливо закончил монах и скрылся в проходе стены.

Тэрн глубоко вдохнул. Состязания?! Наконец-то, настоящий бой! И Айнер — столь богатый город, что приз должен быть внушительным! Да, если он победит, получит столько денег, что хватит на жизнь в настоящем городе — в самом Завандре!.. — хватит снять девку на ночь или прокутить целую неделю...

Тэрн представлял, как потратит выигрыш, и роскошные храмы Айнера окончательно потеряли для него интерес. Где тут эти их состязания?

Он поправил перевязь меча, потянулся за курткой (какая-никакая, а защита), но передумал: запарится, а местные воины вряд ли стоят того. Его-то тренировали для боя с самим Повелителем Мечей! Что

могут противопоставить ему обычные крестьяне? Тэрн гордо расправил плечи и пошёл к площади, куда уже стекался народ.

Было настолько людно, что он никак не мог разглядеть арену. Тэрн вытянул шею, попрыгал на месте, но это дало мало толку. Стоило растолкать людей и пробраться вперёд, но совесть остановила его.

— Как это «выбыл»? — удивлённо произнесли совсем рядом.

— Мучается животом! Никак не может участвовать!

— Надо же. А казался таким праведным...

— Да! Что ж он за человек, раз Творец не допустил его до участия в Состязаниях?! Но участников стало нечётное количество, следовательно... Состязания невозможны! Мы все обречены!

Тэрн завертел головой, пытаясь понять, кто это говорит. Он озирался настолько рьяно, что зацепил плечом здоровяка-завандрца.

— Выродок недобитый! Вперёд вздумал лезть?!

Здоровяк толкнул его, и Тэрн отлетел далеко по мостовой: в толпе, где яблоку негде было упасть, вдруг оказалось предостаточно места. Тэрн вскочил, схватился за меч, но его ухватил за руку какой-то монах.

— Как я и говорил, Творец пошлёт нам участника, брат Анда.

Крупный, весь какой-то мягкий и круглый, монах улыбался, казалось, не только губами, но всем лицом и даже позой. А рядом с ним стоял брат помоложе: худой, нервный, он едва не бегал вокруг от переживаний. Та ещё парочка.

Монахи отряхнули ему одежду и повели к одному из храмов. Храм поражал бедностью, Тэрн и не знал, что такие бывают: в убранстве почти не встречалось золота, а драгоценные камни были всего в трёх фресках. Зато росписи на стенах и потолке ошеломляли мастерством. Сценки из жизни божьих посланников сменяли моменты Извечной войны и создания мира. Это, конечно, Четвёртое Чудо. А это?.. Третье свержение Повелителя Мечей? Точно: вон Изира Кровавая. А вон там...

— Ты лишился разума?! Состязания вот-вот начнутся! А ты ещё не завершил переодевание!

Брат Анда попытался подтолкнуть его в спину, Тэрн лишь ухмыльнулся. Разумеется, у тщедушного монашка не вышло сдвинуть его и на полшага — но он не сдавался и, пыхтя, заставил-таки Тэрна сойти с места. Брат Юнь невозмутимо следил за этим цирком.

— Да, брат, сразу видно, как мало ты ещё в Священном Городе. Если бы не полученный нами Знак, ходить тебе в послушниках ещё лет десять — пока не научился бы принимать всё, что послано тебе Творцом…

Анда смутился и отошёл от Тэрна — но его изнурённое лицо осталось таким же встревоженным.

— …А ты, участник, и впрямь сосредоточь мысли на Состязаниях. Если победишь, тебе покажут сам Серебрянный Храм — а уж его росписи стократ прекраснее. Но тебе придётся потрудиться: идёт уже третий этап, перед тобой будут лучшие.

Тэрн кивнул. Монах прав, нужно сосредоточиться на бое.

Его довели до просторного светлого помещения с огромным окном и книгами на одном из столов — в общем, типичной монашеской кельи, — и дали какой-то свёрток.

— Это одежда участника. Скорее переодевайся!

Тэрн покосился на Анду и ме-е-едленно развернул свёрток. Следовало поторопиться, но монах так смешно переживал, едва в истерике не бился из-за любой ерунды, что стало любопытно, упадёт в итоге он в обморок или нет. Да и говорил он забавно, будто писака из Кивиша.

В свёртке оказалась жёлтая ряса с затейливой оранжевой отделкой; точь-в-точь монашеская, разве что не бело-синяя.

— Издеваетесь?! Как я в этом драться буду?

Брат Анда ошарашено посмотрел на него. Брат Юнь подавил смешок.

— Драться, — наконец повторил Анда.

Тэрн закатил глаза:

— Участвовать в состязаниях, доказывать свою веру — называй, как хочешь.

— Брат Юнь, ты уверен...

— Ай-яй-яй, брат Анда, всё сомневаешься в силе Творца? — пожурил брат Юнь и плюхнулся на кровать.

Он скрестил руки на круглом пузике и доброжелательно улыбнулся. Брат Анда заметался по комнате.

— Состязания предназначены для доказательства своей веры! Знания Свитков Дэйниэловых, Святых Заповедей, мироустройства! Откуда ты взялся, что об этом не знаешь?!

Тэрн ошалело моргнул.

— Смеётесь, что ли?.. Чтоб я тратил время на эту чушь?!

Он смял рясу и кинул её в брата Анду. Монах поймал её и беспомощно всплеснул руками — чуть не снеся со стола стопку книг. Тэрн двинулся к выходу.

— Пятьсот золотых, — пояснил брат Юнь.

Тэрн отпустил ручку двери и медленно развернулся.

— А когда станешь победителем, любой из паломников будет счастлив подбросить тебя до своего города. Ты ведь путешествуешь?

Тэрн аккуратно забрал у брата Анды балахон и переоделся.

— Меч оставь, — буркнул Анда. — Это неуважение к Состязаниям Веры.

— Да ла-адно тебе, брат Анда...

Тэрн так же молча повесил сверху перевязь и поплёлся за монахами. Радовало лишь одно: скоро у него будут деньги, потому что религию он знал даже лучше, чем сражался.

— В третьем этапе участников вызывают на сцену по двое и задают вопросы, — наставлял его брат Анда по дороге. — Тот, кто покажет большее знание веры, переходит дальше — до тех пор, пока не останется победитель. А меч лучше всё же оставь: не выберут в победители вооружённого... не доверяешь мне, так брат Юнь подержит.

Тэрн покосился на кругленького и довольного брата Юня, потом на вечно напряжённого брата Анду; покачал головой, но всё же отдал им меч. Сразу почувствовал себя голым, несмотря на припрятанные кинжал и метательные ножи.

— Потеряете — придушу обоих, — рыкнул он.

— Удачи! — улыбнулся в ответ брат Юнь.

Тэрн почувствовал, как за шиворот стекают холодные капли. Он резко обернулся и увидел брата Анду с вычурной бутылочкой, в какие обычно наливали святую воду.

— Я осознал, что без этого твоя победа невозможна, — объяснил Анда.

Тэрн многое хотел сказать, но было некогда. Брат Юнь проскользнул на сцену и встал рядом с ведущим. Тэрн поторопился за ним. Святая вода мерзко холодила спину.

— Брат Ишка, маленькое объявление, — голос Юня прозвучал неожиданно громко. Тэрн пригляделся и увидел у него на вороте странный механизм, не иначе как сделанный в Релле, городе техников. У Тэрна на рясе был точно такой же. — Верующие! Все мы помним Алрана-Праведника, что так хорошо справился с предыдущими этапами Состязания Веры. Но неисповедимы пути Творца, и по воле его Алран был снят с Состязаний. Вместо него Дэйниэл явил нам этого юношу.

По толпе прошёл неодобрительный гул. Брат Юнь отошёл в сторону, брат Ишка облизал губы.

— Да, неисповедимы пути дэйниэловы... что ж, брат по вере, ты пропустил представление участников. Расскажи же нам, как тебя зовут и где ты изучал дэйниэлову веру?

Из слов брата Анды Тэрн понял, что победителя определит не только правильность ответов, но и произведённое впечатление. Поэтому он сделал невинные, наивные глаза и посмотрел в ложу, где заседали судьи — монахи разных возрастов и званий.

— Тарк. Я жил в лесу вместе с матерью и отцом, и они, в силу своих способностей, учили меня святой вере.

Публика взорвалась смешками и оскорбительными выкриками: ещё бы, вместо учёного мужа им представили мальчишку-дикаря! Тэрн посмотрел на судей ещё более простодушным взглядом. Этот взгляд не раз спасал его в первые годы жизни в ордене... потом все привыкли, и больше он не работал.

— Брат Юнь, ты уверен, что правильно истолковал знак Творца? — прошептал брат Ишка.

— В крайнем случае, все хорошо посмеются.

Брат Юнь подмигнул Тэрну и ушёл со сцены, а тот впервые посмотрел на своего соперника. Он был словно помесь Анды и Юня: худой, но при этом спокойный... Надменное выражение на его лице заставило Тэрна потянуться к мечу, но он не шевельнулся, вспомнив, что нужно произвести впечатление, — и уж потом, что меча у него нет.

— Итак, для нашего новичка повторим правила этапа. Я задаю вопросы обоим участникам по очереди, если участник не отвечает, вопрос переходит к его сопернику.

Брат Анда за сценой сжимал рукоять меча и лихорадочно молился. В воздухе застыл тяжёлый запах священных трав: казалось, им

пропиталось всё здесь. «Пятьсот золотых. Пятьсот золотых».

— Первый наш вопрос будет совсем простым. Он посвящён тем из наших зрителей, которые не так хорошо разбираются в мире, а заодно поможет оценить знания нашего нового участника. Тарк-из-Леса, расскажи нам, что происходит с душами после смерти?

»Пятьсот. Золотых», — повторил себе Тэрн и начал рассказывать.

— Как всем нам известно, после смерти души попадают в кладовую Дэйниэла-Творца, который перебирает их и решает, какие из них снова возродятся в мире и кем, — Тэрн закончил, но все выжидательно смотрели на него. Он покосился за кулисы; брат Юнь махал руками, будто пытался взлететь: «Продолжай, продолжай, продолжай!» — Первое упоминание об этом мы встречаем в Дэйниэловых Свитках, когда наш великий и благостный Творец говорит себе: «Сначала перебери души, отложи в эту корзину негодные, а в эту достойные; засей их, посмотри, как они вырастут, а потом можешь поехать на бал».

Брат Юнь одобрительно кивнул, и Тэрн замолчал. Брат Ишка сверкнул улыбкой.

— Хорошо! Следующий вопрос будет ненамного сложней. С какими словами оставил наш милостивый Творец мир людям, Кайран?

Соперник смерил Тэрна горделивым взглядом.

— Это известно даже тем из нас, кто жил в лесу, — в толпе раздались смешки. — Наш великий и благостный Дэйниэл-Творец сказал: «Люди! Я создал для вас мир, полный гармонии, мир, в котором никогда не будет болезней, голода, землетрясений или наводнений — ничего, что мешало бы вам жить. Так наслаждайтесь этим миром и будьте счастливы». Или, если цитировать на староалиарском: «Лиде! Созидаче вар мире, напойне гарамоне; мире...»

Раздались восхищённые выкрики: на староалиарском осталось всего несколько книг, знали его лишь по-настоящему образованные люди. Даже Тэрн восторженно улыбнулся. А потом с той же милой улыбкой заметил:

— Во-первых, «созидайч», а не «созидаче». Во-вторых, в староалиарском нет слова «гарамоне», она называлась «хотан», и там не «наслаждас», а «поглощте», просто исправили при переводе, чтобы красивее звучало... как знают даже те из нас, кто жил в лесу.

Алый Кайран хватал ртом воздух. Стоило ли говорить, что в этом туре Тэрн победил?

— Тарк, расскажи нам, что особенного в Священном Городе? — был единственный примечательный вопрос в следующем.

Тэрн напрягся. Для монахов это была самая важная тема. Он выдохнул и начал всё тем же возвышенным тоном:

— Как известно, Айнер был основан божьими посланниками, святыми Гелдером и Дайфусом — самыми чистыми людьми Алиара. Дело их продолжили святые отцы, наши всемилостивейшие и благороднейшие наставники. Поэтому за несколько столетий город наполнила такая праведность и чистота, что сам Дэйниэл-Творец изумился им. Он спустился, дабы воочию узреть подобное место, и был так поражён, что навсегда покинул свой небесный дом и поселился здесь. Он растворился в своём городе, но иногда воплощается в человеческое тело и ходит по улицам, словно обычный монах или прихожанин... Вот почему мы называем Айнер Городом, где живёт сам Творец.

Тэрн выдохнул и посмотрел на судей. Вроде бы, выступил неплохо, но кто знает... Ему повезло: этот этап он выиграл, как, впрочем, и следующие. Тур от тура становилось лишь проще: вопросы были более сложными, и там, где соперники терялись, он с лёгкостью давал ответ. Всё шло отлично, он уже вышел в финал и предвкушал победу, но — как обычно, «но».

— А теперь лёгкий вопрос, чтобы всем нам передохнуть. Тарк, разъясни всем нам смысл молитвы «Вверяю».

Тэрн почувствовал, как кружится голова. Его не учили этому? Но в ордене духовное воспитание считали важнее всего. Он забыл её? Нет, он знал молитвослов наизусть... значит, это обычная проверка.

— Такой молитвы нет.

Зрители ахнули, как один, и сразу же повисла тишина. Через минуту Нолин — нынешний соперник Тэрна — хохотнул. Из толпы ему ответили таким же искренним смешком. Потом ещё одним и ещё. Вскоре гоготала вся площадь.

Тэрн почувствовал, как голова втягивается в плечи, а сам он против воли делает шаг назад. Захотелось спрятаться или сбежать со сцены. Но Тэрн остановил себя и расправил плечи. Над ним могут

смеяться сколько угодно, даже если он ошибся — он всё равно лучше них всех!

Казалось, прошёл час, прежде чем один из святых отцов встал из-за судейского стола.

— Простим юноше его неграмотность. Тарк жил в лесу, и у него не было духовного наставника — лишь его родители. И Тарк отлично разбирается в вере для сына лесничего, — Тэрн уже успел признаться, что его отец был лесником, а мать плела корзины, и рассказать пару слезливых историй из детства (не своего, конечно же). — Простим ему эту ошибку и забудем о вопросе.

Тэрн поклонился. В почтительном молчании все ждали, пока святой отец опустится в кресло и сядет поудобнее. Наконец, брат Ишка прокашлялся.

— Раз святой отец Елло говорит так... Следующий вопрос!

Пока Нолин отвечал, Тэрн позволил себе отвлечься. Он ещё раз перебрал в памяти все молитвы, все священные книги, все занятия в часовне... не было. Не было такой молитвы.

— Тарк, расскажи нам, почему Дэйниэл-Творец сам не остановит Повелителя Мечей своей божественной мощью?

Глаза Тэрна загорелись: надо было восстановить позиции. Он обвёл толпу внушительным взглядом.

— Давно... когда люди Алиара были счастливы и не знали войн... — вкрадчивым шёпотом начал он, — из другого мира явился Повелитель Мечей... Был он настолько ужасен, что родной мир отверг его? Или так извратила его Пропасть, что лежит между мирами?.. А может, миры вокруг давно превратились в пустыню, покорившись ему? Нам остаётся лишь гадать, — Тэрн заметил недовольство на лице отца Елло и ещё нескольких судей и мигом переметнулся на официальную версию: — Святые отцы объясняют нам, что миры вокруг гораздо хуже и злее нашего; ведь сам Дэйниэл-Творец говорил, что Алиар — лучшее из его творений. Но по божественным законам нельзя уничтожить жителя другого мира, и наш всеблагой Творец боится, что если он сам выступит против Повелителя Мечей, то обречёт на казнь весь Алиар. Поэтому он может лишь глядеть на нас с неб... из Священного Города и желать нам победы в этой войне.

Этот вопрос тоже был довольно простым, но он сделал из ответа настоящий спектакль. Зрители, как завороженные, смотрели на него.

Тэрн всегда чувствовал настроение толпы, знал, что лучше сказать или сделать. Именно это позволяло ему правдоподобно врать или же рассказывать истории.

— Хорошо! Что ж, друзья, этот тур закончен, участники могут отдохнуть, пока наши благочестивые судьи решают, кто же пройдёт в финал. И не расстраивайтесь, если проиграете, ведь главное — не победа, а вера в Творца.

Тэрн вышел к Юню и Анде, с которыми успел сдружиться за время Состязаний. Брат Анда расхаживал туда-сюда. Это было странно: за прошедшие туры он уже успокоился, даже расслабился... («Я боялся, что ты сразу же опозоришь нас с братом Юнем», — объяснил Анда. «Я напоил его священным вином», — объяснил Юнь.)

— Теперь-то что? — хмуро спросил у него Тэрн.

— Что?! Что?! Твоя ошибка непростительна! Сказать, что нет молитвы «Вверяю»! Это же Символ Веры!

— Очень рад. Брат Юнь, а почему со мной выступал Нолин? Я думал, он вылетит ещё в самом начале.

— Да, Нолин должен был уйти ещё в первом туре... но нам был явлен знак.

Тэрн сразу же забыл о молитве и Анде.

— Ух, ты! Знак? Настоящий?! Как после смерти святых, когда Творец явил Четыре Чуда?

— Д-да... пожалуй, можно и так сказать...

Юнь отвёл взгляд. Тэрн подождал, но монах молчал и всё так же не смотрел на него.

— Какой знак был явлен?

— Ну-у... на него упал листик, — ответил брат Юнь, старательно изучая небо.

— Листик?..

— Да-да. Листик... священного дерева.

— А-а!

— В конце концов, в Священном Городе все деревья священные... — пробормотал Юнь почти неслышно.

Тэрн подавился, но не успел ответить:

— Иди, твой выход, иди скорее, — накинулся на него брат Анда.

Следующие туры не запомнились: Тэрн думал о неизвестной ему молитве и «знаках», которые получают монахи Айнера — и

становился всё мрачнее и мрачнее. Да и устал он за это время...

— Так что, — спросил он, едва закончился очередной тур, — далеко до конца?

Анда покосился на него:

— Этот этап последний...

Тэрн сглотнул. Ничего себе! Казалось, всё только началось... и в то же время, что тянется вечность. Вопросы были гораздо легче, чем каждый день задавали в ордене. Там спрашивали, почему так, зачем святой обратил внимание именно на это, что повлияло на такое восприятие этого момента людьми — заставляли думать. Здесь думать не надо было — только повторять заученные слова. Здесь, кажется, вообще не любили тех, кто думает...

— И вот, наконец, последнее состязание! Последняя, не побоюсь этого слова, битва! Слева от меня стоит доселе неизвестный, но уже покоривший наши сердца Тарк, сын лесничего; справа — наш знаменитый Болниант, который четырежды доходил до финала Состязаний.

Только тут Тэрн понял, как бешенно он устал. И зачем он в это ввязался, денег пока хватало, а там бы уж как-нибудь заработал, не на что время тратить, что ли... »Собер-рись!» — рявкнул он на себя. Именно так кричал его учитель (и надзиратель) Райк, когда пытался вбить в него хоть какие-то знания.

Это помогло, как и всегда; и, как всегда, помогло слабо. Тэрн без интереса слушал голос ведущего, ответы своего довольного соперника, да и свои — лишь изредка удивляясь, что говорит всё правильно.

— А теперь идёт очередной простой вопрос, с которыми так не везёт нашему другу Тарку. Тарк, расскажи нам основные заветы божьих посланников.

— Быть добрым, заниматься самосовершенствованием, верить в Творца.

Тэрн устало потёр глаза, а когда открыл их, понял, что все выжидательно смотрят на него.

— И-и?.. — протянул ведущий.

— «И?»... А... и всегда выбирать сложный путь, потому что то, что даётся легко, не развивает личность.

Тишина стала настолько весомой, что будто вороном уселась на плечо. Брат Анда закрыл лицо ладонью, брат Ишка натянуто

улыбнулся, а брат Юнь и вовсе развернулся и пошёл прочь.

— Болниант, — напряжённо сказал брат Ишка, — я думаю, вопрос переходит к тебе. Что является основой учения великих божьих посланников?

— О, это просто! Основой является безоговорочная вера в милосердие, справедливость и внимание Творца. Вера эта выражается в том, что перед любым делом надо искать знаки, посланные тебе Творцом, и ни в коем случае не идти против них. Но неудивительно, что Тарк не знает о них, ведь он не знал и о молитве «Вверяю», а это связанные области... незнание которой, как сказали святые отцы, нам надо ему простить. Юноше обязательно надо дать шанс выиграть!.. А я приеду в следующем году...

Судьи ушли принимать решение, Тэрн и Болниант остались на сцене. Анда за кулисами, кажется, готовился к личной встрече с Творцом, а Юнь всё не возвращался. «Вот гад! — подумал Тэрн. — Взял и бросил в такой момент». Тут он зажмурился: какая-то гадость светила ему прямо в глаза. Наконец, это кончилось и Тэрн посмотрел вниз: по его одежде бегал солнечный зайчик. Видимо, не он один заметил его, потому что толпа взревела. Тэрн напрягся, пытаясь уловить настроение людей, но разобрал в их криках: «Тарк! Тарк! Тарк!» — и успокоился.

Наконец, главный средь судей встал. Только тут Тэрн понял, что это был не только не святой брат, а даже не святой отец — перед ним стоял сам святой дед Ульа, глава Серебряного Храма и духовный наставник всего Алиара.

— Тарк показал незнание наиважнеиших областей нашей веры... но наш постоянный участник прав... остальные он знает отлично... к тому же, все мы видели Знак... который лишь подтверждает... что Тарк был послан нам Дэйниэлом-Творцом... а промежутки в знаниях своих он легко восполнит... ведь теперь ему даётся право поступить в нашу семинарию...

Его поздравляли, зрители кричали, брат Анда едва не терял сознание от переживаний, потом вручили мешочек с деньгами и какой-то амулет, он прорвался к Анде и наконец получил обратно свой меч, откуда-то взялся брат Юнь, похлопал его по плечу и снова исчез, опять поздравляли, опять люди мельтешили перед глазами, кто-то что-то

вопил... когда он немного пришёл в себя, то стал искать уже почти родных Анду и Юня. Но их обоих не было рядом.

1.2. Айнер: Мир без воли

Тэрн уже час бродил по улицам Айнера. В глазах рябило от количества людей, а от незнакомых лиц болела голова. Все подходили к нему, на разные лады хвалили, кричали поздравления.

Наконец, он увидел знакомое лицо.

— Эй! Видел брата Анду?..

Знакомое лицо улыбнулось.

— Он перенервничал, как обычно, и его отвели в келью. Бедный брат Анда, он всё принимает близко к сердцу, совсем не так, как завещал наш Творец: помню, на прошлых Состязаниях он и вовсе упал в обморок, а уж когда в шутку пригрозили лишить его места в храме... Кстати, раз уж мы снова говорим, ещё раз с победой тебя, дорогой друг!

После этого торопливого монолога Тэрн вспомнил, кто перед ним: Болниант, его последний соперник.

— Спасибо... друг. Слушай, а зачем ты меня выгораживал? Ты бы мог победить...

Болниант улыбнулся ещё шире.

— О, это просто, мой драгоценный друг! Ты, наверное, не знаешь, но человек, который побеждает в Состязаниях, больше не может участвовать в них. Он ведь становится святым братом, а для них Состязания недосягаемы... Считается, что он уже доказал свою веру в Творца и должен дать такую возможность другим... следует признать, в этом есть определённая логика, но до чего же это несправедливо и обидно для победителей! и совершенно непонятно, как им жить дальше.

Тэрн непонимающе посмотрел на бывшего соперника. Болниант воздел палец к небу.

— Где ещё я отвечу на такие интересные вопросы? Где смогу сравнить свои знания со знаниями других? Что ещё даст мне потребность каждый год обновлять своё ораторское искусство, и...

Тэрн замахал руками. Совместный этап на Состязаниях показал ему, что Болниант не замолкает до тех пор, пока его не остановят.

Тэрн обаятельно улыбнулся:

— Проводи меня, пожалуйста, к храму Анды и Юня. Расскажешь по дороге.

— Так Анды или Юня? Потому что они из разных храмов: брат Юнь принадлежит к Западно-Восточному, тому, что на севере, а...

— Анды!

Болниант обиженно насупился, но хватило его ненадолго. По счастью, на этот раз он не задавал вопросов, лишь что-то рассказывал, а за годы в ордене Тэрн научился изображать интерес настолько правдоподобно, что мог открыть школу по обучению этому мастерству.

— Вот мы и пришли. Это — Посевной Храм, брат Ан...

— Да! Спасибо, что проводил, дружище! — и Тэрн умчался как можно скорее.

Именно сюда водили его Анда с Юнем. Следовало догадаться: хотя келья была просторной и светлой, от неё веяло драматизмом, нервным напряжением. Брат Анда молился, и Тэрн не хотел мешать ему, поэтому продолжил оглядывать комнату.

Почему здесь возникало такое ощущение? Наверное, из-за несочетаемых цветов. Фиолетовые шторы будто мечтали вцепиться в красные покрывала, а тёмно-зелёный ковёр тихо мечтал уползти отсюда. Да и предметы в комнате стояли странно: на одном из столов падающей башней высилась стопка книг, а кресло стояло под углом к стене — в него явно врезались на полном ходу... Тэрн сразу же представил, как Анда каждый вечер, день, утро носится по комнате, нервно размахивая руками. Повезло Священному Городу, что монашеские кельи были такими огромными и энергия брата Анды хоть немного съедалась походами от стены к стене...

Тэрн хотел посмотреть, что за книги читает монах, но вдруг прислушался и окаменел.

— ...Благости Твоей себя — вверяю. Во всём подчиняюсь воле Твоей, во всём жду совета и помощи от Тебя, знаки Твои ищу во всём, словам Твоим следую, Устами Твоими, святыми отцами и дедами нам переданными. Мудрости их себя — вверяю. Решения свои...

Тэрн ошалело глядел на брата Анду. Так эта молитва действительно была?! Так суть учения божьих посланников была в непротивлении судьбе и воле Творца?! Получается, все эти годы в ордене его не просто пичкали чушью... ему целенаправленно лгали?!

Любое воспоминание об ордене вызывало в Тэрне горячую, огненную ненависть, но в этот момент она стала даже сильнее обычного. Как они могли, как у них совести хватило... Отбросили из вероучения всё, что им не подходило, и добавили новое, чтобы слепить учеников в нужные формы! А потом заставляли зубрить эту чушь, чтобы уж точно запомнили, чтобы марионеточки послушные получились!..

— О, брат Тарк. Я не заметил тебя. Всё в порядке?.. Какой-то ты бледный. Да и взгляд у тебя...

Тэрн заставил себя разжать зубы.

— Да. Отлично всё. А ты почему здесь? Из-за чего-то нервничал, говорят...

— Из-за чего-то? Из-за тебя ж, дурень, — вытаращился на него Анда.

— О, — не поверил Тэрн. Потом лживо улыбнулся: — Спасибо! Ты — настоящий друг!

Монах просиял.

— А брат Юнь так и не вернулся... После финала святые отцы позвали его к себе в Высокий Храм, а ведь это второй раз, он туда ещё и во время Состязаний ходил! А там только самые важные обсуждения проходят... — Анда вздохнул, — я ещё и из-за этого переживаю. Хотя я всегда переживаю... так глупо! Наверное, это потому, что я родился не в Священном Городе. Когда я пришёл сюда, я, как и ты, не знал главную молитву, а здесь-то ей учат с детства...

Тэрн медленно кивнул.

— Брат Юнь говорил, что ты должен был оставаться послушником, но вам был явлен знак... расскажешь?

Глаза брата Анды засияли истовой верой и его изнурённое лицо вдруг будто засветилось изнутри.

— Знаешь, мне до сих пор сложно в это поверить... Я тогда был лишь послушником, и очень неумелым. Я пробыл здесь уже много лет, и все мои ровесники давно стали братьями, а я... а я подумывал о том, чтобы уйти из Священного Города. И, если честно, никто из моих наставников не расстроился бы, если б я это сделал. Но однажды я снова смотрел, как получают сан мои товарищи... и тут — ты представляешь? — на меня сел жук!

— Жук.

— Жук! И святые отцы поняли, что я достоин стать братом. Я получил имя Анда и возможность выбрать себе храм. Я решил...

— Сел жук.

— Да! Я помню его, как сейчас: красивый, зелёненький такой — какой только и мог быть послан...

— Сел зелёненький жук.

— Прекрати! Я знаю, что ты думаешь, но это лишь потому, что ты не проникся нашей праведной верой!.. если б я тебя святой водой не полил, ты бы и вовсе не победил... — закончил Анда себе под нос.

Он насупился и отошёл к краю комнаты, где стал усердно перекладывать книги с места на место. Тэрн пожал плечами и стал переодеваться. Анда всё так же обиженно не оборачивался, и Тэрн решил проверить содержимое рюкзака. Так, куртка — на месте, метательные ножи — все здесь, бурдюк с водой...

— Да, да, мы устроили Состязания именно для того, чтобы стащить твою куртку, — пробормотал брат Анда и положил книги на полку, откуда только что их убрал. После чего снова вернул их на стол.

Тэрн вздохнул.

— Я не хотел тебя обидеть.

— Да ты не обидел... вот придёшь когда-нибудь, скажешь, что победил Повелителя Мечей, а я спрошу: «Да, ладно, прям Повелителя? Может, так, Хозяина?..» Эй, ты чего опять такой бледный?

— Почему Повелителя Мечей? — тихо-тихо произнёс Тэрн.

Анда недоумённо посмотрел на него.

— Да просто к слову пришлось. Шутка. Вроде как, ты герой из Пророчества и должен победить Повелителя Мечей, понимаешь?

— Понимаю. Бред.

Брат Анда пожал плечами и снова отвернулся. Тэрн почувствовал, что должен извиниться: в конце концов, Анда поддерживал его всё время Состязаний! — но последний раз он извинялся много лет назад и теперь даже не знал, что сказать.

Худшим было, что Анда не обиделся и не разозлился: просто замкнулся в себе, втянул голову в плечи и глядеть стал более настороженно, явно ожидая от Тэрна следующей гадости. А Тэрн... пытался подобрать слова.

Наконец, он выдавил:

— Слушай, зря я...

— Брат Тарк! — дверь распахнулась, явив брата Юня. — Как хорошо, что ты здесь, нам срочно нужно поговорить.

Он посмотрел на Анду, на секунду задумался и продолжил:

— Брат Анда, там ищут тебя: фреска Алиты Светлой вся в трещинах.

Анда побелел, а через секунду его уже не было в келье, только дверь захлопнулась за спиной.

Тэрн хмыкнул.

— Зачем ты так? Он ведь переживать будет.

Юнь отмахнулся: он был непривычно мрачен.

— Там действительно есть трещинка. Одна. Маленькая. И брат Анда при взгляде на неё всё равно решит, что фреска разваливается... неважно. Брат Тарк, у меня к тебе...

— Брат Тарк?

Юнь моргнул.

— Ты победил в Состязаниях, теперь у тебя звание брата... Но молчи. И слушай.

Брат Юнь снял с пояса мешочек с монетами и кинул в Тэрна.

— Я уже получил свой выигрыш, — удивлённо отозвался тот.

— Это не выигрыш. Это... дополнительный приз. От святого деда Ульа. Только... он идёт с некоторым условием... или даже дружеским советом, да, назовём это советом. Брат Тарк... никогда не возвращайся в Айнер.

Тэрн моргнул. Моргнул ещё раз.

— Ты что-то путаешь. Святой дед сказал, что меня будут рады видеть в вашей семинарии!

Брат Юнь внимательно посмотрел ему в глаза и сказал:

— Он пошутил.

Тэрн почесал в затылке.

— Подожди... то есть, то, что я говорил...

— Было бы ересью, если б не было такой глупостью, и не должно быть повторено нигде.

Тэрн помолчал. Брат Юнь понемногу переставал быть таким мрачным — после того, как понял, что его слова восприняли всерьёз.

— Высокий Храм — это тот длиннющий шпиль? Недалеко от площади, где я выступал? — монах кивнул. — А... как на мне оказался тот солнечный зайчик, брат Юнь?

Монах сложил руки в молитвенном жесте.

— Неисповедимы пути Творца.

— Неисповедимы... — согласился Тэрн.

Брат Юнь удовлетворённо кивнул и вернулся к прежнему благостному состоянию:

— Попрощайся со мной перед отъездом? И с Андой, а то он расстроится.

Тэрн усмехнулся.

— Я должен уехать прямо сейчас? Или могу насладиться красотами города?.. Раз уж я сюда не вернусь...

— Конечно-конечно! У тебя есть весь сегодняшний день. Повесь приз на шею и тебя с радостью пустят в любой, самый труднодоступный храм...

Тэрн задумался, как нелепо будет он выглядеть с мешочком монет на шее, но потом вспомнил и что ему вручили какой-то амулет. Он, не приглядываясь, надел его.

— Разумеется.

Брат Юнь закоулками вывел его на тихую площадь. Рассказал, в какие храмы лучше заглянуть и как пройти к ним.

— А торговая площадь у вас есть?

— Да, но она переделана в площадку для Состязаний. Есть ещё некоторые, но они просто закрыты: Состязания — отличное время отвлечься, мы не тратим его на работу. Если хочешь купить что-то, посмотри в храмах.

— Вы торгуете в храмах? Здорово... Но разве это не запрещено?

— Мы спросили, и нам был я...

— ...влен знак, да-да.

Помолчали. Тэрн почувствовал, что закипает.

— Удобно-то как. Видишь то облако в форме дома? Я уверен: это знак Творца! Он говорит, что ты должен отдать мне все свои деньги.

Юнь тонко улыбнулся и промолчал.

— Не стыдно же тебе вот так обманывать людей! — продолжил Тэрн. — До чего противно...

Он дёрнул плечом и торопливо зашагал по улице, не слушая ответ Юня. Хватит. Та же просеянная, отсортированная ложь, да ещё и прикрытая моралью и верой — в точности как в ордене. Те же ублюдки, которые выжмут из тебя последние силы, используют тебя и

сами же прикончат... а потом расскажут другим, как героически ты пожертвовал собой ради мира!..

Тут Тэрн осёкся.

Он ведь сегодня уже это думал... Да, из-за той молитвы... Он ведь решил, что наставник специально искажал духовное учение... сколько гадостей успел подумать... А оказалось...

Тэрн мотнул головой. Наставник всё равно заслужил все эти проклятья... любые проклятья заслужил! Все они там уроды.

Он заставил себя глубоко вдохнуть. Надо забыть уже всё это, оставить прошлое прошлому и прочие банальные глупости, говоримые в таких случаях.

— Не подскажете, где здесь таверна?.. — обратился он к ближайшему жителю. Горожанин был не в монашеской одежде, потому Тэрн и выбрал его.

— В Священном Городе нет таверны, — удивлённо отозвался айнерец.

— Ясно... но поесть у вас где-то можно?

Горожанин засиял, как начищенный сапог.

— Ты можешь поесть у меня, брат Тарк! И я, и моя жена сочтём за честь угостить победителя Состязаний!

Тэрн поморщился. Идти к нему — значит, слушать про Состязания, веру, то, какой он молодец... с другой стороны, это Айнер — где ему не придётся слушать об этом? А тут зато платить не нужно... это решило вопрос.

На устроенное зрелище — кормление победителя — собралась, похоже, вся не монашеская часть Айнера. Впрочем, часть эта всё равно была небольшой.

— Спасибо. А не могли бы вы, — Тэрн подбирал слова как можно осторожнее, — рассказать о знаках Творца, которые вы видели?

Хозяйка расцвела.

— Конечно, брат Тарк, всё, что ты хочешь услышать! — она смолкла. — Ой, столько всего, что даже не знаешь, с чего начать... Но главное — это, конечно, наша Нита...

— Да, наша Ниточка! — поддержал её муж.

— Мы не знали, за кого выдать её замуж...

— Всех женихов Айнера перебрали! Она же дочь булочника, а не кого-нибудь там!

— И, наконец, наш милосердный Творец послал Знак...

— Да, Знак! Я ж хотел сходить к сапожнику, только дверь открыл — а кошка наша как рванёт в дом...

— И за ней огромный злющий пёс...

— Потом уже, когда прогнали его, оказалось, что это собака Тивина.

— Тут-то мы поняли, что именно ему суждено быть женихом нашей Ниты. А ведь сами мы ни за что бы не догадались: семья Тивина такая бедная... да и пьёт он многовато...

— Но Творцу, конечно же, виднее!

— Конечно же, — тихо повторил Тэрн. — И как они сейчас, счастливо живут?..

Все удивлённо посмотрели на него.

— Счастливо?.. Ну, что значит «счастливо»... Как все, так и живут... — хозяйка равнодушно пожала плечами.

Оставшиеся гости — жена кузнеца, мясник и травница — наперебой стали делиться своими историями. По сравнению с которыми севший на плечо жучок и собака, гоняющаяся за кошками, и впрямь казались ясными, логичными посланиями Творца. Особо проникновенными были истории, в которых Творец указывал немедленно пожертвовать в храм часть своих товаров.

— Это всё так замечательно, — выдал Тэрн с улыбкой слишком широкой, чтобы быть искренней. — Так интересно! Но как же вы толкуете все эти сложнейшие знаки?

— Уста Его — святые отцы и братья — разъясняют нам их, да возрастёт их невероятная мудрость.

— Уста... — повторил Тэрн. Разумеется, ни в одной из священных книг так монахов не называли. — То есть, когда вы видите что-то похожее на знак, вы сразу бежите к святому отцу, который разъяснит вам его...

И так год за годом... без перемен... без попытки подумать... без желания что-то изменить... Тэрн хмыкнул, вспомнив Леку и её забавную семью.

— А крыша у вас, случаем, не протекает?

Хозяева поглядели на него, как на великого пророка. Тэрн помедлил.

— Дайте угадаю: а не чините вы её, потому что был явлен знак.

Он хотел предложить свою помощь: раз уж жители считают, что он был послан самим Творцом, то поверят и что именно его Дэйниэл отправил чинить им крышу — но вдруг понял, что не хочет им помогать. Он не хочет ничего не делать для этих людей; пусть мокнут, пусть хоть утонут при следующем дожде... А хочет он — убраться из Проклятого Города.

***

— Сбежать. Подставить всех, кто от него зависел. Предать тех, кто его воспитывал. Опорочить все принципы, всё, что так долго внушали ему!..

Райк метался по комнате. Наставник Лорм печально кивал на каждую фразу и смотрел в окно, на розовые кусты.

— Наставник! — Райк склонился над его креслом. — Я понимаю, как вам горько признавать это, но вы должны. Признайтесь хотя бы себе: вы ошиблись.

Наставник поднял взгляд на него.

— ...Тэрн — не герой из Пророчества. Он не может им быть. Вы ошиблись!

Наставник Лорм кивнул и снова посмотрел за окно.

— Ты прав... Тэрн нарушил все наши принципы... он эгоистичен, тщеславен и корыстолюбив. Но есть кое-что гораздо хуже, — старик вздохнул, — Тэрн и есть наш герой.

***

...Герой легко соскочил с телеги. Его согласилось подвезти крайне милое семейство; ехали они, как Тэрн и собирался, в Реллу. В этом городе не признавали Дэйниэла-Творца. Точнее, там и вовсе считали, что нет никаких богов и никаких миров, кроме Алиара, — как ни сложно представить что-то подобное.

Тэрн всегда хотел побывать там. Ещё в ордене все эти разговоры о боге и праведности привили ему невероятную ненависть к религии, и она стала лишь сильнее после Айнера и его приторной, притворной религиозности, которая словно въелась ему в одежду.

Да, Тэрн мечтал попасть в Реллу — но прекрасно понимал, что когда его будут искать, то из деревни, расспросив людей, пойдут в Айнер, а там сразу догадаются, что за неизвестный юноша мог поразить всех знанием религиозных книг. И легко узнают, куда и с кем он поехал.

Так что во время ночлега Тэрн дождался, пока спутники уснут, и соскочил с телеги. Он оставил десять монет, потом смутился и добавил ещё десять. Он имел крайне смутное понятие о ценах в мире и поэтому, с одной стороны, боялся показаться жадным, а с другой — опасался, что денег ему не хватит.

Ближайшим городом был Эрнел, и именно туда решат, что он направился. Поэтому Тэрн вздохнул и вернулся немного назад, чтобы пойти по дороге в Дейнар. Ночевать опять пришлось бы в лесу — зато никто не пытался убедить его остаться.

2.1. Дейнар: Золотая библиотека

Ты хотел свободы — что ж,
Получил сполна!
Отчего её не пьёшь,
Как пили всегда до дна?

Мастер

Шёл уже который день, а Райк всё не переставал злиться. Почему он должен искать маленького ублюдка?! Зачем вообще его искать?

«Крышу предлагал починить. Паскуда. Хоть бы раз в ордене починил что-то...»

— Денег, небось, хотел?

Девушка из деревни — Лека? — медленно моргнула.

— Хотел?.. Да... Он зашёл к Молодому Терсу... продавал что-то...

Райк только фыркнул: он не хотел даже думать, что решил продать мерзкий выродок. Ну надо же, пошёл в Айнер... не побоялся ведь, урод, что выгонят из Священного Города...

Самым мерзким было то, что Наставник запретил ему искать гадёныша. Только разведать, куда пополз этот червь, и вернуться. Настоящими поисками, сказал он, займётся другой человек... Другой человек!.. Другой человек найдёт его и вернёт в орден. А это вовсе не то, что было нужно.

Нет, Райк не хотел занять место Тэ... Мировая Пропасть, разумеется, он хотел! А почему нет?! Он более сильный воин, он ответственный, он всегда исполнял приказы и соблюдал Дэйниэловы Заповеди. Почему он должен быть на вторых ролях?!

Но Райк готов был смириться со своей ролью обычного помощника... помощника достойного героя. Тэрн таковым не был.

«А может, не возвращаться? — пришла вдруг мысль. — Я обязан разведать, где он сейчас. А знаю лишь, что он побывал в Айнере. Мне даже доложить нечего!..» Райк выдохнул. Посмотрел на лес, в котором оставался орден. На дорогу в Айнер. Наставник строго-настрого запретил ему следовать за Тэрном… и это был первый раз, когда Райк собирался его ослушаться.

***

Понимаешь ли ты, что это такое — жизнь?
Отсутствие жизни — это не смерть. Смерти нет.
Отсутствие жизни, которой мы жаждем,
это просто существование.

«Тургор»

Дейнар был невероятно похож на Айнер — но лишь на первый взгляд. Как Айнер был средоточием религии, так Дейнар хранил знания. В центре его возвышалась огромная библиотека, а вокруг (как храмы в Айнере или грибы в лесу) были библиотеки поменьше — а также школы, университеты и многие другие обители знаний.

Здесь Тэрну стучать не пришлось: ворота были чуть приоткрыты. Он протиснулся в щель между створками и огляделся. Впереди раскинулась прямая улица, в конце которой виднелась Главная Библиотека. Она была весьма схожа с айнерским Серебряным Храмом — разве что крыша у неё была золотая. На солнце, наверное, на неё и смотреть было тяжело.

Людей на улицах не наблюдалось, и Тэрн, собиравшийся спросить дорогу, просто пошёл вперёд.

Это был удивительный город — даже более удивительный, чем предыдущие. Тэрн слышал, что люди здесь привержены традициям, но до этого дня не осознавал насколько. Все здания вокруг, казалось, были выстроены множество веков назад; не было ни мостовой, ни печных труб — но зимы в этой области не были теплее; видимо, топили «по-чёрному», так, что дым шёл внутрь.

Тэрн одёрнул себя: может, у них другие способы отопления... но что-то подсказывало ему, что существуй они, в ордене бы их изучали. Удивительно, насколько далеко готовы были зайти дейнарцы в своей верности традициям.

Тэрн миновал таверну «Речной лис». Она тоже была закрыта. Парень на всякий случай подёргал дверь и хотел уже заглянуть в окно, но тут глаза его широко раскрылись. Окна дома были сделаны из бычьих пузырей. Он тряхнул головой. Во всём Алиаре окна уже тысячелетие стеклянные!..

Вывеска над ним заскрипела. Под названием висел явно ненастоящий и слегка проржавевший якорь, и Тэрн отошёл, опасаясь, что это украшение рухнет ему на голову. Таверне, где окна были сделаны из бычьих пузырей, он не доверял совершенно.

Больше не останавливаясь, Тэрн дошёл до библиотеки. Он всегда считал, что ненавидит читать и сам удивился, когда понял, что ему не хватает книги. Видимо, сила привычки, ведь все года в ордене он читал ежедневно. Конечно, за последние дни столько всего случилось, но... без текста перед глазами всё равно было неуютно.

Тэрн надеялся, что чтение не будет вызывать у него такой ненависти, если в книгах не станет говориться о религии и истории, а в конце приключений героя не будет приведена мораль. Он никогда не встречал таких книг, но ребята, попавшие в орден во взрослом возрасте, говорили, что таких большинство. Тэрн отвечал, что они врут, и обычно дело заканчивалось дракой, — но глубоко в душе он мечтал, что их слова окажутся правдой.

Библиотека была закрыта.

На дверях висела огромная, хоть и ржавая цепь, дополнял её здоровенный замок. Тэрн видел, что если упрётся ногой в стену, то запросто порвёт эту цепочку, — но это могло быть расценено как проникновение на закрытую территорию, а он не хотел проблем с местными жителями... если, конечно, здесь были жители.

Из карты Дейнара Тэрн помнил, что недалеко от библиотеки столетиями стоял дом мэра. Он даже видел его изображение — на классической картине «У парадного крыльца»: на ней учёные со всего света столпились у дверей Кэпки, двенадцатого по счёту мэра, и каждый из них предлагал свою точку зрения на устройство мира. На картине был изображён огромный деревянный дом; слева от крыльца айнерский монах воздевал руку к небу, справа техник из Реллы демонстрировал сложный механизм, в левом нижнем углу расталкивал зевак завандрец, в правом, не обращая ни на кого внимания, танцевала девушка из Эрнела. Там было ещё множество народу — Сидр Италиано славился своим умением выписывать малейшие детали, — но сейчас Тэрн думал в основном о самом здании. Сколько в его изображении было правды, а сколько — художественного вымысла?

Дом оказался в точности таким же — Тэрн словно попал на ту самую картину. Это было пугающее ощущение. Столько вечеров он просидел с книгой репродукций, представляя, как окажется на одном из мест в ней: как войдёт в Серебряный Храм, или пройдёт по Выставке Техников в Релле, или — встанет у парадного крыльца дейнарского мэра. Но он всегда был уверен, что это только мечты, что

до сражения с Повелителем Мечей вокруг будут лишь стены ордена и кусты, в которых он прятался от учителей, — как и всегда в жизни алиарского героя… Ощущение свободы вновь накатило на него с невероятной силой.

Тэрн выдохнул и постарался придти в себя. Пора уже, пора жить, а не мечтать! Он поднялся на то самое крыльцо и постучал. Никто не ответил, зато дверь отворилась от стука.

— Эй! Есть кто?..

Ему снова не ответили. Да есть в этом городе хоть кто-то живой?.. Тэрн поёжился и осторожно переступил порог дома. Внутри было темно, и он подумал, что дом, похоже, пуст. Но слишком странно было представить себе Дейнар без мэра — это как весна без листвы или гроза без молний.

Всё так же крича, Тэрн прошёл по дому. Поднялся на второй этаж, на третий… Наконец, где-то в глубине дома раздались шаги. Тэрн пошёл на звук и вскоре столкнулся с одуловатым седым дядечкой — назвать его иначе было сложно. Он был одет в тёплый пышный халат, круглое лицо его было совсем сонным. Дядечка подскочил (подкатился) к Тэрну и принялся трясти его руку.

— Здраствуйте-здравствуйте! Впервые в нашем городе? Надолго к нам? Не холодно на улице? Как вам моё скромное жилище? Как вас зовут?

— Т... рик, — сказал Тэрн и одёрнул себя: «Долго ещё будешь придумывать имена на «т»?»

— Очень, очень приятно! А я — Ларч Стаггер, пятьдесят девятый мэр славного города Дейнар, хранителя знаний и обители науки. К сожалению, и до фестиваля, и до ярмарки ещё далеко, так что я совершенно не представляю, чем можно развлечь дорогого гостя! Вы ведь на них пожаловали?

— Да нет… я в библиотеку хотел попасть.

Мэр уставился на него, словно на человека, объявившего себя посланником Творца: с недоумением, подозрением и испугом.

— Разумеется, я не надеюсь пройти в Главную Библиотеку, — поторопился заметить Тэрн. — Меня устроит и обычная... и я готов заплатить за вход!

Ларч так же странно смотрел на него. Потом почесал в затылке и проникновенно спросил:

— А зачем вам туда?

Тэрн подумал, что это шутка, но дядечка глядел на него с громадным интересом. Да уж действительно, зачем ему в библиотеку!.. Этот мир словно с ума его свести решил: каждый новый город всё безумнее.

Тэрн нацепил непроницаемое выражение лица и ответил:

— Читать книги.

Мэр усмехнулся. Потом ещё раз. Через некоторое время он уже заливисто хохотал, а Тэрн безуспешно пытался понять, что он сказал не так.

— Читать книги, ну надо же!.. Читать книги!.. Хорошо. Сейчас я поищу ключи.

Мэр удалился вперёд по коридору, жестом позвав за собой. Тэрн миновал пару поворотов и вскоре перед ним предстала огромная, богато украшенная зала: в ней можно было играть в прятки, догонялки и жмурки одновременно. На стенах висели картины, на тумбах стояли гипсовые и бронзовые бюсты героев Алиара, над комодом была красивая гравюра, а на потолке — лепнина. Видимо, всё это обилие классики должно было поразить входящего, и Тэрн был по-настоящему поражён. Произведения искусства покрывали всю стену сверху донизу. Ближайшей из картин был прекрасный натюрморт, над ним висели батальное полотно и пастораль; правее было изображение шторма на море, под ним висел натюрморт, выше был маленький гризайль; дальше шли пейзаж осеннего леса, портрет пожилой дамы, снова натюрморт… в памяти всплывали названия картин и имена авторов. Это были сплошь шедевры живописи, как подсказывало дурацкое орденское образование. В скульптуре Тэрн разбирался гораздо хуже, но пару изваяний тоже узнал.

Он поискал глазами мэра. Ларч по пояс торчал из шкафа. Через некоторое время он вылез оттуда, развёл руками и зарылся в стоящий у стены сундук. Вздохнул и стал копаться в ящиках стола.

— Красивая у вас коллекция.

— Ещё бы! Умный человек всегда разбирается в шедеврах культуры!

Тэрн кивнул. Он хотел поближе взглянуть на одну из картин, но её заслонял мраморный бюст. Тэрн отклонился влево и пригляделся.

— Ух, ты! Это же Микциан! Подлинник?

— Обижаете, — самодовольно ответил мэр: восхищение в голосе Тэрна явно польстило ему. — Да где ж эти ключи…

Взгляд Тэрна упал на скульптуру перед картиной. Обрывки знаний в голове подсказывали ему, что это подделка, но он никак не мог вспомнить, что именно вызывает такую уверенность. Поэтому он промолчал, да и мэра не хотелось расстраивать. Он пригляделся к статуям и картинам и заметил ещё несколько фальшивок.

— А почему библиотека закрыта?

— А-а. Всякие несознательные граждане... то танцы устроят... то оргию...

— В библиотеке?!

— Ну да, там зал же большой... — мэр почти скрылся в очередном сундуке.

Тэрн покачал головой.

— Но если кто-то захочет почитать книги, ему же будет неудобно из-за того, что библиотека закрыта?

— Да кому она нужна... о, вот же ключи! Наконец-то! Держите. Если не будет открываться, там на втором этаже окно выбито: как-то руки не доходили починить, да и незачем. Вы в достаточной форме, чтобы туда забраться. Хотя я, конечно, тоже в ваши годы... — мэр покосился на выглядывающие из-под рубахи мускулистые руки Тэрна и осёкся, — ну, не настолько, конечно... но где-то... ну... В общем, идите, да, — смущённо закончил он. — Если уж совсем не получится, сорвите вы эту цепь, когда-нибудь новую повесим.

Тэрн благодарно кивнул и принял ключи.

— А почему город почти пустой?

Ларч пожал плечами.

— Так ведь рано ещё. Солнце даже не в зените.

Тэрн поблагодарил его и попрощался.

— Подождите! — донеслось ему вслед. — Я совсем забыл. Там темно же... хоть факел возьмите.

— Факел?! В библиотеку?

Мэр пожал плечами.

— Ну да. Как хотите, конечно... там на первом этаже лампы были... но кто знает, как ими пользоваться… но вы чувствуйте себя, как дома. Приятно, что это здание хоть кому-то пригодилось.

***

Джон зевнул. Последний раз он спал вчера днём и уже устал постоянно следить за дорогой. Но останавливаться было нельзя: он всё ещё находился в окрестностях Завандра, эти леса кишели комарами, клещами и разбойниками.

Джон уже пожалел, что не нашёл себе помощника. Не пришлось бы всё время следить за дорогой, да и ехать было бы веселее... но он слишком привык к одиночеству, чтобы выносить чьё-то присутствие, да и терпеть не мог местный люд... да, и конечно же, никому нельзя было верить.

— Подождите! Стойте! — из леса выскочила растрёпанная девушка и бросилась наперерез повозке. Джон остановил коня. — Пожалуйста, помогите! Подвезите меня... куда-нибудь!

Джон вздохнул. Типичная ловушка от разбойников: прелестная девушка, попавшая в беду.

— Залезай.

В конце концов, что он теряет?

Незнакомка вспорхнула на телегу; Джон усмехнулся: для простой девушки, которой она пыталась казаться, она была уж в слишком хорошей форме. Да и тёмно-зелёный костюм её слишком подходил, чтобы прятаться в ночном лесу.

— Спасибо, спасибо вам!

Телега снова двинулась. Чуть скрипели колёса, изредка фыркал конь, пели птицы — вот и всё, что нарушало тишину ночи. Именно так и проходила обычно жизнь Джона... а вот для его спутницы молчание, очевидно, было неуютным. Девушка заёрзала. Может, и впрямь чувствовала себя странно оттого, что её в упор не замечают, а может, готовила почву, чтобы отвлечь его в нужный момент.

Наконец она решилась:

— Вы... продаёте яблоки?

Джон кивнул. Телега и вправду была нагружена бочками с яблоками.

— Едете на рынок?

Джон кивнул. Это было неплохое прикрытие, как он считал.

— А зачем вам меч?.. Потому что здесь опасно, да?.. А вы... умеете с ним обращаться? И хорошо?

Джон всё так же кивал. Девушка выдохнула. Вздох её был полон столь искреннего облегчения, что он вдруг засомневался: а может, и не

разбойница?

После этой беседы спутница, казалось, успокоилась. Она уже гораздо веселее смотрела вокруг, оправила одежду, откинула прядь со лба.

— А можно яблочко? Я заплачу.

Джон в очередной раз кивнул. Сзади захрустели яблоком.

Дорога тянулась и тянулась, и должна была тянуться ещё несколько дней, которые казались бы вечностью из-за её однообразности и безынтересности...

— Куда вы едете, в Айнер?

Джон наградил её очередным кивком, а потом решил и ответить. Уже прошли даже те времена, когда он говорил с собой, чтобы не сойти с ума, и теперь иногда забывал, как звучит собственный голос.

— А куда тебе нужно?

Голос прозвучал низко и хрипло, но внутреннего протеста не вызвал. Да, кажется, он и был именно таким.

— Мне?.. — она отвела взгляд. Потом проронила неожиданно тоскливо: — Подальше...

Джон пожал плечами. Если бы она знала, куда он хочет попасть в итоге, то несомненно удивилась бы, насколько точно описала это место. «Пожалуй, всё же не разбойница. Может, не дала сынку какой-нибудь завандрской шишки. Или самой шишке. А может, украла что...» Разницы не было. Хотя эти размышления немного развлекали.

— А вас как зовут?

— А тебя?

— А вас?

Он на секунду задумался. Потом пожал плечами: не всё ли равно? — и ответил честно:

— Джон.

— А я... — она задумалась точно так же, — Кина.

Видимо, пришла к тому же выводу. А может, выдумывала псевдоним. А может... какая разница.

— Хорошо, — сказал он, чтобы не молчать.

— Очень, — поддержала она.

Телега чуть покачивалась. Конь неторопливо перебирал ногами. Джон даже не дал ему имени: он едва купил его и собирался продать, как только закончит путешествие, поэтому не хотел привязываться.

— Джон?

— Я.

— Ты ведь не торговец яблоками.

— Да ты тоже не пирожки бабушке несёшь.

Кина фыркнула. Снова замолчали.

— Что не так?

— А?

— Почему ты решила, что я не торговец.

— У тебя... один меч рядом, а второй за спиной лежит. Такой же, судя по рукоятке и по длине. Они парные. Крестьянин с парными мечами?..

Джон кивнул:

— А-а.

Снова замолчали. Дорога была столь длинна и однообразна, будто они ехали по кругу.

— Может, я бывший солдат?

— Солдат с двумя мечами?

— А может, из богатых?

— И торгуешь яблоками?

— Хм. Тогда, может быть, я боюсь, что меч потеряется? Или в подарок везу. Или, может, я их собираю.

— Может... — протянула она и легла на спину. Для неё это тоже не имело значения. — Звёзды здесь красивые.

— Звёзды везде красивые.

Если ехать долго-долго, можно оказаться вне времени и пространства. Можно забыть, сколько тебе лет, или как тебя зовут, или кто ты — а может, наоборот, вспомнить.

— Если ты не продаёшь яблоки, зачем тебе в Айнер?

Джон снова помолчал.

— Я... кое-кого ищу, — наконец проронил он, и слова его прозвучали неожиданно зловеще.

2.2. Дейнар: Мир без знаний

Свет слабо сочился сквозь грязные окна. Чуть ли не на ощупь Тэрн спустился в подвал и нашёл-таки лампу. Это был один механизмов, сделанных в Релле, городе техников. Зажглась она легко — релльские механизмы редко ломались, — и лицо Тэрна мгновенно вытянулось. Полы были устланы ковром из пыли, а в облюбованных местечках уютно устроились постоянные посетители Главной Библиотеки — пауки. Тэрн зажёг ещё несколько ламп и нашёл кладовую. К изумлению своему, там он обнаружил даже раковину с водой. Это было одно из множества изобретений Реллы, трубы прокладывали из ближайшего водоёма и по какому-то принципу вода поступала в здание (по счастью, эта чушь в его обучение не входила), но использовался этот механизм не так часто. Тэрн знал, что такие трубы были в доме Наставника; видел многие из них в храмах Айнера. Но после подобной отсталости в остальном городе встретить их было странно. С другой стороны, это была Главная Библиотека, и к ней не всегда относились так, как сейчас...

Тэрн повернул кран. Ничего не произошло. Он вздохнул: видимо, даже релльские механизмы иногда ломаются. Но тут из трубы робко, словно бы даже изумлённо заструилась вода. Рядом с раковиной обнаружились ведро, швабра и полуистлевшая тряпка.

Он убирался до самого вечера, хотя и чувствовал себя при этом редкостным, невероятным кретином: сбежать из ордена, чтобы помыть полы в заброшенной библиотеке!.. Наконец он вымыл руки и устало привалился к полке с книгами. Удалось закончить только один этаж, но Тэрн уже успел безумно устать. И теперь мог вознаградить себя: он подтащил к себе лампу и уставился на полку. На ней стояли детские книги.

Тэрн всплеснул руками и схватил сборник сказок. «Спящие Красавицы», «Серая Шапочка и Красный Волк», «Конституция»... это были те самые сказки, которые мама читала ему в детстве!

«В одном далёком-далёком городе на самом краю Алиара жили-были девушки, с красотой которых никто не мог сравниться.

Столетиями к ним приезжали свататься мужчины со всего мира. Но однажды Повелитель Мечей...»

Тэрн фыркнул и захлопнул книгу.

— Что за чушь! Делать Повелителю Мечей больше нечего, город с девками захватывать! Ладно, хватит, не ребёнок уже сказки читать.

Он потянулся поставить книгу на место, но не удержался и снова открыл её.

«...Повелитель Мечей решил захватить этот город: он знал, что на его спасение кинутся все мужчины Алиара, и хотел устроить ловушку для героя, которым в это время был мечник Смат...»

Тэрн просидел в библиотеке несколько дней. Он читал сказки, истории о путешествиях, книги об устройстве различных механизмов, байки и анекдоты; изучил одну энциклопедию и пролистал пособие по этикету. Но больше всего ему нравились приключения. Там были самые разные герои: воры и убийцы, проститутки и торговцы; монахи частенько изображались мелочными или недалёкими, герои — глупыми, Творец — несправедливым... Тэрн никогда не читал таких книг.

Гася по пути лампы, он пошёл вниз. Есть, вроде бы, не хотелось. Да, кажется, он ел пару раз... или нет...

Тэрн зевнул. День за окном был в самом разгаре. Он вышел и снова запер дверь. По улице изредка проходили люди: в Дейнаре всё-таки были жители. Они с интересом смотрели на него, но Тэрн слишком хотел спать, чтобы отвечать им тем же. Он прошёл к дому мэра и снова постучал в дверь. На этот раз голос донёсся сразу же:

— Заходите-заходите!

Тэрн послушался. Едва он переступил порог дома, как к нему кинулся Ларч, этот невысокий человечек.

— О! Вы живы. Вас не было так долго, я решил, что вы и не появитесь!

Тэрн кивнул.

— Со мной всё в порядке, спасибо за беспокойство... Но я подумал: если книги настолько неважны для вас, может, я мог бы купить парочку?.. троечку... десятков...

Мэр удивлённо уставился на него. Потёр подбородок.

— Конечно. Конечно. Почему нет?

Тэрн просиял и даже проснулся.

— Отлично! Давайте сразу же обсудим цену.

— А может, сначала выпьем?

Тэрн покачал головой.

— Сыграем в карты?.. в кости?.. ещё во что-нибудь?

Тэрн снова помотал головой. Потом задумался. Но нет, он и так провёл в Дейнаре несколько дней — и хотя со своей остановкой между Реллой и Эрнелом он отлично запутал следы, всё равно стоило торопиться.

Мэр поцокал языком:

— Всё зло от книг! Они делают людей скучными, заставляют их забывать обо всех развлечениях. Может, останетесь? У нас скоро ярмарка, будет весело.

Тэрн покачал головой.

— Спасибо за предложение, но сейчас мне нужно идти. Давайте поговорим о цене на книги.

Мэр задумался.

— Знаете, — наконец решил он, — берите просто так.

Тэрн ошарашенно моргнул. Ларч усмехнулся:

— Я честный человек... ну, для мэра. И моя совесть не позволяет брать деньги за такую чушь. С другой стороны...

Тэрн выжидающе смотрел на мэра, но Ларч держал паузу и цепко оглядывал его. Тэрн напрягся: взгляд у мэра был, словно... у мэра! Типичного циничного политика. Он понял, что сейчас Ларч выдвинет невыполнимые условия, — но взгляд дядечки снова стал сонным, и мэр лишь устало потёр веки.

— ...У вас интересная куртка. У одного из героев Пророчества — Анорака — была похожая. А мы, знаете ли, раз в полгода устраиваем театральные представления...

— Понял.

Тэрн с большой радостью снял с пояса куртку. Он был доволен, что цена оказалась столь невысокой, да и лишь сейчас сообразил, что нужно избавиться от орденской одежды. По ней ведь его мгновенно вычислят!.. Что погоня уже началась, Тэрн и не сомневался.

Мэр любовно поглядел на приобретение, видимо, уже представляя следующее выступление.

— А вы не подскажете, где можно купить другую куртку? Зима, говорят, будет холодной.

Мэр — который явно скучал — сам проводил его до магазина и подождал снаружи. Тэрн купил не только куртку, но также рубаху и штаны — при выборе руководствуясь лишь тем, чтобы они не были похожи на полученные в ордене. Забавно, кстати, выходило: Анорак, стало быть, тоже учился в ордене... Тэрн тут же проникся к этому парню большим сочувствием.

— Штаны нужны? — мрачно спросил он у мэра. — Из той же ткани сделаны. С радостью от них избавлюсь, если...

— Е-если?..

— Если когда обо мне будут спрашивать, вы не упомянете об одежде и не покажете её этим людям.

— О.

Взгляд мэра снова стал хищным, и Тэрну вдруг пришло в голову, что не стоило ему давать постороннему человеку столь важную информацию о себе. Но лицо Ларча снова стало безразличным.

— Знаете, — тихо признался он, — я бы мог сейчас вытянуть из вас все деньги. Но мне так чудовищно лень...

Тэрн криво ухмыльнулся. Повезло. Но в следующий раз надо быть ещё осторожнее.

— Ла-адно, — зевнул Ларч, — про одежду ничего не скажу... хоть какое-то развлечение. Но ваш приход сюда скрыть не удастся.

— Я понимаю. Спасибо.

Они распрощались, и Тэрн вернулся в библиотеку. Он старался быть честным и не набирать так уж много книг... но потом представил, что будет, если он их оставит, и взял ещё. И ещё. И ещё. Потом завязал узел на рубахе (она мэра не впечатлила) и насыпал и туда тоже. Ему было стыдно за жадность: можно было сказать, что он воровал из общественной библиотеки, — но он успокоил себя тем, что обязательно вернёт книги обратно, как только это место снова станет библиотекой, а не площадкой для проведения танцев и оргий. Картины на стенах мэра хотя бы были в безопасности.

***

Кина моргнула. Она смотрела на Джона, как на опасного сумасшедшего, — кем он, скорее всего, и являлся. Моргнула ещё раз, но нет, видение не пропало: Джон протягивал ей руку, чтобы помочь сойти с телеги.

— Спасибо, — опасливо пробормотала она, опёрлась на его ладонь и спустилась. Вышло величественно и непривычно — обычно она по-мальчишески спрыгивала вниз, а потом начинала таскать из телеги мешки, как парни.

Джон невозмутимо кивнул:

— Я похожу по городу... поищу. За мной не иди. Понадобится подвезти ещё — подходи к телеге через час.

Кина кивнула. Она побродила по площади, но уходить с неё не стала, а вскоре и вовсе вернулась к телеге. Айнер — красивый город, но насладиться им можно в другой раз, когда её подзабудут и это не будет так опасно.

Кина почесала коня за ухом и встала рядом, поглаживая его. Конь, успевший напастись за день, так же спокойно смотрел на неё.

— Какие мы безразличные! — пробормотала она, — прямо как хозяин. Как же нас зовут?.. Мрак? Ночь? Мгла?

Чёрный онь косился на неё так же незаинтересованно.

— Эх! — девушка вздохнула и приземлилась на телегу.

«Дорогая Кина!

Если ты осознала смысл моего послания, значит, я уже мертва — или скоро буду. И если это произошло, то теперь ты, дура, дура, дура, понимаешь, что тебе не надо было ехать в Айнер ни в коем случае...»

Кина опасливо огляделась. Это и вправду было глупо. С другой стороны, она всегда любила всякого рода авантюры... Но кто мог знать, что она ввяжется в одну из них из-за мужчины?!

Она снова вздохнула. Она находилась в том возрасте, когда у любой девушки Алиара есть хотя бы один приятель, с которым мысленно венчает её вся округа. Семья к этому моменту копит ей на платье и как можно чаще зовёт избавителя в гости, да он и сам не против брака: время всё-таки пришло.

...Ладно, если говорить честно, Кина уже миновала этот возраст и приближалась к «Да выходи ты уже за кого-нибудь, дура, на всю жизнь ОДНА ОСТАНЕШЬСЯ», — но она сбежала из дома раньше, чем довела родных до этой степени отчаяния. Учитывая, что растили её тётя с дядей, их желание сбагрить её замуж было и вовсе неудержимым.

Не то чтобы она была так против брака; более того, как девушка красивая она могла выбрать кого угодно. Но даже так кандидаты

приводили в ужас. Кина родилась в деревне около Завандра: основными занятиями там были скотоводство, выпивка, земледелие, выпивка, разговоры, выпивка и сон, и если вы представите неизменные, повторяющиеся день ото дня беседы о том, чем стоит кормить корову, сколько молока можно будет от неё получить, чьи овцы лучше и чей бык даёт сильнейшее потомство, — вы наверняка разделите ужас Кины.

А в городе жизнь оказалась трудной, пришлось как-то... выкручиваться — и не все из способов Кина могла назвать законными, а постепенно таковых становилось всё меньше. Но у неё оставались понятия о морали и были они гораздо выше, чем у её новых друзей и сообщников. На этой почве, в том числе, и возникли разногласия, заставившие её покинуть Завандр, причём весьма быстро.

Кина не винила бывших товарищей. Она прекрасно понимала, что если б продолжила своё ремесло, то вся эта мораль понемногу отмерла бы, как всегда отмирает нечто ненужное и неиспользуемое. Так что она была лишь рада тому, что ушла из банды. Это не был её путь. Но какой её?.. Она не знала. И, пока не встретила Джона, не думала, что кто-то разделит её взгляды на мир.

Джон, каким бы странным он ни был, явно не стал бы говорить о коровах и овцах. И ради этого шанса побыть с нормальным человеком Кина была готова терпеть полное отсутствие внимания с его стороны, готова была ехать куда угодно... даже в Айнер или Завандр, которые ей до смерти следовало обходить кружной дорогой.

Кроме того, с Джоном было безопасно: он явно мог защитить её от бывших сообщников или жертв — и при этом ни разу не пытался пристать к ней сам... А ещё он не брал с неё денег за поездку — более того, когда они остановились в гостинице на перепутье дорог между Завандром, Дейнаром и Айнером, Джон заплатил за неё — и за еду, и за ночлег — не спрашивая, есть ли у неё деньги, не предложив отработать... и во многом он проявлял такую же заботу... странный человек, очень странный...

— Едем?

Кина вздрогнула.

— Ох! Ты нашёл кого искал?

— Его здесь нет. Говорят, что он отправился в Реллу.

Кина понимающе кивнула и стала ждать продолжения. Джон молча смотрел на стену ближайшего здания и думал.

— Итак... мы едем в Реллу?

Он покачал головой.

— Я был там совсем недавно. Я бы его встретил. Значит, он только сделал вид, что поехал туда, а сам... выходит, отправился либо в Дейнар, либо в Кивиш... либо в Эрнел... ты куда хочешь?

— Я нигде из них не была... — пожала плечами Кина. — В Кивиш?

— Значит, в Кивиш, — и больше не глядя на неё, Джон повёл коня к северному выходу из города. Там он сел на телегу и так же безразлично поехал дальше. — Да... это тебе.

Он передал ей простой и красивый плащ — достаточно дорогой, чтобы цена его была видна лишь по качеству.

— Спасибо, — Кина посмотрела на него, но Джон снова молчал. — А с чего вдруг?

— Конец осени будет холодным.

— Ты думаешь, я буду рядом с тобой до конца осени?

— Ты думаешь, холодно только рядом со мной?

Кина не нашла, что сказать.

— Ты не похож на всех встреченных мной мужчин, — наконец произнесла она.

— Да.

***

Чтобы узнать про Тэрна в Айнере, прилагать усилий не пришлось. Все вокруг рассказывали про нового победителя Состязаний. Мускулистый молодой парень в точно такой же светлой одежде — «И где вы такую купили? Точь-в-точь, как у нашего брата Тарка!», — который знал религию до мельчайших крупиц, но иногда ошибался просто невероятно. (Не иначе как, спал на этих занятиях, засранец.) Этого уже хватило бы, чтобы узнать в описании Тэрна, но решающим стало иное.

— Его отец — лесничий в соседнем лесу, а мать плела корзины, чтобы помочь Тарку и его трём братьям и восьми сёстрам, и...

— И голову вскидывает.

Паломник, который докладывал ему о Тэрне, удивлённо моргнул, и Райк изобразил эту речь:

— «Моя мать... была вынуждена целыми днями плести корзины, чтобы помогать нашей семье хоть как-то прокормиться» — и такой, голову вскидывает. И смотрит — выше и левее, а взгляд такой честный-честный.

— Я... не заметил, куда он смотрел, — отозвался паломник.

— Я! Я заметила! — вмешалась его дочь, — Именно так и смотрел, налево-вверх, вот так...

Девушка изобразила этот светлый взгляд кристально-честного человека, и Райк кивнул. Среди всех ханжеских лицемерных подлецов только Тэрн мог быть настолько наглым.

— Из-за этого брат Тарк чуть не проиграл! — продолжала эта словоохотливая девушка. — Хорошо, что отец Елло вмешался! А то брата Тарка точно бы сняли с Состязаний: он ведь не знал молитвы «Вверяю»!

Райк нахмурился.

— «Вверяю»? Нет такой молитвы.

Отец девушки вскинул брови, а сама она едва не подпрыгнула:

— Конечно, есть! Давайте я вам её расскажу.

— Миза, веди себя потише, — паломник бросил хмурый взгляд по сторонам. — Ты нарушаешь порядок в городе.

Райк пожал плечами. Не то чтобы он особо ценил молитвы — на его вкус, вполне хватило бы «Благодарственной» и «О чём молить тебя...» — но странно было, что существовала молитва, которую он не знал. Райк купил в ближайшем храме бумагу, перо и чернильницу-непроливайку (при таком количестве монахов это были одни самых ходовых товаров в Айнере) и записал молитву со слов девушки.

— Спасибо... Миза?

— Да, — девушка радостно кивнула и снова спросила: — Так вы не сказали, откуда у вас такая одежда?

— Я... жил в том же лесу, что и Тэ... Тарк. Я его... — «брат», — собирался сказать Райк, но не смог себя заставить, — родственник. Далёкий. — Почему-то всё равно прозвучало будто «брат». — Так куда он отправился?

— В Реллу...

— Этот оплот неверующих?!

— Да. Не иначе как решил осенить их светом своей веры.

Райк закашлялся:

— Д-кха, д-да... несомненно, именно это он и хотел сделать...

Он снова закашлялся, а девушка восхищённо заметила:

— Какой же вы огромный! И сильный! А раз вы брат Тарка, то наверняка и такой же умный. Вам нужно обязательно вступить к нам в стражу, в Кивише вы сразу бы стали капитаном!

Райк вскинул брови. Девчушка была из Кивиша?! Тогда почему вела себя так несдержано?.. Но он сразу же забыл об этом, погрузившись в иные мысли.

— Я подумаю над этим. Спасибо за объяснения. Прощайте.

Райк пошёл прочь, краем уха продолжая слышать разговор за спиной:

— Миза, ты слишком эмоциональна. Твоё поведение почти незаконно.

— Но пап!..

***

Кине было скучно.

— Джо-он, — протянула она.

В ответ ожидался тяжкий вздох: она уже не в первый раз доставала спутника дурацкими вопросами. Но Джон ответил лишь:

— Да?

— Знаешь, я тут подумала: странно, что ты не спросил, от кого я убегаю.

— Это твоё дело.

— Да, но... — Кина осеклась.

— Если бы я начал лезть в твои дела, ты бы могла лезть в мои. А я не собираюсь о них говорить.

На этот раз он был куда разговорчивее обычного. Видимо, понял, что всё равно не отвяжется, и решил сократить количество вопросов.

— Да нет! Я имею в виду: мало ли, кто за мной гонится? Может, они опасны? Может, они решат, что ты со мной заодно?

— Может.

— »Может»?! А если они на тебя нападут?

— Тогда я буду драться.

— А если они тебя убьют?!

— Тогда я умру.

Кина почувствовала нестерпимое желание побиться обо что-нибудь головой.

— Ты не на меня внимание не обращаешь, да?.. Ты не обращаешь его ни на что вокруг!

Джон всё же вздохнул. Он обернулся и пристально посмотрел на неё.

— Какое внимание ты хочешь, чтобы я на тебя обратил?..

Кина покраснела. Он смотрел на неё тем же безразличным взглядом, и она сама не поняла, когда именно стала ковырять стенку повозки.

— Я не это хотела сказать. Просто... в дороге обычно задают всякие вопросы. «Откуда ты?», «Сколько тебе лет?», «Куда ты едешь?» Знаешь, выразить интерес к спутнику, узнать его получше... Но ты их не задаёшь, а что бы я ни спрашивала, делаешь вид, что не слышишь! — Кина замерла. — Погоди. Ты... не задаёшь их потому, что сам не хочешь отвечать?

— Да.

Кина ошарашенно молчала. Джон просто молчал.

— Да что секретного в вопросе, сколько тебе лет?! — взорвалась она.

Джон снова вздохнул.

— Хорошо. Сколько мне, на твой взгляд?

Она задумалась.

— М-м... двадцать восемь?

— Двадцать семь. Тебе?

— Двадцать один...

— Закончили?

Кина насупилась. Следующие пять минут прошли в тишине, которую её спутник уже, наверное, благословлял. Кина и сама чувствовала, что болтает слишком много — но её вполне оправдывало то, что скука была нестерпимая. Выносить этот однообразный путь безропотно мог лишь такой странный человек, как Джон.

— То есть, мы так и будем всю дорогу молчать?!

Джон тряхнул головой, окончательно прощаясь со своей подружкой-тишиной.

— Времяисчисление Алиара начинается с того момента, как был основан первый город — Каммена, ныне разрушенная. Помимо этого, та эпоха ознаменовалась...

***

Глупость свою Тэрн осознал уже через час. Через два — проклял себя. Через три — все книги Алиара. Но сумки с ними упорно тащил. Хорошо хоть, ему хватило ума купить ещё один мешок, а то так и пришлось бы нести их, завёрнутыми в рубаху... Ещё хорошо, что в ордене его неоднократно заставляли бегать с мешками, набитыми всякой дрянью — развивали выносливость.

Как бы то ни было, Тэрну пришлось остановиться в ближайшей гостинице — той, что стояла на перепутье дорог от Дейнара к Завандру и от Завандра к Айнеру. Он осторожно выспросил цену за постой и еду — но нет, денег хватало с лихвой.

Девушка отошла вглубь трактира и передала заказ повару, потом вернулась и стала так же вяло протирать стойку. Вид у неё был несчастный, затасканный... и у стойки тоже.

— Немного у вас посетителей.

— Да как обычно...

Тэрн огляделся. Вспомнились слова деда из первой деревни: мол, в его время люди постоянно куда-то ездили.

— Наверное, это из-за того, что люди стали меньше путешествовать?

— Меньше?.. Да как обычно...

Они снова замолчали.

— Я Тис. А ты?

— Вейн...

— Тебе нравится здесь работать?

Она подняла на него совершенно пустые глаза:

— Мой отец — хозяин гостиницы.

— О.

Тэрн огляделся. Зал был невыразительным, как и сама Вейн. На стене висел скучнейшего вида натюрморт, пол был не то чтобы чистым, не то чтобы грязным, столы — не маленькими, но и не большими... казалось, скуку для всего Алиара изготовляли здесь.

— То есть, ты привязана к этому месту, — пробормотал Тэрн. — Ужасно, когда не можешь уйти, и твои мечты догнивают вместе с тобой. Я понимаю. И не то чтобы тебя держат, нет, никаких цепей, просто... всем обязан.

Вейн смотрела на него.

— Что?

— Я имею в виду, ты не обязана здесь оставаться. Знаешь, я был в похожем положении, и я вырвался, и... я никогда не был так счастлив. Ты тоже могла бы исполнить свои мечты.

Тэрн не знал, говорит он это, чтобы утешить её, или потому что столько времени не с кем было поделиться. Вейн помолчала.

— Я дочь хозяина гостиницы, — наконец повторила она. — Я мою посуду, полы, принимаю заказы. Я больше ничего не умею...

— Ты бы научилась. Это ведь не то, о чём ты мечтаешь, — принимать заказы?

— Я больше ничего не умею, — повторила она. — Мне больше ничего не нужно...

Тэрн помолчал. Девушка так же протирала стойку, стойку и так чистую и не требующую этих бесполезных движений грязной тряпкой.

— Просто принесите ужин и приготовьте бадью с водой, — пробормотал Тэрн и отошёл к самому далёкому столику.

Вейн с явным облегчением вздохнула. Вскоре принесли еду — такую же пресную, как и всё здесь. Тэрн мрачно сжевал ужин, торопливо вымылся и лёг спать — и ушёл из трактира ещё до восхода солнца.

3.1. Завандр: Свобода выбора

В Кивише Кине не понравилось: сами стены, казалось, смотрели надменно и осуждающе, и она сразу же пожалела, что выбрала именно этот город. Съездили бы в Эрнел, там, говорят, весело...

Серые стены, серые одежды, серые лица и холодные взгляды. Посреди этого её неприметный тёмно-зелёный костюм выглядел ярким и вульгарным пятном. Зато Джону город подходил: его неброская одежда, волосы и даже глаза были именно такими, цвета дождливого неба.

— Ты не отсюда случайно?

— Да, я не отсюда.

Джон оглядывал дома, явно определяя, где же начать поиски. Телегу пришлось оставить у ворот, под присмотром стражи, и лишь увидев образцово-чистые улицы города, Кина поняла почему. Джон бросил в телеге все свои вещи, она же как человек, живший в Завандре, тащила с собой даже подаренный плащ.

— Не боишься, что лошадь украдут?

Джон покачал головой.

— Кивиш не зря считается самым законопослушным городом. И это не лошадь, а конь.

— Да-да... кстати, как зовут этого коня?

Он пожал плечами.

— А как ты бы его назвала?

— Я?.. Не знаю... Мрак?

— Значит, его зовут Мрак.

Джон так же равнодушно кивнул, и Кина закатила глаза. Он определённо подходил этому городу. Такое же... стремление избежать всех эмоций.

— А потом ты подберёшь другую девушку и назовёшь коня, как скажет она?

— Я не занимаюсь извозом.

Кина поймала неодобрительный взгляд очередной местной леди, и закуталась в плащ. Поскольку покупал его Джон, он был тёмного, почти чёрного цвета, что уже вписывалось в обстановку Кивиша

лучше, чем её рубашка. С другой стороны, поскольку Джон покупал его ей, плащ был не серым, а чёрным с зелёной искрой. Даже странно: Кина была уверена, что если бы спутник судил по себе, он бы такой не взял. А тут — угадал её любимые цвета... Она тряхнула головой: странное существо женщина — всегда ищет знаки внимания там, где их нет.

— Почему ты купил мне плащ, я уже спрашивала. А почему именно такой?

Джон покосился на неё. Помолчал.

— Чёрный подходит тебе к глазам, а зелёный... я думал, у тебя такая одежда, чтобы прятаться в лесу, но у тебя и лента в волосах, и браслет такие же, — он пожал плечами, — я решил, что этот цвет тебе нравится.

Кина отстала на несколько шагов.

— Как ты... ты и не смотрел-то на меня толком ни разу!.. Ты... всё-таки меня замечаешь!

— Разумеется.

Улицы тянулись и тянулись, и Кина удивлялась, как жители ухитряются не заблудиться здесь: дома были абсолютно одинаковыми. Она тряхнула косой и порадовалась, что волосы у неё чёрного цвета, а не какого-нибудь яркого: рыжего там или светло-русого... В этом городе, может, быть рыжим незаконно...

— Ты странный.

— Да.

— Почему ты вообще купил мне плащ?

— Уже отвечал.

— Это был не ответ!

— Потому что курток твоего размера у них не было.

Кина застонала. Ну как с ним разговаривать?

— Ты не похож на всех встреченных мной мужчин.

— Ты говорила.

...Примерно так же, как с куском камня или металла.

Кина вздохнула.

— Знаешь, я... обычно не говорю так много глупостей. Я... вообще себя не так веду.

— Я учту.

Она устало потёрла переносицу.

— Может, мне было бы легче, если б ты не вёл себя, как кусок стали...

— И это учту.

Улицы всё тянулись, и начало казаться, будто она — актриса из дейнарского театра, и лишь шагает на месте, а за спиной её прокручивают полотно с нарисованными декорациями... Кина снова тряхнула косой и невольно стала смотреть на то, что хоть немного выделялось на общем фоне.

У Джона была интересная внешность. В серой невзрачной одежде, с непроницаемым выражением лица он и смотрелся — никаким. Идеальный член завандрской банды: ни одна жертва не сможет описать его внешность... Но сейчас, приглядевшись, Кина вдруг подумала, что с таким лицом он мог бы выглядеть совершенно иначе. Какую-нибудь дорогую, чёрную одежду... бархатную, например! Выглядел бы о-очень властно. Или, наоборот, доспех. Тоже чёрный. Смотрелся бы просто...

— Не то чтобы меня это беспокоило, но, может быть, прекратишь?..

— Извини.

Кина хихикнула.

— Так значит, тебя беспокоит, когда тобой любуется девушка?

— Я сказал, что меня это **не** беспокоит.

— Сказать-то ты сказал! А на самом деле... отвык от женского общества? Жил в горах? В лесу? В монастыре?

— Хватит!.. — Джон обернулся к ней, и на лице его было написано сильное раздражение. Кина замолчала.

Тишина всё затягивалась. Джон отвёл хмурый взгляд, Кина смотрела под ноги. Вот сейчас он её наконец прогонит, и всё будет хорошо. Потому что она действительно ведёт себя, как дура. Потому что у неё нет причин вести себя, как дуре. Потому что ей давно уже следовало отправиться в Дейнар или Реллу, осесть там и остепениться, и она не знает, зачем до сих пор катается с этим незнакомым и непонятным мужчиной и уж тем более почему он до сих пор возит её с собой.

Мысли её нарушил тихий смешок. За ним последовал ещё один, и вскоре Джон уже заливисто, счастливо смеялся.

— Ты... первая, которому удалось вывести меня из себя за последние лет десять...

Кина засмеялась в ответ. Скоро они хохотали на всю улицу.

***

Страну мою родимую
Нельзя застать врасплох:
На одного правдивого
По дюжине пройдох.

Мюзикл «Мёртвые души»

Погода была на удивление тёплой («Как обычно», — повторил Тэрн слова Вейн), весело пели птицы («Как обычно...»), дорога легко ложилась под ноги («Как об... хватит!»). Может, всё казалось таким приятным потому, что он уходил из очередного застывшего места. А может — потому, что он шёл к своей давней мечте.

В Завандре царили свободные нравы. В Завандре выше всего ценили силу и изворотливость. За деньги там можно было получить что угодно. Никакой морали! Ни малейших правил! Полная, абсолютная свобода!

К сожалению, как и на пути к любой мечте, пришлось встретиться с неприятными препятствиями. В случае Тэрна это было огромное здание из чёрного камня: завандрский монастырь. Да, единственное, что не нравилось Тэрну в Завандре — его жители верили в бога не менее истово, чем айнерцы. Впрочем, это не мешало им убивать, воровать и обманывать...

До мечты своей Тэрн дошёл поздним вечером. Чёрные стены города были едва видны в наступающей темноте, и если бы не свет в бойницах, Тэрн бы, наверное, так и врезался к каменную кладку. Стены эти были даже выше айнерских и минимум в три раза толще. За полметра до края они были усеяны шипами, один вид которых вызвал бы приступ пацифизма у любого врага. Выше шипов шёл желоб, в который обычно выливали кипящую смолу, он как раз заканчивался над воротами. Все оборонительные элементы были начищены, наточены и смазаны, будто жители получили объявление войны и с минуты на минуту ждали дорогих гостей... но исторические книги гласили, что Завандр выглядит так всегда.

Ворота города были приглашающе распахнуты, обманчивым теплом манили фонари. В воздухе висел запах пряностей, изысканных

незнакомых блюд, и рот сразу наполнился слюной. Тэрн побродил по улицам, но фонари были не везде, да и освещали лишь саму дорогу, так что здания возникали на пути неожиданно, будто скалы в бурю. Тэрн решил осмотреть город завтра, а пока поискать гостиницу. Он лишь надеялся, что в Завандре она не будет такой скучной, как предыдущая... Конечно, не будет! Он в лучшем городе мира, у него достаточно денег, он снимет комнату и девку, а потом устроится на работу и заживёт долгожданной нормальной жизнью! Теперь всё будет хорошо!

Тэрн тряхнул головой и оглянулся, собираясь спросить дорогу. Но это оказалось нелегко... Жителей вокруг него было немало, в основном, женщины. Наверное, были и мужчины, но их Тэрн не заметил. Неудивительно: большинство жительниц Завандра носили платья такой длины и с такими глубокими вырезами, что сосредоточить внимание на чём-то ещё было сложно. Даже удивительно, что он мог смотреть на здания.

— Простите, — Тэрн преградил дорогу наиболее одетой горожанке, — вы не подскажете, где я могу найти гостиницу?

Девушка мило улыбнулась.

— Легко! Идите прямо, вон там свернёте направо — видите поворот? — выйдете на тёмную-тёмную улицу, там сейчас фонари меняют; потом повернёте налево, сделаете шагов тридцать, и... — она рассмеялась. — Да, не так уж и легко. Давайте я лучше провожу вас? Я Бейта.

Тэрн с радостью согласился. Хоть костюм Бейты и был более закрытым, он оставался впечатляющим. Кроме того, она обладала невероятной харизмой, и Тэрн чувствовал, как заслушивается историей улиц — а мало что могло быть ему менее интересно.

— Ты так много об этом знаешь! Ты что, историк?

Она залилась прелестным мелодичным смехом.

— Ну что ты. Просто я давно живу здесь. Странно не знать историю собственного города. Да и всегда надо иметь тему, чтобы развлечь гостя разговором.

Тэрн покачал головой. Завандр не обманул его ожиданий. Было настолько приятно говорить, наконец, с кем-то нормальным — не *мёртвым*, как предыдущие его знакомые. На этой мысли Тэрн сбился. Точно! Лека, Вейн, старик Терс, Ларч и другие, чьих имён он не

запомнил... у них же как будто... умерла душа? Да, да, они живы — движутся, дышат, действуют, но в то же время словно...

— Ну и лицо у тебя! — улыбнулась Бейта. — Это всё мои скучные рассказы. Прости, прости, больше не буду... но ты не беспокойся: в нашем городе скучать тебе не придётся.

Она одарила его ещё одной очаровательной улыбкой. Тэрн пригляделся. Бейта, наоборот, выглядела удивительно живой. Даже взгляд её тускловатых глаз был быстрым и цепким — совсем не таким, как у Леки или Вейн...

Тело среагировало быстрее, чем ум, погружённый в раздумья. Дубина проскользнула у плеча вместо того, чтобы опуститься на голову, — и нападавший растянулся на земле. Бейта выругалась. Тэрн отскочил от неё, выхватил меч. Обернулся. Ещё двое с дубиной, один с мечом. А у Бейты в руках уже были метательные ножи...

«Выйдете на тёмную-тёмную улицу, — вспомнил он, — там сейчас фонари меняют».

Тэрн сделал выпад мечом — парень с дубиной отступил, но кинулся вперёд второй. Тэрн отпрыгнул, предупреждающе махнул мечом. Увернулся от ножа Бейты, метнулся к ней и сделал подсечку — тут же получил сзади дубиной. Отскочил, морщась, обернулся — увидел другого разбойника и летящий к животу меч. И, не думая, рубанул ему по руке...

Кровь забрызгала одежду и мостовую, бандит свалился на землю — кисть с зажатым в ладони мечом упала рядом. Тэрн застыл, с ужасом глядя на разбойника: тот катался по земле и сучил ногами, прижимал оставшуюся руку к груди бережно, словно умирающего ребёнка. Даже его крики доносились до Тэрна будто сквозь подушку — казалось, он только читает об этой драке, а сам по-прежнему сидит в дейнарской библиотеке — и он едва успел увернуться от очередного удара. Пырнул в ответ. Бандит свалился с рассечённым горлом — и ясно было, что уже не поднимется. Тэрн посмотрел на свои окровавленные руки, перевёл взгляд на грабителей: им было плевать на смерть товарища. Бейта метнулась к нему с ножом, Тэрн отступил и успел подумать, что где-то оставался разбойник с дубиной. Это было последнее, что он успел подумать.

***

Среди всех моих мужчин

Лишь один он,
Лишь он один
Так добр и нежен был...
Но не любил!

Мюзикл «Иисус-Христос — Суперзвезда»

Разумеется, в сам кабинет Кину не пустили. Пришлось ждать в коридоре, рассматривать серые стены без картин или гравюр... думать о том, кто же такой Джон, если может так запросто войти к кивишскому градоначальнику. И вправду: бюрократия Кивиша была столь широко известна, что если бы Джон прыгнул на четыре метра, Кина удивилась бы меньше. Даже анекдот был про мужика, который подготовил все, кроме одной бумаги, чтобы вывезти цыплят на продажу, — а когда подписал последнюю, продавал уже старых куриц и петухов. А ещё была шутка...

Дверь распахнулась, и появился мрачный Джон. Он мимоходом бросил взгляд на Кину и пошёл к выходу.

— Что, и здесь тоже нет? — сочувственно спросила она.

Джон только мотнул головой. Как и всегда, обнаружив, что искомый человек ускользнул от него, он был мрачен и задумчив. То есть, даже более мрачен и задумчив, чем всё остальное время.

Дошли до телеги, Джон предъявил бумаги, им вернули вещи и коня. Отъезжали от города в молчании — хотя Кина молчала скорее из солидарности.

— Как я сказал, — проронил Джон значительно позже, — он не мог в самом деле пойти Реллу. Значит, он отправился либо в Эрнел, либо в Дейнар...

Кина хмыкнула:

— Раз женская интуиция не сработала, давай опробуем мужскую. Куда?

— В Эрнел.

— Хорошо... — Кина и разлеглась на телеге. — А чего мы поесть не купили?..

Джон хмыкнул и голос его прозвучал менее отстранённо, почти по-человечески:

— Ты не хочешь есть в Кивише, поверь мне.

Кина призадумалась.

— Еда такая же тусклая, как остальной город?

— Да я бы не сказал, что город тусклый, — чуть удивлённо отозвался Джон. — А вот еда — да...

Кина вздрогнула, представив, какой же тогда должна быть кивишская пища. Джон снова замолчал.

— Кого мы хоть ищем?

Тишина была ответом — Джон продолжал не замечать неподходящие вопросы. Кина поняла: кто он сам, Джон тоже не скажет. И к лучшему: она не была уверена, что готова узнать...

Она легла поудобнее.

— Хорошо... Выберем абстрактную тему... О чём ты мечтаешь?

— Что?

Кина была уверена, что Джон слышал её, и вопрос этот совершенно не был сложным. Но в серых глазах повисла растерянность.

— У тебя же есть какие-то мечты? У всех есть.

Джон лишь натянуто улыбнулся. Кина махнула рукой. Отлично просто! Даже этот вопрос у нас секретный! Зачем делать тайну из такой ерунды?!

Но она не успела дать выход раздражению, потому что Джон объяснил:

— Я вспоминаю.

Кина умолкла, но вскоре уже нетерпеливо ёрзала и с интересом косилась на спутника. У такого человека мечты должны были быть глобальными. Например, покончить с Извечной войной. Или построить самую большую в мире Академию. Или прочесть все книги Алиара...

— Было бы неплохо завести семью. Детей. Построить дом, подальше от людей... завести сад...

Кина едва не упала с телеги. На этот раз она замолчала надолго.

— Ты не можешь мечтать об этом! — наконец опомнилась она. — Ты парень, который без записи и бумаг заходит к кивишскому градоначальнику! Ты рассказывал мне о фресках в Серебряном Храме — так, словно сам видел их! Ты тайно путешествуешь по миру, тайно ища кого-то тайного!.. Ты... ты бы ещё сказал, что всю жизнь мечтал выращивать груши!

— Яблоки, — он указал на одну из бочек, которыми была уставлена телега. — Я мечтал выращивать яблоки.

Кина насупилась.

— А о чём мечтаешь ты?

Это застало врасплох.

— Я?.. Ну, обычно... замуж выйти, семью завести...

Сначала она даже не поняла, чему смеётся Джон. Потом вспыхнула.

— Эй! Я — другое дело!.. Перестань!

Но и в этот раз Джон смеялся долго и с наслаждением, как человек, который делает это совсем редко. Кина скрестила руки на груди и обиженно отвернулась.

— И почему ты не исполнила свою мечту?

— А ты?

— А ты?

— А ты?

— Хватит?

— Нет. А ты?

— Я-то могу молчать всю дорогу, а ты?

— А т... хорошо, я сдаюсь, — Кина фыркнула. — Скрытный ты мой... Я жила среди людей, с которыми заводить семью не хотелось. Потом я сбежала из дома, и... и не стала никого искать. Боялась, что война всё разрушит.

Джон не ответил.

— Да, скоро же новый Виток Извечной войны... — наконец пробормотал он. И снова задумался.

Кина мотнула головой:

— Снова война, снова Повелитель Мечей не уймётся, пока не вытрясет из нас все души... — она скривилась. — А ты? Боишься его возвращения?

Джон задумался.

— Наверное, и боюсь тоже.

Она кивнула:

— Да, тебя-то к этому всю жизнь готовили... Хотя тебе, конечно, тяжелее всех.

Джон обернулся к ней, и в глазах его мелькнуло беспокойство. Кина понимающе улыбнулась:

— Я рядом с тобой всегда веду себя, как дура, да? Трудно догадаться, что я умею думать... Но у меня было время! Пока ты спал,

например...

Джон в упор смотрел на неё.

— ...Ты из ордена. Это очевидно. Тебя учили обращению с мечом — с двумя мечами! — а это слишком серьёзно и дорого, чтобы потребоваться нормальному человеку. Только тому, кто собирается участвовать в войне. Я бы думала, что ты из Завандра, но тогда ты не подобрал бы меня... да и опять-таки, два меча! Слишком заметно, тебя бы сразу вычислили; уж я-то в этом понимаю!.. — Кина осеклась. Незачем рассказывать о чёрных-своих-делах человеку, который тебе явно нравится.

Джон чуть улыбнулся.

— Да... придётся выкинуть этот второй меч, раз уж он так привлекает внимание.

— Только не говори, что ты не знал, как это бросается в глаза! Это искусство вымерло уже лет пятьсот!

— Я... не задумывался об этом. Был поглощён другими вещами.

— Ха-ха! Не я одна здесь дура.

— Все мы в чём-то глупы... Я просто хотел вспомнить именно два меча. Давно на них не сражался.

Кина моргнула.

— То есть... другим оружием ты владеешь лучше, но таскаешь это, потому что с тем слишком просто?!

— Да.

— Ты и вправду великий воин... или очень самоуверенный человек.

— Я владею многими видами оружия. Так сложилось: было много времени, чтобы научиться.

— Да... я знаю. Говорят, у вас вообще нет жизни, только учёба и тренировки, все дни, все года!.. Я бы не вынесла... Кстати, по этому тоже поняла: ты слишком много знаешь. Никто столько не знает, ни один обычный человек!.. А ещё ты слишком спокойный... И... не можешь сказать, откуда ты, кто твои родители — ты просто не помнишь, да?.. А, и последняя капля: ты рассказывал про фрески в Серебряном Храме! Так, словно видел их!.. А кем нужно быть, чтобы тебя туда пустили?.. В общем, если тебя просто встретить, то да, не поймёшь ничего, ты хорошо замаскировался. Но когда вот так, едешь рядом...

Джон хмыкнул.

— Поскольку так долго рядом со мной лишь конь, беспокоиться не о чём. Но я запомню: чтобы сойти за нормального человека, нужно быть болтливым, глупым и кричать по пустякам.

— Именно: бери пример с меня, — ухмыльнулась Кина. — А теперь давай, давай, скажи, как тебя удивила моя проницательность!

Джон снова опустил глаза и улыбнулся.

— Ты такая же умная, как и красивая.

Кина надолго задумалась и даже умолкла.

— Я буду считать это комплиментом, — наконец решила она. — Расскажешь мне об ордене?

Джон покачал головой.

— Ты же знаешь, что это тайна. Но можем поговорить о чём угодно другом. Теперь гораздо легче — раз ты не задаёшь вопросы, на которые я не могу тебе ответить.

— О чём угодно?.. Хорошо, кого мы ищем?

— Кина...

— Ладно-ладно! Просто скажи мне... — она сглотнула, — мы ищем... не Повелителя Мечей?..

— Странный вывод.

— Ты из ордена, ты слишком уникален, чтобы быть простым воином, и скоро новый Виток. Логичный вывод. Так что?..

— Какая тебе разница?

— Мне есть разница! Если это так, то с тобой опасно! Я не для того всю жизнь держалась подальше от неприятностей, чтобы лезть к их рассаднику!

Джон натянул поводья и внимательно посмотрел на неё.

— Да, я ищу Повелителя Мечей. Сойдёшь здесь или довезти тебя до Эрнела?

Кина возмущённо отвернулась. Как можно было скрывать такое?! Нет, понятно, что он не мог рассказать, но... выходит, все эти дни она не просто ходила на лезвии ножа — она на нём прыгала, бегала и танцевала!

Повозка снова задвигалась. Видимо, Джон решил не тратить время, пока она думает над его вопросом. Хотя над ним как раз она и не думала.

— Так что ты решила?

— Чем я могу тебе помочь?

— Что?

— Я не умею сражаться... я даже дерусь плохо. Но в чём-то полезной я быть могу! Например, отвлечь внимание... и... хм, красиво и трогательно умереть...

Джон внимательно смотрел на неё. Наконец признался:

— Я ищу не Повелителя Мечей. И не кого-то из его слуг. Это личное дело, оно не связано с орденом. Мне просто было интересно, как ты поступишь.

Кина вспыхнула и обиженно замолчала. Надо-олго замолчала.

— Всё ещё злишься?

Она не ответила, лишь ещё сильнее отвернулась. Заболела шея. Кина молчала уже третью минуту, и любой бы сообразил, что она не злится, а обижается, так что смысла в глупых вопросах не было.

— Извини, — с невольной улыбкой сказал Джон. — Хочешь, я тебе цветы куплю?

— Что?! Я тебе собачка, что ли? То проверку устроишь, то косточкой побалуешь?.. Тюльпаны.

3.2. Завандр: Мир без совести

— Эй. Слышишь меня?

Тэрн с трудом открыл глаза. Над ним склонился худой, будто высушенный парень. Минута ушла на попытки вспомнить, что случилось. Бейта... банда... а вон второй парень, с арбалетом, он их, наверное, и спугнул... Тэрн попытался подняться.

— Твою мать, и впрямь очнулся...

— Я же говорил, быстрее!

Последовал удар в лицо, после которого снова была темнота.

В следующий раз Тэрн пришёл в себя в одиночной камере. Первым он заметил невыносимый запах: пахло мочой, рвотой, немытым телом, гнилью и чем-то гораздо худшим. Тэрн прикрыл рот ладонью и с трудом подавил тошноту.

Он огляделся. Это была городская тюрьма. Такой вывод он сделал из плаката в коридоре:

ВОР,
а также убийца, насильник, грабитель,
аферист, шантажист, мошенник,
взяточник, скупщик краденого,
сутенёр, карманник, наркоторговец
ДОЛЖЕН СИДЕТЬ В ТЮРЬМЕ!

Тэрн вздохнул. Он попытался покричать, позвать стражу, но никто не откликнулся. Он уселся на нары и только тут опустил взгляд на свои руки. Они по-прежнему были в крови.

Тэрн вздрогнул. Он попытался вытереть руки об рубашку, но кровь уже засохла и так просто не оттиралась — зато теперь на рубахе были ещё и следы окровавленных ладоней. Воды в камере не было.

Тэрн смотрел на свои руки и медленно осознавал, что убил человека. Он не знал, почему об этом так тяжело думать. «Я поступил неправильно? — спросил он у себя. — Нет... этот парень пытался меня убить, и если б не я, убил бы ещё многих». «Мне его жаль? — он прислушался к себе. — Нет. Я жалею, что взял грех на душу? Чушь, я даже не верю в этого Творца!» Как Тэрн ни поворачивал, выходило, что ему не из-за чего переживать — но кровь на руках жгла, словно

расплавленное железо. Если вспомнить об официальной цели тюрем: заставить раскаяться и задуматься — она была достигнута.

Размышлял Тэрн и о другом. Десять лет он тренировался для битвы с Повелителем Мечей. Вся его жизнь была посвящена этому, все повторяли, что это его главная цель. Но если его готовили к бою с самым могущественным воином Алиара, почему он проиграл обычным головорезам?! Из него настолько плохой боец? Так на что они расчитывали, готовясь выставить его против величайшего мечника?!

Первую же принесённую воду Тэрн потратил на то, чтобы отмыть кровь, и сидел, мучаясь от жажды до самого вечера. Следующей водой напился, но она оказалась столь омерзительна, что лучше было сдохнуть от жажды.

Он не понимал, почему оказался в тюрьме, но знал, что если не сможет оправдаться, единственной его надеждой останется орден. Рано или поздно они проследят его путь до Завандра, а там... деньги у них есть, связи тоже. Выкупят или договорятся — и вернут его обратно... проследив, чтобы сбежать ещё раз не получилось. И значит, всё было зря. И другой надежды не будет.

Тэрн закрыл глаза и прислонился к стене. Какие ещё варианты?.. Его не найдут — не смогут, опоздают, не захотят... Казнят его вряд ли, скорее всего, отправят на рудники. Это было гораздо лучше возвращения в орден: с рудников хотя бы можно сбежать.

А что, если его всё-таки казнят?.. Тэрн закусил губу. Умирать не хотелось. Возвращаться в орден... не хотелось примерно так же.

Хотя за что его казнить?! Что он сделал? Почему он здесь?.. Немного успокоившись, Тэрн пришёл к выводу, что никаких обвинений против него нет, он тут по чистой случайности, так что всё должно быть в порядке...

Но если всё-таки казнят?.. По такому кругу и ходили его мысли. Он думал до тех самых пор, пока за ним не пришёл крупный, совершенно тупой с виду стражник. От него несло чем-то незнакомым — Тэрн ещё не знал, что так пахнет дешёвое вино.

Тэрн кинулся объяснить, что он невиновен, но бросил более внимательный взгляд на конвоира и промолчал. Его провели по коридору и втолкнули в комнату капитана (что было вовсе

необязательно, так как он сам спокойно шёл всю дорогу), после чего дверь захлопнулась за спиной.

Первым делом Тэрн глубоко вдохнул: воздух наконец-то был чистым. Крупный мужчина в кресле по ту сторону стола оторвал взгляд от бумаг. В обычном состоянии он, наверное, выглядел как человек властный и неимоверно гордый собой, но сейчас лицо его было не выбрито, волосы взъерошены, а глаза невероятно красны, что придавало ему сходство с обычным бродягой. Впрочем, был уже поздний вечер, и последствия даже самой жуткой пьянки шли на убыль; да и в целом было заметно, что похмелье для капитана — неизбежный и давно привычный противник. Он устало посмотрел на подследственного и процедил:

— Имя...

— Тэрн, — решил он на всякий случай ответить честно.

— Фамилия...

Тэрн надолго задумался. Фамилии в Алиаре использовались только в официальных случаях, и за жизнь в ордене её, разумеется, не спрашивали ни разу. Он уже хотел сказать, что фамилии нет, но всё же вспомнил:

— Хардл.

Капитан посмотрел на него уж совсем хмуро. Взгляд его был цепким, хоть и немного усталым, и Тэрн понял, что сейчас здесь взвешивается каждое его слово. А ещё — что эта заминка сослужила ему плохую службу.

Как бы то ни было, капитан записал его ответ.

— И откуда к нам?

— Из Дейнара.

— Тэрн Хардл, дейнарец, — повторил капитан, записав и это.

— Нет... не дейнарец. Путешествую.

Капитан одарил его ещё более мрачным взглядом, зачеркнул строку и записал новую. Тэрн огляделся, но ему стула предназначено не было. Пришлось стоять.

— Итак, бродяга, зачем явился в Завандр?

Тэрн пожал плечами.

— Просто... давно мечтал здесь побывать...

Капитан поморщился. Тэрн понял, что каждый подобный ответ добавляет по досочке к его виселице. Надо было собраться. Сейчас от

его убедительности зависело всё.

— Послушайте! Я закончил обучение и решил повидать мир. А едва зашёл в ваш город, на меня напали. Я ни в чём не виноват!

— Ну-ну, — капитан криво ухмыльнулся. — А это что?

Он протянул другую бумагу, исписанную неграмотными словами. Тэрн вчитался.

— Что?.. Я? Это чушь! С чего мне на неё нападать?!

Капитан молча кивнул в сторону листа.

— «...Потому что проговорился мне, как украл книги в дейнарской библиотеке, и побоялся, что я донесу на него...» Я не крал никаких книг! Мне их отдали!

— Отдали? Книги из Главной Библиотеки? Ну-ну. А я думаю, здесь всё верно. Ты, бродяга, напал на невинную девушку, а потом убил защищавших её.

— Они действовали, как слаженная банда, — набычился Тэрн, — наверняка я не первый, кто им попался! Можно найти сотни доказательств...

— А зачем? И так вполне ясно. Трое жителей города доказывают твою вину — и ни единый человек не может поручиться за твои слова... или даже подтвердить твою личность...

Тэрн опустил взгляд: это была правда. Он вздохнул и лишь тут вспомнил:

— Могут! Могут! Я хорошо известен в Священном Городе! Отправьте запрос в завандрский монастырь, пусть свяжутся с Айнером!

Брови капитана взметнулись вверх и даже взгляд наконец стал заинтересованным. Он прокашлялся и вернул лицу непроницаемое выражение.

— Ну, ну... Один из моих парней недавно вернулся из Айнера. Но он не говорил ни о каком Тэрне.

— Я известен там под именем Тарк.

Повисло молчание.

— Брат Тарк? Победитель Состязаний? Ну-у!.. Посмотрим, узнает ли он тебя в лицо... вот уж не думаю! Но если вдруг, я, так уж и быть, напишу дейнарскому мэру и спрошу его про Тэрна. Или Тарка, а?

Тэрн прикрыл глаза, понимая, что сейчас веры ему станет ещё меньше.

— Нет... не Тэрна и не Тарка. Ему я представился, как Т... Т... Твою мать...

— Ну, ну. И какое же из имён настоящее?

Тэрн ухмыльнулся, понимая, что хуже он себе уже не сделает.

— Ни одно.

Капитан усмехнулся в ответ и вернулся к своей бумаге. Тэрн закусил губу. И что теперь, гнить здесь? Ради этого он сбежал из ордена?! Нет, нет, надо убедить его во что бы то ни стало.

— Ладно... напали, говоришь... ну, ну. Рассказывай, как было.

И Тэрн рассказал. Включил всё своё актёрское мастерство, задействовал и честные глаза, и простоватый вид — но все они разбились о безразличие капитана.

— Как интересно. И что же у тебя украли, именитый ты наш?

— Книги... «Капитанская почка», «Глагол нашего времени», «Три мясника», «Дары волков», «Король арф», «Старосветские подлещики», «Отцы и деды»...

— Стоп! — голова капитана клонилась к столу всё время этой речи, но он очнулся и замахал руками. — Хватит про книги. Что ещё было?

— Меч, охотничий нож, кинжал, метательные ножи... — Тэрн осёкся, осознавая, что для обычного путешественника у него многовато оружия, — кулёк ягод, бурдюк с водой, куртка... и шестьсот тридцать два золотых.

— Сколько?!

— Шестьсот тридцать два...

— Ты рехнулся?! — капитан вскочил и злобно уставился на него. — Откуда у тебя, проходимца, столько денег?!

— Я... выиграл в Состязаниях Веры... — опешил Тэрн. Причина такой злости была ему непонятна.

— Точно, — ошалело повторил капитан и осел в кресло. — В Состязаниях...

Он переложил бумаги с одного угла стола на другой, потом поднялся и нервно прошёл по кабинету:

— Мать ж мою, а ведь правда... Шестьсот золотых, говоришь? Вот уроды! — он выглянул за дверь: — Приведите Бэтона.

Тэрн ощутил такой прилив благодарности и облегчения, что едва устоял на ногах. Он не понимал, почему капитан вдруг проникся

сочувствием к его делу, но радовался, что скоро всё кончится. Лёгкое чувство внутри словно дёргало его за рукав и пыталось сказать что-то — но Тэрн привычно отмахнулся.

Наконец, явился Бэтон. Это оказался стражник с неприятным и смутно знакомым лицом. Размерами он превосходил даже Райка, и ему пришлось нагнуть голову, чтобы не зацепить косяк. Не успел он что-либо сказать, капитан махнул рукой в сторону Тэрна.

— Этот победил на Состязаниях Веры?

Стражник повернулся к нему, и Тэрн вспомнил, где его видел. Толпа на айнерской площади. Он зацепил этого здоровяка, и они подрались — точнее, мужик просто отшвырнул его, а Тэрн попал под ноги к монахам, и его потащили на Состязания...

Мужик зло ухмыльнулся, и Тэрн понял, что он тоже всё это помнит.

— Не. Впервые вижу.

— Как так!.. Мы же... ах, ты, скотина... — Тэрн увернулся от удара поддых и вдруг вспомнил: — Амулет Победителя Состязаний! Он должен быть в моих вещах!

Капитан жестом остановил разъярённого Бэтона и потёр подбородок.

— Да... был амулет...

Тэрн испугался, что ему скажут описать эту дурацкую висюльку: он ни разу не приглядывался и помнил лишь, что она была удивительно лёгкой. Но капитан молча пошарил в столе, достал амулет и вперил в него взгляд.

— И как мы узнаем, что это не обычная железка, а именно амулет победителя Состязаний Веры? — победно воскликнул Бэтон.

Вместо ответа капитан повернул украшение задней стороной. Там было выгравировано: «Амулет Победителя Состязаний Веры».

Бэтон осёкся.

— Пшёлвон, — процедил капитан. — Тащи сюда Сараза. С тобой потом разберусь...

Дверь за Бэтоном захлопнулась. Капитан с ненавистью расхаживал по комнате, а Тэрн думал: получается, его вещи уже были у стражи? Разбойники просто их отдали? Странная банда...

Он провёл много времени, переминаясь с ноги на ногу, а капитан становился лишь мрачнее.

— Э, да иду я, иду! Харе толкать-то!

Запахло дорогим парфюмом, и в комнату втолкнули парня в стильном костюме и с честным лицом. Капитан кинулся к нему, схватил за ворот дорогущей рубашки.

— Рехнулся, урод?! Тридцать золотых было, да?!

...Сараз горячо твердил, что он тут не причём, капитан кричал, что скоро уличная крыса отправятся на рудники, Сараз валил всё на Бейту, капитан угрожал повесить всю банду, Сараз упирал на то, что вещи же они все вернули, значит, и деньги тоже были все...

Тэрн прикрыл глаза и криво ухмыльнулся. Только самый пустоголовый дурак Алиара мог не понять сразу. А он-то думал, путаница с именами звучит подозрительно! Думал, теперь он не сможет доказать свою правоту!.. Да все плевать хотели, виноват он или нет.

— А ты чего встал? — рявкнул на него капитан. — Вещи собирай и вали отсюда!

Он плюхнул свёрток на стол, другой рукой продолжая держать Сараза за шкирку. Тот подмигнул Тэрну через плечо капитана: мол, «не мы такие, жизнь такая» и «ничего личного, просто работа». Глаза у него были весёлые и даже добрые — но Тэрн не проникся.

Он подскочил к столу, схватил меч, кинжал, амулет. Больше там ничего не было. Даже кулька с засохшими ягодами.

— А остальное?

— Не слышал, что ль, крысу эту?! Это всё, что ты нёс!

Тэрн хотел ответить, но одумался: собрал вещи и молча пошёл к выходу.

Солнечный свет резал глаза. На улице было непривычно людно. Снова окружил запах пряностей и незнакомых блюд, но Тэрн (даром что не ел больше суток) и не думал о еде.

Он торопливо пошёл прочь от городской стражи, на ходу убирая вещи. Столь же внимательный и аккуратный, сколь и всегда, он не заметил, как столкнулся с рыжим мальчиком лет восьми.

Ребёнок отшатнулся и в ужасе посмотрел на него. Только сейчас Тэрн понял, как он выглядит со своим перекошенным лицом, синяками и кровавыми следами на рубашке.

— Простите! Простите, дяденька, я не хотел! Я случайно!

— Да ладно тебе, парень... всё в порядке...

Перепуганный мальчонка, очевидно, вспомнил все запреты говорить с незнакомцами, потому что те могут оказаться страшными-жестокими убийцами: ребёнок мгновенно растворился в толпе. Тэрн сделал ещё несколько шагов по улице, и... он не знал, что заставило его проверить свои немногочисленные теперь вещи. Но кинжала за пазухой уже не было.

***

Это был самый подходящий момент, чтобы задаться вопросом: что я, собственно, делаю? На самом деле, задаться этим вопросом следовало ещё множество городов назад, но теперь не замечать его было и вовсе невозможно.

Радуясь своей находчивости, Райк пошёл за мерзким выродком в Реллу. Там он разыскал людей, которые подвозили засранца и узнал, что ублюдок бросил их у поворота на Эрнел. В очередной раз помянув мать спиногрыза плохими словами (что становилось уже своеобразным ритуалом), Райк проследовал в Эрнел, где, после долгих поисков, был вынужден признать, что хитрозадый подонок в этом городе не появлялся. Тогда он отправился в Дейнар, где, как оказалось, проходил юноша, похожий на искомого мерзавца. Но когда Райк узнал, что творил этот юноша, то понял: это не может быть Тэрн. Даже если сойдутся все приметы, вплоть до шести родинок на спине, — не может. Райк великолепно знал оторвыша и понимал: заманить его в библиотеку можно лишь кошелём с золотом, а заставить сделать общественно-полезное дело вроде уборки библиотеки невозможно в принципе. Райку как никому иному было известно, что на Тэрна в таких случаях не действовали ни угрозы, ни уговоры, ни посулы. Казалось, он против самой идеи делать что-то полезное — и готов навлечь на себя любую беду, лишь бы не работать.

И вот теперь Райк стоял в Кивише, где тоже не слышали о Тэрне, — и было самое время спросить себя, какова истинная цель этого преследования.

Может быть, он хотел вернуть Тэрна в орден? Но нет, гадёнышу было нечего делать там, он осквернял это святое место одним своим присутствием. Может, всё это было лишь прикрытие, а на самом деле Райк хотел повидать мир? Но за время поисков он ни разу не зашёл куда-либо ради развлечения, лишь разыскивая Тэрна. Может, он

опасался, что посланный наставником человек навредит Тэрну, и хотел решить дело без крови?.. Трижды «ха»!

Но, по крайней мере, это были важные и нужные вопросы, и Райк несомненно задался бы ими, если б хоть немного любил размышлять. Но он верил, что люди, много думающие, мало делают, и был слишком поглощён поиском Тэрна, чтобы думать, зачем он, собственно, его ищет.

***

Ты всё время должен стремиться вверх.

»Тургор»

У него не было причин идти в Кивиш. Просто — он вышел из Завандра и шёл, шёл, шёл, желая убраться подальше, а обнаружил себя уже на полпути к Строгому Городу. Может, потому что Кивиш славился идеальным соблюдением законов, а ему нужно было убедиться, что не везде процветает взяточничество. Может, потому что это была самая удобная дорога в Реллу. Может, потому что собственные мысли были слишком гадостными и нужно было поскорее оказаться в гуще людей... как бы то ни было, в таком виде в Кивиш его бы не пустили. Синяки, кровавые следы на одежде и полное отсутствие денег — на одно из этого стража ещё могла закрыть глаза, но всё вместе словно кричало: «Бродяга!» Следовало подождать, пока сойдут синяки, привести в порядок одежду и мысли.

Поэтому Тэрн свернул с дороги: он знал, что поблизости проходит Свечка, одна из трёх крупных рек Алиара. Он нашёл её довольно быстро, и вскоре уже сидел, напившись, и ждал, когда высохнет его одежда, — не отдавая себе отчёта, что и методы поиска воды, и местность Алиара известны ему благодаря столь ненавистному ордену.

Единственным лёгким способом погибнуть в лесах Алиара было повеситься. Летом в них росла земляника, осенью — облепиха, зимой — подснежника. Это не считая множества других ягод, кореньев и трав (которые Тэрн знал в совершенстве благодаря всё тому же бесполезному ордену) и полному отсутствию опасных для человека хищников.

Рубаха так и не отстиралась до конца, но если подтянуть штаны повыше, можно было скрыть почти все кровавые следы. Так они хоть не напоминали о произошедшем...

Большую часть дня Тэрн лежал у костра и думал.

Ему впервые начало казаться, что он поступил неправильно, —и можно было сделать сотню предположений, но всё равно не угадать, что именно его стыдило.

Он не попрощался с Андой и Юнем.

Они переживали и поддерживали его, хотя вполне могли бы бросить, вытолкнув на сцену, — а он облил обоих грязью и ушёл, гордый собой... А как плохо он думал о Леке, о дейнарском мэре, о людях, накормивших его в Айнере и желавших подбросить до Реллы! Они казались ему такими пустыми, жалкими, бесполезными... но они позаботились о нём, помогли ему — хотя вовсе не были обязаны. А он лишь принимал чужую поддержку как должное...

Но в некоторых людях Тэрн никак не мог увидеть что-то хорошее, и было забавно, что именно они вложили в него больше всего усилий. Наставник Лорм — лицемерный козёл, который хотел выпотрошить его жизнь, уничтожить мечты и стремления, пока не получится нужная ему марионетка. Райк — служака, который отрицал потребность мыслить. Мать...

Неожиданно Тэрн залился истерическим, пугающим смехом. Он хохотал долго, до слёз, потом — размазывая эти самые слёзы по щекам.

Его любимой поговоркой была: «Умному достаточно одной ошибки, дураку не хватит десяти». А Тэрн всегда считал себя умным, хитрым, изворотливым... лишь сейчас осознав, какой он бесповоротный идиот.

— Отец бросил тебя, не дождавшись и твоего рождения. Мать — сдала в орден, едва предоставилась возможность. Лучший друг — бывший лучший друг! — возвращал в эту тюрьму, едва удавалось вырваться... А ты всё веришь людям! «Давайте я вас провожу!» «Тёмная улица, фонари меняют!» Ой, не могу!..

На самом деле, он бы с удовольствием назвал бывшей и мать, и такая позиция была бы гораздо более оправдана, чем в отношении воспитывавших его людей. Но матери никогда не бывают бывшими — как бы они с вами не поступали.

4.1. Кивиш: Мир без чувств

Если сможешь, то прости меня, пожалуйста:
Даст Бог, я себя когда-нибудь прощу.
Исказившаяся в памяти строчка Юрия Визбора

Дома в Кивише были аккуратными, улицы чистыми. Ни завандрской злобы, ни дейнарской косности — и Тэрн решил, что это неплохое место. Правда, чтобы попасть сюда, пришлось заполнить множество бумаг (Тэрн потерял счёт на тридцатой), и, согласно им, он должен был покинуть город не позднее, чем через три дня. Впрочем, выходило, что много и одного: по тем же бумагам, работу не гражданин Кивиша получить не мог. Если это оказалось бы правдой, в чужом городе, без единой монеты делать ему было нечего.

Впрочем, Тэрн не поверил — должны же быть неофициальные подработки. Но выйдя из канцелярии, он понял, что найти их будет не так легко...

Тэрн неуверенно огляделся. Слева от него было трёхэтажное серое здание. Справа от него было трёхэтажное серое здание. Ниже по улице было трёхэтажное серое здание, за ним стояло... да-да. И так покуда хватало взгляда.

Тэрн побрёл вперёд. Ничего не менялось. Через три минуты начало казаться, что никуда он не идёт, а вышагивает на месте. Он оглянулся: здание канцелярии осталось далеко за спиной. А между ними стройными рядами шли абсолютно одинаковые серые дома.

Стало не по себе.

Тэрн повёл плечами и торопливо свернул в проход между домами... попал на точно такую же улицу. Снова свернул и увидел ещё одну такую же. Стало страшно.

Он хотел спросить дорогу, но на улицах было пусто. «Середина рабочего дня», — осознал Тэрн. По инерции он оставил за спиной ещё две подобных улицы, по следующей пошёл вперёд. Вскоре ему на пути встретилась ровная череда деревьев. За ней продолжалась дорога.

Тэрн заметил у деревьев скамейку и опустился на неё. Минут через десять на улице стали появляться люди; видимо, в их работе

наступил перерыв. Они ровным шагом ходили по этому маленькому парку, сосредоточенные на своей прогулке.

Тэрн пригляделся к толпе. Мужчины были коротко стрижены и одеты в тёмно-серые костюмы из брюк, рубашки и куртки; женщины носили каре, из одежды на них были такие же серые юбки и блузки. Как и здания, они были совершенно одинаковые, но Тэрн уже устал удивляться. Две женщины присели на соседнюю с ним лавочку и стали обсуждать какой-то законопроект. Было самое время, чтобы спросить дорогу куда бы то ни было. Тэрн встал, чтобы подойти к ним, и... понял, что не может этого сделать.

После Завандра что-то в нём надломилось. Невозможно стало верить людям. Следовало спросить дорогу, и он прекрасно понимал, что бесполезно блуждать по улицам дальше — но он просто не мог заговорить, не мог подойти даже.

«Растёкся, квашня. В одном городе не повезло — всё, жить незачем? Сядь тогда на лавочку и зарыдай, тряпка...»

Тэрн костерил себя слабаком, девчонкой и жалким земляным червяком — но всё равно не мог заговорить с кем-либо. Наконец, сдался и опустился обратно на лавку.

Он так устал, что сидеть на лавке казалось единственным возможным делом, хотя день этот был легче многих. Зачем он только пришёл сюда?.. А. Точно. Мясо.

Голоден Тэрн не был: набрал ягод в лесу. Но за время путешествия ягоды, трава и коренья вызывали у него почти ненависть: молодой-здоровый-мужской организм требовал хорошо прожаренный трупик животного, а у него самого не поднималась рука на обитателей леса. Вот и надеялся — зайти, быстренько заработать денег, пообедать хорошенько (картошечки, а к ней свинины кусок, а сверху вином всё залить, да-да-да), поспать на мягкой постели, а не на листьях, помыться в кой-то веки не в ледяном ручье, куртку купить... но всё это было недостижимо без денег. А деньги были недостижимы сами по себе.

Нужно было выбираться отсюда. Но куда идти, если он не может общаться с людьми? Тут не место надо менять, а душу в порядок приводить...

Приводить себя в порядок не хотелось. Идти куда-то не хотелось. Оставаться не хотелось. Тэрн бешено устал душой.

...Он не знал, сколько просидел так, равнодушно глядя вдаль, но вокруг уже никого не было, когда на лавочку рядом с ним опустилась странная девушка.

Тэрн покосился на неё, испугался и отвёл взгляд. Она не была некрасивой, но смотрела на него с таким неудержимым (и явно не соответствующим ситуации) восторгом, что Тэрн тут же испытал желание уйти подальше. Что он и сделал.

— Брат Тарк! — донеслось ему вслед. — Подождите, вы должны мне помочь!

— Я никому не должен! — рявкнул Тэрн.

Девушка опешила.

Он пригляделся. Как и у всех женщин Кивиша, у неё было каре, как и большинству женщин Кивиша, ей оно не шло. Серая юбка висела криво, на рубашке было пятно. Девушка не выглядела местной.

«Спокойно, — одёрнул он себя. — Это лишь оборот речи. Если бы в ордене не говорили, что ты **должен** спасти мир, **должен** учить историю и **должен** быть всем примером, ты бы так не злился. Девушка не виновата».

— Я... имела в виду, может, вы мне поможете... п-пожалуйста...

Губы у неё дрожали. Молодец, довёл девушку до слёз. Молодец.

Она просияла, видимо, вспомнив нужную фразу:

— Я заплач**у**!

— Или заплачешь... — проворчал Тэрн. — Что там у тебя случилось? И как ты меня назвала?

— Брат Тарк. Я видела вас на Состязаниях в Айнере! Но... нам не следует говорить так громко.

Они присели на лавочку. Девушка неуверенно огляделась, но деревья росли редко, а улицы были столь длинными, что подкрасться было невозможно.

— Как тебя зовут?

Она вздохнула.

— Миза. Надо торопиться, так что я всё сразу расскажу, хорошо? Мой отец — градоначальник Кивиша. Ко мне... приезжала подруга... подруга из Эрнела, и...

Миза затихла. Тэрн оглядел её, потом окружающий город, потом небо и мостовую, но нигде не обнаружил ничего интересного. Девушка всё молчала.

— И? — не выдержал он.

— И её отправили в тюрьму.

— Ого. За что?

— Она вышла на улицу после одиннадцати... у нас это запрещено...

Тэрн оценил и юмор, и умение шутить в подобной ситуации. Он уже готов был засмеяться, но перед глазами промелькнули Айнер и Дейнар, Завандр и деревня, и он осознал:

— Ты серьёзно. Этот мир достаточно безумен, чтобы у вас сажали за такое.

Миза резко уткнулась в ладони и заскулила.

— Если б она хотя бы... — разобрал Тэрн, — не такое тяжелое... а теперь...

Стало неловко: ему редко доводилось сидеть рядом с плачущей девушкой... рядом с девушкой, плачущей не из-за того, что он безотвественный ленивый подлец, по крайней мере.

— Да ладно тебе! Ну что ей сделают...

Миза вскинула голову. Глаза её были влажными, но она не плакала.

— Её казнят.

Тэрн замер. Насколько безумен этот мир? Разве настолько?

— Да, это серьёзное преступление...

— «Не карать мелкие проступки — значит, порождать большие»... Не смотри так, у нас всё не настолько жестоко. Если бы только это, её бы просто сослали на рудники!.. Но она нарушила ещё несколько законов... она... она же из Эрнела... Она смеялась слишком громко... и...

«Я ненавижу этот город», — понял Тэрн. Не то чтобы это имело какое-то значение (городу так точно было плевать), но чувство это вдруг сформировалось особенно отчётливо.

— Рассказывай, что делать.

***

— Мне не нравится этот план, — повторил Тэрн и прошёлся от стены к стене.

Шлем снова съехал к носу. Тэрн поправил его и повторил:

— Мне не нравится этот план.

Намекнуть, что он говорит это в сотый раз, было некому: Миза не выдержала ещё на десятом. К счастью, у неё был повод: оформить кое-

какие документы и поискать кого-нибудь в помощь Тэрну. Последнее он хотел сделать сам, но Миза опасалась, что он нарушит какое-нибудь местное правило и придётся спасать уже его.

Мизы не было долго, ужасно долго. Тэрн походил по комнате, полистал пару книжек — но они были даже более скучными, чем орденские; в итоге он снял выданную броню, расположился в кресле и уснул.

— Брат Тарк! — вернувшаяся Миза трясла его за руку и счастливо улыбалась. — Я нашла того, кто нам поможет! Представляете? Встретить его именно здесь! Ведь я отправила его за вами в Реллу!

— Кого?..

Тэрн перевёл взгляд туда, куда указывала Миза. Сначала он увидел такую же латную броню. Затем отметил презрительную усмешку. И лишь потом узнал Райка.

Тэрн вскочил с кресла. Казалось, волосы на загривке встали дыбом, а сам он готов перекинуться лютым зверем — и удивляло лишь, что он до сих пор сохраняет человеческий облик.

— Нашёл-таки... сволочь...

Взгляд Райка стал ещё более презрительным. Тэрн подскочил к нему и уже готов был вцепиться в горло, но Миза за спиной воскликнула:

— Что вы делаете! Это же незаконно! — какой ещё могла быть реакция кивишцы.

Тэрн замер: если за нарушение комендантского часа наказание было столь жёстким, то и представить страшно, что полагалось за драку...

Райк наклонился к его уху и тихо-тихо произнёс:

— Я обещал ей помочь. И я помогу. И ты поможешь. А потом я за ухо протащу тебя по всему Алиару, чтобы на всю жизнь запомнил, ублюдок...

Из всех оскорблений именно это задевало Тэрна наиболее сильно — о чём Райк прекрасно знал.

— Никуда ты меня не потащишь. Потому что я прирежу тебя, как только ты повернёшься спиной.

Воздух словно гудел от ненависти. Они сделали шаг друг от друга и одновременно кивнули.

— Мы не в самых хороших отношениях, — пояснил Тэрн и вежливо улыбнулся. Но Миза почему-то вздрогнула.

— Но это не значит, что мы вам не поможем, — добавил Райк и тоже улыбнулся. Тэрн взглянул на его улыбку и вздрогнул уже сам.

***

— Капитан Альт Таб, прибыл по указанию майора Контрола.

Райк протянул документы, и лейтенант внимательно изучил их.

— Да, мы получили заявление от вашего корпуса. Но во время показа тюрьмы кадетам было записано, что из группы отсутствовал лишь один человек. И он уже прошёл эту практику.

Райк кивнул.

— Ошибка в документах. Докладная уже отправлена, канцелярия получит по заслугам.

— Своей безалаберностью они ухудшают и дисциплину среди кадетов.

— Недопустимый пример для будущих защитников.

Тэрн мог лишь восхититься Райком. Со всем своим актёрским талантом он не мог сыграть даже близко так хорошо. Райк же, казалось, был создан для этого города. Ни эмоций, ни мыслей, лишь исполнение приказов и чувство долга вместо сердца.

Впрочем, в данный момент всё актёрское мастерство Тэрна уходило на то, чтобы ни на кого не броситься: слишком раздражал этот город и эти райкообразные.

— Следуйте за мной, — стражник постучал в соседнюю дверь. — Сержант, примите пост.

После он отпер вторую, массивную дверь: за ней оказалась образцово чистая лестница. Лейтенант впустил их и сходу начал рассказывать:

— Это последняя линия обороны тюрьмы. Все двери можно открыть только данными ключами. Их три комплекта: у меня, у моего заместителя и в городском суде. Двери открываются два раза в день, чтобы сменить караул, и снова закрываются после, — голос его был таким монотонным, что все силы Тэрна уходили, чтобы не зевнуть. — Также двери открываются во время практики кадетов, два раза в год. Следующая ступень защиты — второй этаж. Здесь, как вы видите, расположены...

Тэрн привычно отключился (опыт в этом был богатым), Райк же внимательно слушал и задавал вопросы. Тэрн подумал, что это он зря, ведь стражник мог удивиться такому незнанию — но лейтенант реагировал совершенно спокойно. Видимо, Райк дышал с этими людьми в одном ритме, поэтому всё, что он делал и говорил, было уместным.

Серые каменные стены тянулись перед ними, и Тэрн подумал, как хорошо, что он попал в тюрьму Завандра, а не Кивиша. Здесь бы он столько не выдержал...

— А сами вы ничего не хотите спросить, кадет?

— Э-э... — Тэрн слышал этот вопрос тысячу раз в различных вариациях, так что непривычное обращение его не удивило. — А если... угроза будет исходить снаружи, а не изнутри?

Стражники — то есть, стражник и Райк — переглянулись. Райк неодобрительно приподнял уголок губы, лейтенант качнул головой.

— Я только что об этом говорил. Как вас взяли в кадеты?

— Перевоспитаем, лейтенант.

— Надеюсь.

Тэрн удержал себя на месте, хотя желание ударить двух уродов было нестерпимым. Они спустились на следующий этаж. Тэрн снова заскользил взглядом по сторонам, но больше к нему не обращались.

Райк был точной копией лейтенанта, лейтенант был точной копией остальных стражников — но как раз стражи выделялись среди однообразной массы горожан. Они казались следующей стадией того, что Тэрн назвал бы кивишизмом: у кивишцев были всё время сжаты челюсти, а взгляд поражал равнодушной официальностью... челюсти же стражников были сжаты почти до зубовного скрежета, а уж взгляд своей неприступностью напоминал казённую печать.

Когда человек меняется постепенно, этого не замечаешь. И лишь рядом с лейтенантом Тэрн вдруг вспомнил, что Райк не всегда был таким. Просто за годы знакомства его зубы сжимались, сжимались, сжимались, а взгляд становился всё более жёстким, пока не вышел лучший воин ордена, которого всегда и всем ставили в пример, особенно Тэрну.

— Последний этаж. Камеры подследственных.

Из-за дальней двери доносилось громкое:

— Выпустите меня! Вы-пус-ти-те! Вы-ы-ы-ыпу-у-усти-и-и-ите-е-е! Выпустите меня! Выпустите, выпустите, выпустите!

Лейтенант поморщился:

— Преступница из Эрнела. Скорей бы её казнили...

Стражник у камер простонал:

— Это невыносимо... — и голос его звучал почти по-человечески.

В голову пришла мысль:

— Лейтенант, может, отпустите его? Если он целыми днями это слушает, так и с ума сойти можно. А тут два офицера и кадет...

Райк и лейтенант снова переглянулись.

— Ваш кадет предлагает нарушить распорядок.

— Сами видите, никакой дисциплины.

— Почему его до сих пор не исключили?

— Воинские показатели высокие.

— Я обязан буду доложить о его поведении.

— Вы обяжете нас всех.

Тэрн вздохнул и подошёл к стражнику у стены:

— Она так целыми днями орёт?

Тот мученически кивнул.

— Кошмар какой! — посочувствовал Тэрн и пару раз ударил его головой об стену.

— Эй, что ваш!.. — речь лейтенанта тоже оборвалась ударом.

— Это был очень глупый план, — пробормотал за спиной Райк.

— Что ж ты лучше не предложил?

Тэрн откинул окошко камеры. Внутри причёсывалась ладонью самая страшная девушка, что он когда-либо видел. Её оранжево-зелёные волосы были длиной до плеч с одной стороны и до уха с другой. Лицо её было раскрашено в разные цвета: голубой от глаз до бровей, сиреневый на губах и два красных пятна на скулах.

— Эй! Слышишь? Мы от Мизы. Она передала тебе вот это. Выпей.

Девушка вприпрыжку подбежала к окну.

— Да?! А что это?! Ой, какой вкус смешной!.. Ой... какой... вкус...

Она пошатнулась. Тэрн покосился на Райка:

— Сколько шансов, что дочка градоначальника просто решила отравить соперницу?..

— Она же пробовала зелье.

— Может, у неё есть противоядие?

Девушка рухнула на пол. Тэрн вздохнул:

— И зачем было её усыплять?..

Райк пожал плечами. Он не обсуждал команды.

— Попробуй этот ключ.

— Не тот. Зачем им такие тюрьмы, если никто не нарушает закон?

— Тогда вот этот.

— Неа. Ты ведь был в тех же городах, что и я? Правда, Кивиш — самый ужасный?

— Попробуй этот.

На сей раз дверь открылась: видимо, мышление Райка и впрямь совпадало с местным, как иначе он нашёл нужный среди пятидесяти одинаковых ключей?

Они нарядили пленницу в доспехи лейтенанта, благо, тот был некрупным. Шлем оставлял лицо открытым, так что пришлось смывать с девушки её ужасный грим. Стражников они закинули в камеру и там заперли.

— А она симпатичная, — изумился Тэрн. — Зачем же она себя так...

— В Эрнеле все девушки такие. Я думаю... они готовятся к войне, будут отпугивать прислужников Повелителя Мечей.

— О. Как-то я не подумал. Молодцы какие!

— Да, это действенное оружие.

Они закинули руки девушки на плечи и медленно побрели к лестнице. Поднялись. Стражники потянулись к оружию — но медленно, слишком ошарашенные столь неуставной ситуацией.

— Заключённой удалось открыть замок и смертельно ранить стражника! Ваш лейтенант еле сдерживает её!

Стражи растерянно поглядели друг на друга. Броня у Тэрна и Райка была другого цвета и, видимо, даже офицер иного подразделения не мог им приказывать — а спускаться вниз они не имели права.

— Что говорит устав о случаях нападения на старших по званию?! — рявкнул Райк.

Стражники ломанулись вниз.

Тэрн торопливо запер за ними дверь. Разумеется, они не были этим довольны, но до следующего этажа их крики не доходили, а этот

был чист.

— Давай скорее.

Они потащили девушку выше, повторив те же действия. Но дальше провернуть этот трюк бы не удалось: в тюрьме была лишь одна заключённая, и поверить, что с ней не могут сладить десять солдат, было сложно.

— Кто это? — заступил им дорогу один из стражников.

— Вашему лейтенанту стало плохо. Вы что, не вызвали врача?! Мы же отправляли к вам часового!

Они переглянулись. Тэрн отошёл от девушки, ближний стражник приподнял ей голову — но прежде, чем успел удивиться, получил апперкот от Райка. Райк прижал следующего стражника к стене и несколько раз ударил об неё головой. Это выходило у него ловко и совершенно естественно.

В отличие от Тэрна.

— Тревога! — успел крикнуть «его» стражник, прежде чем отправиться к остальным, но и этого было вполне достаточно.

Райк лишь вздохнул, но в его вздохе проскользнули: возмущение, презрение, разочарование, грусть, покорность судьбе и множество других чувств, уже не таких ярких. Тэрн вспыхнул, но на выяснение отношений не было времени.

Они подхватили пленницу под руки и рванули к выходу.

— Тревога! — повторили они слова стражников. — Заключённой удалось вырваться! Она уже на втором этаже, лейтенант ранен!

Стражники побежали туда, Райк дождался, пока они спустятся и снова запер дверь. Благо, была она довольно массивной.

— У него же второй комплект ключей!

— Я помню...

Райк придвинул к стене шкаф, подпёр его столом и оглянулся в поисках другой мебели.

— Давай скорее...

4.2. Кивиш: Безжалостная память

И Бог улыбнулся мне,
И я был этому рад...
Но слышал, как в стороне
Меня осуждает брат.
Олег Скобля

— И всё же, Миза, странно, что господин градоначальник отправляет в Эрнел именно тебя. Да и к чему это посольство? Девушка нарушила закон, Эрнелу не должно быть до этого дела.

— Думаю, результат ему неважен, надо просто создать иллюзию доброжелательных отношений.

— Да, в таком случае лучше и вправду отправить тебя. Но твоя группа... господин градоначальник уверен, что они смогут защитить тебя в пути?

— Да. Тайр Инг — лучший кадет корпуса, а это и вовсе его наставник. И со мной пойдёт Ита Дэ из министерства отца на случай дипломатических сложностей.

Секретарь кивнул и — наконец-то! — поставил печать. Невероятных усилий стоило Тэрну не рвануть вперёд, но он всё же сумел дождаться, когда ворота распахнутся перед ними, открывая долгожданный путь к свободе; а потом — чеканя шаг, как это делал Райк, медленно вышел из города.

Идти так пришлось ещё долго, пока дорога не повернула за холм и в Кивише их уже не могли увидеть. Дальше шагали торопливо, но молча.

— Надо свернуть куда-то с дороги, нас скоро будут искать, — нарушил тишину Райк. Их разногласия были пока отложены.

— А мы не заблудимся в лесу? — Миза испуганно посмотрела на них.

— Мы — не заблудимся. И вас тоже выведем.

Тэрн молчал. «Если сейчас рвануть в лес, он ни за что меня не догонит. Не бросит он девчонок посреди дороги. И мешка у него два, а у меня один всего... Нет, надо броню снять, а то потом пока буду возиться...»

— Давайте оставим броню у дороги? До города близко, скоро найдут. А так нам ещё и воровство припишут.

— Зато так догадаются, что мы свернули, — возразил Райк.

— Можно оставить часть здесь, а потом дойти до развилки и оставить остальное по дороге на Завандр. А самим пойти в Эрнел. Они и так наверняка уверены, что мы из Завандра... но там трудно кого-то найти, это даст нам много времени.

Райк пристально посмотрел на него.

— Хорошо. Уж что-что, а убегать и прятаться ты умеешь.

В его голосе было такое отвращение, что оскорбился бы даже Повелитель Мечей. Но Тэрн мужественно промолчал.

Он оставил свою броню там же: разбросал по краям дороги. После этого не убежать стало уж совсем сложно. «Если сейчас рвануть в лес, если сейчас рвануть в лес!.. Он ни за что меня не догонит!..» — но Тэрн тоже не мог бросить девушек в такой момент. Их нагонят, окружат — а его не будет рядом, чтобы помочь, и один Райк будет стоять насмерть, но всё равно не сможет спасти бедных девчонок... и хотя, в основном, ему, конечно, хотелось помочь девушкам, где-то в глубине был и червячок возмущения: как так! Он в таком случае окажется подлецом, а Райк — *Райк!* — героем.

Так что Тэрн тащился позади всех, прекрасно понимая, что когда их путь кончится и девушки будут в безопасности, Райк тут же поволочёт его в орден. И избежать этого никак не удастся: не зря большинство его попыток побега разбивалось именно о могучую грудь Райка.

Миза старалась идти наравне с ними, хотя видно было, что для неё, горожанки, это тяжело. Спасённая эрнелка смотрела вперёд пустыми глазами, шла с той же скоростью, что и в самом начале пути и вряд ли осознавала хоть что-то.

Шли долго, в основном, молчали.

— А твоя подруга скоро придёт в себя?

— Да... она... к утру...

Тэрн посмотрел на задыхающуюся Мизу, потом на бывшую узницу. Её взгляд был таким отрешённым с тех самых пор, как она очнулась; это выглядело бы жутко, если бы Тэрн не видел пустые глаза так часто за время своего путешествия.

— Привал? — обернулся он к Райку.

Тот поглядел на Мизу и тяжело вздохнул:

— Да.

Они сошли с дороги в лес и выбрали полянку поудобнее. Райк спустил с плеча оба мешка (свой и Мизы), развернул им по спальнику, которые где-то добыла дочка градоначальника. Тэрн сделал то же.

— Я так понимаю, по законам Кивиша тебя должны казнить раз так десять?

Миза пожала плечами.

— Радуйся... что я оставила записку... а то вас бы обвинили во всём этом... и в похищении меня.

— Да... — вздрогнул Тэрн. — Спасибо тебе. Кстати, а как зовут нашу заключённую?

— Альниюнаэли... или как-то так. Никогда не могла выговорить.

Она с трудом добрела до подруги и затолкала её в спальник.

— Альни! Спи. Спи-и. Закрой глаза.

Эрнелка понимала её с трудом, но в итоге Мизе удалось добиться нужного.

— А нам обязательно было поить её этой дрянью?

— Да. Она бы... ты... сам всё увидишь.

Миза торопливо поела и сразу же уснула.

Райк посмотрел на то, что в Кивише считали едой, потыкал серое месиво ложкой и опасливо попробовал. Тэрн увидел, как челюсти его сжимаются ещё сильнее (что означало: почти ломая зубы), а взгляд становится ещё жёстче. Видимо, по сравнению с этой дрянью ножка стула показалась бы пищей богов. Тэрн фыркнул:

— Пойду ягод каких-нибудь поищу.

Благо, было ещё светло. Тэрн встал и потянулся, размял плечи. Райк внимательно смотрел на него.

— Пойди. Поищи.

Очень внимательно смотрел.

— Чего тебе?! — рыкнул Тэрн. — Я вернусь!

За время совместных дел их вражда подзабылась, но сейчас ненависть снова зашипела внутри.

— Вернёшься. Надеюсь, на это твоей совести хватит.

Тэрн почувствовал, как воздух вокруг становится горячим, словно бы сдавливает горло. Он оскалился и произнёс — и почему-то вышло тихо-тихо:

— Да что ты знаешь о моей совести?

— *Всё.* И ты можешь разыгрывать хорошего человека перед кем угодно, но это никогда не сработает на мне... мерзкий, жалкий выродок.

Тэрн помотал головой; выдохнул, снова помотал головой.

— Я сейчас пойду. Наберу ягод. Потом вернусь. И если, когда я вернусь, ты скажешь мне хоть слово, эту ночь ты не переживёшь.

Райк безмолвно проводил его взглядом.

***

Я молча к нему подошёл
И долго смотрел в глаза.
Сочувствия не нашёл
И тихо ему сказал:
«Я знаю, я виноват
Пред Богом и перед людьми,
Но ты — ты же мой брат!
Ты хоть меня не кляни...»

Олег Скобля

Тэрн успокоился, едва лишь скрылся в лесу. Он, насвистывая, собирал ягоды (больше в рот, чем с собой, но девчонки всё равно уже спали, а с ослом Райком делиться он не собирался). Комаров в Алиаре не было, и отмахиваться приходилось только от воспоминаний — но они были гораздо хуже. Постепенно свист Тэрна становился всё тише, а взгляд — всё тоскливее. Вскоре он не выдержал и бессильно опустил руки. Ощущение было как после Завандра: без веры, без сил, без стремлений. Тэрн закусил губу.

...Тэрн закусил губу. Не выйдет, высоко слишком!.. Нет, нет, нельзя так думать. Не зря же готовился столько дней! Хотя часовня, на которой он тренировался, была ниже, а и на неё едва запрыгнуть получалось... Нет, должно выйти. Должно!

Он встал на кучу барахла — всего, что смог незаметно стащить, — и потянулся вверх. Не достал до края совсем чуть-чуть. Тэрн встал на цыпочки так, что стало больно: удалось зацепиться за край стены кончиками пальцев — но этого всё равно было слишком мало.

Он обречённо сполз по каменной кладке. Додумались же такие гладкие стены делать... Что же сюда ещё подложить... Ладно, сейчас с разбегу попробуем...

— Тэрн?!

Он вздрогнул.

— Ты что делаешь?!

— А ты не видишь, что ли... — он тяжело вздохнул, зная, что будет дальше.

— Слезай.

Тэрн послушно спрыгнул. Он уставился на траву и видел только ботинки друга. Райк подошёл ближе, встряхнул за плечи, заставил поднять голову. Взгляд его был — обеспокоенным, неверящим, испуганным.

— Ты куда собрался, братишка? С ума сошёл?

— Мне здесь не место. Я не герой из Пророчества.

— Опять ты за своё! — ещё улыбаясь, заметил Райк. — Думаешь, наставник стал бы тратить время, если бы всё не совпадало? Пойдём, не выдумывай. Тебе завтра рано вставать.

— Ты не видишь, что ли?! — Тэрн дёрнул плечами, стряхивая его руки. — Это не моё! Я здесь чужой!.. Хотя как ты можешь видеть, здесь же времени подумать не дают... здесь дышать некогда... Почему я должен так жить?

— Потому что это твоё предназначение. Никто, кроме тебя, не может этого сделать — значит, ты должен.

— Опять я должен?! Опять?.. Когда ж мне хоть кто-то должен будет?!

Райк встряхнул головой. Тэрну было четырнадцать, и разница в три года сразу бросалась в глаза — к тому же, Райк гораздо больше занимался физическими тренировками, так что сейчас он горой нависал над Тэрном.

— По-твоему, тебе одному тяжело? — тихо спросил он. — Здесь все тренируются не меньше тебя! И большинство из нас погибнет в этой войне — просто чтобы позволить тебе добраться до Повелителя Мечей!..

Тэрн упрямо мотнул головой.

— ...А преподаватели?! Орден был создан для таких, как ты! Сюда годами собирали лучших учителей Алиара — чтобы готовить тебя! Жители всех городов налоги платят — на твою будущую армию, на обед твой ежедневный, на одежду твою!.. И что теперь?! Скажешь всем, что тебе скучно? Что мы можем расходиться?!

Тэрн взмахнул руками: дело было не в этом. Всё это вообще было неважно.

— Это неправильно! Я не должен вести никакие армии, я не должен сражаться с Повелителем Мечей, здесь всё неверно — я это чувствую.

— Я тоже чувствую, — поддержал Райк. — Чувствую, что ты трус и подлец...

Он отступил на шаг, потом встряхнул головой:

— Брат, опомнись! Это же твой долг — спасти наш мир! Всех здешних людей!

— Да плевал я на людей!

Тэрн взрогнул, когда так непривычно сверкнули глаза Райка, — но и это не подготовило его к мощной пощёчине.

Тэрн ошарашенно дотронулся до щеки. Они были друзьями. Братьями. Равными. Он... не ожидал.

Повисла злая, колючая тишина.

— Иди в свою комнату — или я ударю тебя ещё раз и буду бить до тех пор, пока ты не сможешь только скулить.

Тэрн помотал головой. Его не пугали угрозы (хотя он не справился бы с Райком), просто сил вдруг не осталось на спор, даже на единую фразу. Он развернулся и побрёл к спальням. Стоило замедлить шаг, Райк толкал его в спину — и так продолжалось, пока они не оказались у самой комнаты. Тэрн положил ладонь на ручку двери и, не оборачиваясь, пробормотал:

— Если бы ты был моим другом, если бы ты обо мне заботился — ты бы хоть попытался понять.

Райк ответил почти с ненавистью:

— Поверь мне: я о тебе заботился. И другом твоим я **— был.**

Тэрн молча толкнул дверь. Уже когда она захлопнулась, до него донеслось:

— Если не появишься на завтраке, я сам найду тебя в этом лесу. И сделаю так, чтобы бегать ты не смог весь следующий год. **Ублюдок!**

***

Райк молча протянул ему какую-то ткань. Тэрн высыпал туда ягоды и завязал кулёк: он так рьяно отбивался от воспоминаний, что собрал действительно много. Райк, наверное, был уверен, что он уже

не вернётся. Перенервничал небось, всю поляну кругами оббегал, — подумал Тэрн со злорадной улыбкой.

Не говоря ни слова, Райк лёг спать. Тэрн отдежурил свою половину ночи и молча растолкал его. Они так ничего друг другу и не сказали — и это было даже страшнее их обычных ссор.

А проснулись все от дикого, полубезумного крика.

— Дэйниэл, Дэйниэл святый! Мои волосы! Мои во-о-о-олосы!

Пока Тэрн пытался понять, что происходит, Райк уже метнулся к спасённой ими девушке и зажал ей рот.

— Ммнпх! Мфн пхфмх! — не успокаивалась она.

Миза тяжело вздохнула.

— Как я и говорила, к утру она придёт в себя... Альни, послушай! Нам пришлось подстричь тебя, чтобы вывести из города. Иначе было бы видно, что ты не местная.

Райк осторожно убрал руку.

— Да, но этот мышиный цвет?! — всхлипнула девушка. — И моя косметика! Что вы сделали с моим лицом?! Это же был профессиональный макияж, мне его три часа восстанавливать! И чем? Где вся моя... Хм, хотя стрижка очень необычная. С ней меня точно заметят, — совершенно мирно закончила она. — Но где-е-е моя косметичка?!

Райк с Тэрном переглянулись.

— Она из Эрнела, — объяснила Миза и снова тяжело вздохнула. — И моя лучшая подруга...

Райк взглянул на небо: начинало светать.

— К лучшему. Выступаем.

Они торопливо собрали вещи. Тэрн подхватил рюкзак Мизы (она и так с трудом шла), закинул оба на плечо — и увидел, что Райк пристально смотрит на него. Снова.

— Теперь чего?!

Райк помолчал.

— У тебя рубашка в крови.

— Ой, — вмешалась Альни. — Правда. А я думала, это рисунок такой. Какая идея хорошая, надо будет тоже одежду забрызгать, кто б знал, что из крови такие здоровские рисунки получаются!

Тэрн опустил взгляд вниз. И вправду: рубашка вылезла из штанов и стали видны кровавые брызги, так и не отстиравшиеся после

Завандра. Он заправил рубаху и торопливо пошёл вперёд. Спину жёг тяжёлый взгляд Райка — таким благочестивый судья смотрит на детоубийцу.

Альни сорвалась с места с криком:

— Бабочка! Какая бабочка, я посажу её к себе на шляпку! Правда, будет здорово?!

Испуганная бабочка торопливо улетела, и Тэрн вполне её понимал. Он подождал, пока его нагонит Миза.

— А у тебя нет ещё такого зелья?

Девушка покачала головой.

— Им у нас пользовался один мошенник... одна склянка оставалась в вещественных доказательствах...

— И ты её украла.

— Украла, — покорно согласилась Миза.

Видно было, что её, жительницу Кивиша, невероятно гнетёт нарушение закона, и Тэрн постарался утешить её.

— Не переживай из-за этого. Ты ничего им не должна — соблюдать их законы в том числе! Подумай, они же...

— Миза.

Райк подождал, пока они обернутся к нему, и продолжил:

— Миза, не слушай его. Что бы он ни говорил.

Миза хлопнула глазами, а Райк припечатал:

— Хорошему он не научит. Потому что в нём самом хорошего ни крупицы.

Тэрн сжал зубы и героически промолчал. Миза промолчала ошарашенно.

Альни бегала за бабочкой, поэтому ничего не слышала, а замученная бабочка уже не знала, куда деться.

— Почему вы так ссоритесь? Вы же братья... то есть, родственники.

Тэрн хотел яростно возразить против наличия у себя хоть капли общей крови с Райком, но лишь вздохнул. Про орден всё равно не расскажешь, а эта ложь не хуже любой другой. Райк, видимо, рассудил так же.

— Да. Братья. Двоюродные.

— Троюродные.

— Четвероюродные. Очень, очень далёкие родственники.

Бабочка взмыла в небо, и Альни вернулась к разговору:

— Надо же! А так похожи! Как родные прям. Я увидела, сразу подумала: братья.

— Мы не!..

Но их возражения потонули в новом потоке слов Альникакеётам. Тэрн уже научился пропускать мимо ушей её речь, хотя это и было сложнее, чем в ордене: те рассказы были скучными и монотонными, усыпляющими, здесь же девушка звучала и свирелью, и трубой, и барабаном. С другой стороны, у Райка не привычки отрешаться от чужих слов, так что ему было гораздо тяжелее.

Все, кроме эрнелки, молчали: не располагала к разговорам мысль, что стражники идут по их следу и готовят им смертную казнь. Как ни странно, наступил вечер, а их так и не догнали. Видимо, в Кивише знали: «Дорога предназначена для пеших и конных перемещений между населёнными пунктами», — поэтому и предположить не могли, что кто-то пойдёт через лес.

И это было не так уж дико: Тэрн чувствовал, насколько длиннее становится путь из-за того, что они бредут здесь, а не идут не по ровной кивишской дороге. Неисключено, что в Эрнеле их уже будет ждать патруль...

Становилось всё холоднее: природа, видимо, вспомнила, что сейчас осень. Тэрн зябко поёжился: его куртка осталась в руках завандрских стражников. Новую он хотел купить в Кивише, но не сложилось, — а когда Миза собирала им вещи, он был в броне и как-то не подумал о надвигающихся холодах, да и не до того было... А вообще, просто удивительно, как одна милая маленькая девушка могла утащить столько всякого барахла...

— Мёрзнешь?

— Пошёл ты.

— Куда куртку дел?

— Пошёл. ты.

— Туда же, куда и книги, да? Сколько ж ты всего спустил-то? И на что?.. А ведь ещё и выигрыш в Айнере... Скажи, гадёныш, на что можно было потратить столько денег?

Тэрн прикрыл глаза. Один из них не дойдёт до Эрнела.

— ...На девок и вино — какие у тебя ещё интересы! Надеюсь, теперь-то хоть счастлив. Как ты говорил... живёшь полной жизнью?..

Мразь.

И снова взгляд Райка выражал целую вереницу чувств, от ненависти до равнодушия. Есть граница, за которой презрение не может существовать. Там нет ни злости, ни гнева, ни раздражения: человека слишком презирают, чтобы даже презирать. Их заменяет абсолютная уверенность в том, что перед тобой отвратительная и подлая тварь, которая неспособна испытывать светлые чувства и никогда не сделает ничего хорошего. И под этим взглядом действительно тяжело быть кем-то, кроме отвратительной твари...

Но взгляд Райка не обвинял, нет, — он бы исполнен смирения перед волей Творца, решившего сделать их героя таким. В конце концов, Господу видней; в конце концов, в мире нужны абсолютно все, даже бесполезные и вредные скоты, по наглости своей иногда ухитряющиеся забыть, как же они мерзки на самом деле.

— Меня ограбили, — тихо сказал Тэрн. — И нет, я могу за себя постоять. Но в итоге всё досталось стражникам — а с целым городом сцепиться и ты бы не смог. Я понимаю, тебе было бы проще, если бы я оказался вором и убийцей. Прости, что опять не оправдал надежд.

Тэрн окинул взглядом притихших спутников и, смущённый своей неожиданной искренностью, торопливо пошёл вперёд.

Райк промолчал.

Путь продолжался.

5.1. Эрнел: Мир без логики

То ли правда, то ли ложь —
То, что ты сегодня знаешь,
То ли с другом ты идёшь,
То ли пленником шагаешь...

Светлана Пантелеева

Эрнел ударил по глазам ярким светом. Сияли окна, на домах светились какие-то вывески, с разных концов города доносилась громкая музыка — и Тэрн почувствовал себя гораздо более уставшим, чем от нескольких дней ходьбы. Тяжело было глазам, ушам, даже носу. Мешались запахи дорогих духов, пота, вяленого мяса, цветов, выпечки и сотни других вещей. Тэрн понял, что этот город не оставляет в его голове ни единой мысли.

— Пойдёмте, нам надо... — успел расслышать он, а потом слова Мизы потонули в местном гомоне.

— Куда?..

— Что ты сказал?

— Куда нам надо?!

— Я не слышу!

Он махнул рукой. Навстречу попалась компания местных девушек. Выглядели они ещё страшнее, чем Альни в первую встречу. Девушки обвели их взглядом и громко рассмеялись; две приветливо помахали Райку, одна послала Тэрну воздушный поцелуй. Оба они отшатнулись в одинаковом ужасе.

Они послушно брели за Мизой. Через несколько сумасшедших улиц Альни попрощалась (каким-то образом легко перекричав местный шум) и нырнула в один из переулков. Миза облегчённо вздохнула, Тэрна и Райка не хватило даже на это.

Всё было так тяжко, так непривычно. Их орден стоял посреди леса, он был исполнен тишины и покоя — Тэрн только сейчас смог оценить эту черту...

Это было просто смешно: в каждом месте он находил недостатки. Он говорил, что города слишком сонные — Завандр сонным не был. Завандр оказался слишком жестоким — в Дейнаре люди были весьма

приветливы. Ему не нравились однотонность и неэмоциональность Кивиша — что ж, этот город был... самым ужасным местом, что доводилось видеть Тэрну. Звуки, запахи, краски врывались в его голову, а маленькая попытка подумать окончательно её добила.

Прямо перед ними возвышалось огромное здание из розового мрамора, украшеннное красно-сине-коричневыми изображениями животных, справа был приземистый кирпичный домик, слева торчало маленькое, но высокое деревянное строение — если в Кивише нелегко было найти нужный дом потому, что все здания были одинаковыми, здесь это было почти невозможно, потому что нельзя было запомнить столько домов в совершенно разном стиле. Через некоторое время взгляд примелькается и не будешь обращать внимание ни на что. По крайней мере, Тэрн на это надеялся.

Наконец, Миза толкнула огромную золотую дверь и пропустила их внутрь. Здесь не было мешанины запахов и красок. Абсолютная тишина обрушилась лавиной.

— ОЙ, — сказал Тэрн и тут же смутился, потому что вышло ну очень громко.

Райк свысока взглянул на него, потом уточнил:

— А ГДЕ М... кхм. А где мы?

Миза счастливо вздохнула.

— Дома.

Она прошла по комнате и зажгла лампу:

— Раз так тихо, значит, никого сейчас нет. Давайте я покажу, где вы можете лечь, а сама дождусь родных.

— Спасибо.

Тэрн был полностью согласен с Райком:

— Спасибо... Слушай, а я и не знал, что у кивишского градоначальника есть апартаменты в Буйном Городе!

Миза покачала головой.

— Это мамин дом. Она атаман Эрнела.

Тишина вернулась к ним и на этот раз задержалась надолго.

— То есть... твой отец — глава Кивиша... а мать — атаман Эрнела?! — первым смог выдавить Тэрн. — Бешеная смесь!

— Пожалуй.

Миза проводила их наверх, открыла дверь одной из комнат. Тэрн увидел две кровати, какие-то рисунки и картины на стенах, но не стал

присматриваться.

— Тут жили мы с сестрой, когда были маленькими... Я бы предложила вам разные комнаты, но я давно не была здесь, и не знаю, может быть, там кто-то живёт...

Райк пожал плечами.

— Я привык спать в казармах, а выродок потерпит.

Тэрн криво ухмыльнулся. Он добрёл до постели и рухнул замертво. Сквозь дрёму он слышал, как Райк поблагодарил Мизу, как Миза поблагодарила Райка, как захлопнулась дверь и как его невольный сосед сел на вторую кровать.

Ощущение чего-то неправильного, медленно, но бесповоротно вывело Тэрна из дрёмы. Дошло: Райк сел на кровать, не лёг. И всё это время так и продолжал сидеть, очевидно, глядя на него. Сон окончательно расстаял. Тэрн повернулся и действительно увидел пристальный хладнокровный взгляд. Он хмуро посмотрел в ответ. Помолчали.

— Что теперь? Вернёшь меня в орден?

— А ты бы этого хотел? — Райк подождал ответа, но не услышал его. — В ордене поговаривали: ты просто любишь, чтобы за тобой бегали. Внимания не хватает. Потому и убегаешь постоянно.

Тэрн хотел ответить — очень хотел. Но дыхание перехватило, челюсти намертво сцепились, и он смог выдавить лишь кривую, неверящую ухмылку. Вот ведь как: знаешь, что человек неправ, знаешь, что это чушь, а даже возразить не можешь.

— ...Да и зачем тебя возвращать? Самый бесполезный человек на свете. Можно тебя убить, но ты и сам с этим справишься. Достаточно просто оставить тебя одного.

— Ха! Я легко выживу!

— Пока у тебя выходит паршиво. Почему думаешь, что дальше станет лучше?

Тэрн промолчал. Сил играть роли не было, а если вести себя честно, то Райк был прав. Кроме того, теперь ему был противопоказан ход в Айнер и Кивиш, в Завандре и здесь не хотелось быть самому, в Дейнаре тоже... оставалось лишь надеяться, что Релла станет ему домом, потому что больше податься было некуда.

— ...Что, думаешь, я твой злейший враг? Мальчишка! Нет, твой враг — холода. Через пару дней без куртки ты заболеешь, всего лишь

пройдя по лесу. Через пару недель — сдохнешь, если продолжишь ночевать в лесу. А ты продолжишь, потому что деваться тебе некуда. И когда ты заболеешь, бесплатно лечить в тебя никто не станет, а денег заработать тебе негде... Можно было бы здесь остаться, можно бы и куртку здесь прикупить, и на работу устроиться — но здесь ты не вынесешь. И нигде не вынесешь. Потому что ни в одном из городов Алиара ты никому! низачем! не нужен!..

Тэрн не выдержал и швырнул в него подушкой.

— Заткнись! Заткнись, заткнись, мать твою! Думаешь, я не знаю, что меня добьют холода?! Тебе-то не плевать?!

Голос его сорвался на истеричный визг, от которого самому стало тошно. Тэрн бы с удовольствием швырнул чем-то потяжелее подушки, но сил не было. Райк легонько перекинул подушку обратно и, наконец, улёгся на кровать.

— Именно. Мне плевать.

***

Проснулся Тэрн поздно. Некоторое время потребовалось, чтобы вспомнить, где он, потом — чтобы порадоваться тишине. Он встал, потянулся и, по орденской привычке, первым делом аккуратнейше заправил постель. На кровати Райка лежало что-то из его вещей: куртка, бурдюк с водой, кажется, кошелёк. Самое время было бы подхватить их и сбежать, но что бы это дало? Райк нагнал бы его в следующем городе и так до бесконечности. Лучше было решить проблему сейчас... так или иначе.

Тэрн потянулся и оглядел помещение. Ужасная, ужасная девчачья комната. Розовые стены, игрушки какие-то, детские рисунки на стенах — и тем удивительнее выглядела дорогая профессиональная картина среди них. Тэрн пригляделся.

Это был фамильный портрет. Две взрослых женщины, одна, наверное, мать или старшая сестра другой. Высокие и, кажется, красивые — под эрнельским гримом это тяжело было разглядеть. Рядом с ними стояло несколько детей одного возраста: Миза (единственное не кричащее пятно на картине), девушка в красно-синей рубашке, видимо, её эрнельская сестра, и... и... и... брат Анда?!

От неожиданности Тэрн плюхнулся обратно на кровать. Нет, это точно был он. Те же черты, та же поза, то же нервное выражение лица... художник явно был талантлив.

Тэрн встряхнулся и с новыми силами поспешил вниз. Миза сидела в кресле, обхватив колени руками. Тэрн остановился:

— Всё в порядке?

— Да. Я просто люблю так сидеть. В Кивише не разрешают «занимать неественное положение».

— О... ясно. Твоя мама вернулась?

— Да, и бабушка тоже. Они спят после вчерашнего. Странно, что вы их не слышали.

Тэрн плюхнулся в соседнее кресло:

— Я и Повелителя Мечей бы не услышал.

— Поверь мне, он был бы тише. Сказать, чтобы тебе приготовили ванную? Слуги уже проснулись.

— Отличная идея! Спасибо. Нет, то есть, давай чуть позже, — мысли путались спросонья. — Расскажи мне о своей семье? Я видел картину наверху...

Миза невольно улыбнулась.

— Да, картина. Бабушка, сестрёнка, мамочка, брат... Как давно мы так не собирались! Тинзи уже замужем, брат уехал... А что ты хочешь услышать?

Тэрн хмыкнул:

— Что-что! А то не знаешь, что любой спросит. Как твои родители сошлись?

— А... — улыбка Мизы померкла. — Это было, когда Кивиш и Эрнел пытались наладить отношения... Им необходима торговля друг с другом, но они настолько разные, что...

— Знаю я, — перебил Тэрн. — Они заключают торговый договор, пару месяцев меняются товарами, потом ссорятся и чуть не воюют. Через несколько поколений пробуют снова.

— Да, именно так! — Миза посмеялась точности описания, но когда продолжила рассказывать, лицо её снова стало мрачным. — И в один такой раз отец приехал сюда с посольством. И... папа очень красивый мужчина — в Кивише этому не придают значения, а здесь-то правят чувства... Маме он сразу понравился. И после переговоров его затащили на праздник в честь установления отношений... Сказали, что без этого договор недействителен...

Она замолчала на самом интересном месте.

— И-и-и?

— А в Эренеле праздники — это... нечто невероятное. Здесь почти каждый вечер так, но в дни гулянья город и вовсе сходит с ума...

Тэрн вздрогнул. Ещё сильнее, чем обычно?! Или вчера как раз был праздник?

Миза снова замолчала, и он заёрзал в кресле. Тэрн чувствовал себя, как любопытная барышня, но ничего не мог с этим поделать.

— Дальше-то что?!

— Дальше его напоили... и... и-и... через девять месяцев появились мы с сестрой.

Тут стало ясно, чего Миза так тянула. Видно было, что она стесняется своего происхождения.

— В Кивише нет алкоголя, это было несложно... Как ты правильно заметил, долго наши города друг друга не выносят. Папа пытался сначала быть правильным отцом, они даже поженились, но... к нашему рождению уже друг друга ненавидели. Повезло, что нас было двое. Тинзи осталась здесь, а меня забрал отец. Иногда нас отпускали погостить друг к другу... но редко, папе не нравилось, какая я возвращалась, да и Тинзириника портила ему репутацию...

Она замолчала, вспоминая. Тэрн встряхнулся:

— Погоди, но откуда на картине Анда?!

— Кто?.. А! Ты знаешь Хэггардима? Вы встречались в Айнере, да? Он... — Миза покраснела. — Он мой... брат. Мы... поэтому... с отцом были в Священном Городе.

Тэрн почесал в затылке:

— Так у твоей мамы была не двойня, а тройня?

Миза покраснела ещё сильнее.

— Хэггард не сын мамы. Он... сын... бабушки.

Тэрн присвистнул.

— И у неё не двойня... Тинзи — дочь маминой сестры... просто она умерла вскоре после родов, намешала слишком много... и когда нас стали делить, Тинзи уже считали маминой дочкой...

— Слу-ушай, — перебил Тэрн. — Да твой отец — молодец мужик, а!

Миза снова покраснела. Это было не обычное смущение человека, которому приходится сообщать о себе что-то неприятное, а сильнейший скрытый стыд: рассказ едва не доводил её до слёз и она всячески меняла темы. Тэрн понимал это и чувствовал, что не стоит

расспрашивать, но ему было любопытно и он убедил себя, что ему просто показалось.

— Папа никогда раньше не пил. Но... Хэггарду, конечно, было сложнее всех. Отцу был нужен наследник, а бабушка с мамой... не знаю, наверное, у них были свои причины. Хотя иногда мне кажется, что они просто слишком злились на отца, чтобы хоть в чём-то ему уступить...

— Понятно... И что случилось?

— Они так и не смогли его поделить. Ему пришлось жить по три месяца там и там... это было так сложно для него. Отец требовал одного, мама с бабушкой другого...

— И в итоге он сбежал в Айнер?

— Да... ему тогда было двенадцать. Имя он поменял уже позже, когда окончательно присоединился к храму.

Тэрн кивнул, хотя уже почти не слушал. Он хорошо помнил Анду и Юня, гораздо лучше, чем многих, встреченных в пути. И хотя он возмущался тем, как Юнь прикрывается знаками Творца, он всё равно уважал его. К Анде же... относился довольно снисходительно. Нервный, дёрганный парнишка, чуть что, бросается в панику. Сейчас Тэрн понимал, что выдержка Анды была просто изумительной. Человек, которому приходилось то выносить шум Эрнела, то соблюдать правила Кивиша, должен был просто сойти с ума.

А ещё он понимал, что у них было много общего и им точно нашлось бы о чём поговорить — и что он заметил бы это сразу, если бы побеседовал с Андой хоть пять минут. Но теперь дорога в Айнер была закрыта.

— Анда... Хэггард сюда приезжает?

Миза снова улыбнулась воспоминаниям.

— Всегда, когда у него есть время. Он ненавидит Эрнел и Кивиш. Зато любит нас.

Тэрн кивнул.

— Я так и понял. Можешь кое-что ему передать? Я, кажется, его не увижу.

— Конечно.

— Скажи ему, что... брат Тарк просит у него прощения. И благодарит его за всё. И желает удачи...

На лице Мизы мелькнула весёлая улыбка, но она мгновенно подавила её. Потом, видимо, вспомнила, что здесь не нужно скрывать чувства — но улыбка уже была потеряна.

— Хорошо, я передам.

Они помолчали.

— Хех. Выходит, Анду зовут Хэггардимом, твою сестру — Тинзириника... А тебя как? Мизаиреута? Мизаликарулла?

Она покачала головой.

— Просто Миза: мне имя давал отец.

Девушка помолчала, но видно было, что ей очень хочется что-то сказать, — и вскоре она не выдержала:

— Знаешь, Тарк, вы можете спорить сколько угодно, но вы с Райком всё-таки очень похожи.

— Чего? — вспыхнул Тэрн. И подумал, какой же Райк придурок, если представился настоящим именем.

— Когда он уходил из Эрнела, тоже просил передать его слова. Я ещё подумала, он ведь только что тебя видел, чего было самому не сказать?.. Так смешно. Я понимаю: вы стесняетесь. Но зря! Это не то, чего...

— Бред! Он ни за что бы не ушёл без меня!

Глаза Мизы округлились.

— Это было за пять минут до того, как ты спустился... Ты не знал?! Я была уверена, что ты поэтому и проснулся!.. Прости... Он сказал, что попрощался с тобой, я не знала... я была уверена... я...

Тэрн встряхнул головой.

— Миза, это чушь. Там половина его вещей.

— Он оставил их тебе... Он сказал, что они ему больше не понадобятся, потому что он возвращается домой, а тебе до своего дома идти ещё долго... Он... говорил, что обещал о тебе заботиться... и желал тебе найти свой путь... Он просил, чтобы ты берёг себя...

Кажется, весь мир вдруг свернулся в спираль. А когда распрямился, то был уже совершенно иным.

5.2. Эрнел: Конец поисков

Ах, как же хочется начать мир сначала!
Чтобы он был красивым,
весёлым и изобильным!
Ничего бы не пожалела...
«Тургор»

Все мои знакомые говорят, что я отношусь к своей работе слишком серьёзно. Вам тоже может так показаться: я трачу на неё всё своё время, всегда стараюсь улучшить, усовершенствовать, исправить ошибки...

Как бы я хотел, чтобы этого было достаточно.

Да, я знаю, что только встал на этот путь. Знаю, что ни один скульптор не создал шедевр, впервые взявшись за инструменты. Искусство, мастерство требуют большого количества попыток... но каждая моя ошибка остаётся на сердце ноющим рубцом.

Ошибки скульптора никогда не приносят другим столько горя.

Мне говорили: «Дениел, ты выдумываешь. Ден, мой первый мир не прожил и миллисекунды. Денни, ты не представляешь, как у тебя хорошо выходит!» Но я хотел не этого.

Я хотел, чтобы моим созданиям не было больно.

В Акватрии, моём первом мире, было множество озёр, рек и водопадов — издалека она смотрелась как огромный голубой шар, и поверьте мне, он был прекрасен. Вскоре её окончательно затопило, и большинство животных погибло, что уж говорить о людях.

В Эндере было множество гор. Разумеется, были и вулканы, но они должны были спать... Я не знаю, как так произошло, что в один из дней начали работать они все.

В Аймосе по-прежнему идёт непрерывная война. Сколько раз я пытался остановить её!.. Но всё было бесполезно...

И тогда я задался целью: создать самый стабильный мир.

Такой, в котором не будет войн и голода, ненависти и злобы, природных катаклизмов — мир, в котором люди смогут быть счастливы просто так. Мир, гармоничный настолько, что просто не сможет разрушиться.

Я сотворил его своей душой и расписал своей кровью. Как я гордился им, как я любил его!.. Я назвал его Алиар.

Он — моя самая большая ошибка.

***

Ты нужна мне —

Ну что ещё?

Ты нужна мне —

Это всё, что мне отпущено знать.

Аквариум

Джон поворошил поленья. Было уже слишком холодно, чтобы ночевать без костра. Ещё немного, и проводить дни в дороге будет уж совсем неуютно. Кине, по крайней мере. О чём она только думает?

Джон покосился на неё: Кина ни о чём не думала. Кина спала.

Ему, наверное, тоже следовало бы. Сторожить не имело смысла: после стольких лет тренировки он проснулся бы задолго до того, как любая угроза смогла бы осуществиться. Но спалось в последние дни плохо. Непривычно: Джон всегда засыпал легко, потому что все события жизни оставляли его равнодушным, а стало быть, не вертелись в голове перед сном. Но всё перестало быть как всегда или, по крайней мере, порывалось перестать. И это было бы неплохо, если бы произошло с другим человеком; было бы неплохо, если бы произошло даже с ним. Но немного раньше. Не сейчас.

Джон прикрыл глаза.

Людям свойственно мечтать, составлять планы жизни — и не пытаться исполнить их, приводя в оправдание сотни причин. Но главное, что таких планов, сказочных сценариев, у человека обычно несколько. То девушка мечтает выйти замуж и прожить тихую, спокойную жизнь, то представляет себя знаменитостью в самом центре событий. Мальчишка хочет стать великим воином, но вдруг видит себя учёным или художником...

Джон и вправду мечтал о семье и доме. Это была та мысль, которая грела по ночам. Что вот если бы он не, что если бы только мог, что если не должен был бы — то сейчас рядом с ним лежала бы его законная супруга, с которой он собирался бы разделить ближайшие лет так семьдесят, а на утро его разбудили бы их дети и... И что уж скрывать, дети были похожи на Кину не меньше, чем на него.

Это была хорошая мечта, и она вполне могла бы исполниться. Долг — это лишь то, что ты сам на себя навесил, и ты всегда можешь сбросить его... Джон видел, что стоило бы ему проявить интерес к Кине — она откликнулась бы мгновенно, и с этой стороны никаких проблем бы не было.

Но была у него и другая мечта — та, ради исполнения которой он трудился столько лет и которой почти достиг. И проблема была как раз в том, что две этих цели намертво перечёркивали друг друга. И если он планировал пройти выбранный путь до конца, то надо было ссадить Кину в ближайшем городе и не морочить ей голову.

Подумать только, если бы этот урод не забрал его амулет, он бы... он бы никогда не встретил Кину. Наиболее вероятно, что он и вовсе был бы уже мёртв.

Джон посмотрел на небо. Ярко-красным пятном горел Эндер: наверное, там опять изливались вулканы. Большой голубой точкой светилась Акватрия, рядом с ней пылал Аймос. Джон знал, что если соединить их линиями на карте звёздного неба, то выйдет равносторонний треугольник. Это сложно было заметить: другие миры Дэйниэла сияли вокруг не менее ярко, но эти три были предтечами, существовали задолго до Алиара. Они должны были пребывать на таком расстоянии ещё месяц, а потом... станет поздно. В следующий раз подобное повторится не раньше, чем через пятьсот лет.

Джон ударил кулаком в землю. Как так?! Он треть жизни проводил расчёты, он лично добыл все элементы и сам отлил этот амулет! Ему пришлось выучить астрономию, картографию, кузнечное дело, он годами не выходил из библиотеки! И всё лишь для того, чтобы какой-то гад увёл результат у него из-под носа! Да зачем, зачем он ему?! Он же не знает, как его использовать, да и не сможет использовать его без Джона, а выглядит амулет совершенно невзрачно...

Джон покачал головой. Мало что выводило его из равновесия. Но ублюдка хотелось убить как можно более жестоко.

***

Позови меня, брат...
Позови меня утренним холодом,
Я услышу тебя через тысячу прожитых лет!

Тэм Гринхилл

Шепотки вокруг всё не смолкали, а толпа за спиной росла и росла. Райк старался не обращать внимания — не выдержал уже у самого кабинета наставника. Он остановился, медленно обернулся. Внимательно посмотрел на ребят.

Взгляд его в этот момент был уж совсем тяжёлым, а челюсти сжаты даже крепче обычного. Он так ничего и не сказал, но толпа мгновенно рассосалась. Райк глубоко вдохнул и наконец вошёл внутрь.

— Наставник Лорм, я вернулся и готов принять любое наказание.

Голова его была виновато опущена, но в глазах горела уверенность в своей правоте. Наставник приподнялся в кресле и сонно заморгал.

— Райк! Хорошо, хорошо, молодец. Как ты вовремя! — он зевнул. — Представляешь, новички наши совсем от рук отбились! Никого не слушают! «Герой сбежал, зачем нам теперь тренироваться, мы обречены...» Займёшься ими? Ты ведь даже Тэрна мог заставить учиться.

Райк вскинул глаза.

— Наставник Лорм! Меня не было столько времени... И это всё, что вы хотите сказать?!

— Ну... я тоже по тебе скучал, ученик мой?

Райк вспыхнул.

— Вы приказали проследить, куда пошёл Тэрн, и немедленно вернуться. Вы сказали, что разыщет его другой человек, сказали, чтобы я не смел отправляться за ним… — Райк выдохнул. — О. Спасибо за понимание.

Они некоторое время помолчали. Наставник снова зевнул — Райк вломился к нему, не разбирая времени, — и настойчиво посоветовал:

— Ты ложись спать, устал ведь с дороги. Или голоден? Разбуди повара, скажи, что я приказал тебя накормить…

Райк помотал головой. Он сделал шаг назад и уже взялся за ручку двери, но не выдержал.

— Наставник, а воин, которого вы отправили за Тэрном… он очень опасен?

Наставник Лорм оживился.

— Ты и не представляешь насколько! Это жестокий и беспринципный человек. У него огромные связи! Он стреляет лучше

любого из живущих, сражается, как сам Повелитель Мечей, и существует только в моей голове.

Обеспокоенно слушавший Райк уставился на него.

— Что вы сказали?..

— Я пошутил, Райк. Просто хотел быть уверен, что ты пойдёшь за Тэрном. А то как он там один… он же такой запутавшийся… никому не верит, всё время пытается искать правду… не понимая, что именно её ему и говорят…

— И вы не собираетесь возвращать его в орден?

— Дэйниэл Святый, да зачем? От Пророчества не уйдёшь. Побегает и придёт обратно — или сам разберётся. А что? И такое бывало, вспомни двадцать четвёртый Виток!

Наставник отвернулся к стене и снова зевнул, прикрывая рот ладонью. Райк помолчал.

— А почему вы решили, что я пойду за -м? Я же его терпеть не мог. Мы всё время ссорились!

— Серьёзно?.. А я и не заметил.

Наставник подмигнул. Райк не нашёл, что ответить, лишь низко поклонился и вышел из кабинета.

***

Эрнел обрушился на голову криками, шумом и ярчайшим светом.

— А может, не поедем сюда? — прокричала Кина. — Здесь и день не проживёшь! Вряд ли кто-то сможет здесь прятаться!

— Как раз поэтому здесь и хорошо прятаться!

Они неторопливо ехали по главной улице, и даже Мраку было не по себе.

Это был удивительный конь. Кина любила животных и быстро привязывалась к ним — но сложно любить того, кому настолько плевать на тебя. Пасся конь или вёз телегу, гладили его или били, хвалили или понукали — он оставался столь же безразличен к происходящему. Поэтому и относилась Кина к нему, как к декорации: к телеге или опустевшим уже бочкам из-под яблок. Мрак, впрочем, воспринимал её так же.

Телега резко остановилась, и Джон спрыгнул рядом с одним из рыночных лотков. На прилавке лежали кольца, еда, оружие, бижутерия, тарелки, книги... Джон взял в руки один из амулетов. Это был типичный айнерский приз победителя состязаний: круглая

серебряная пластина с вычурным рисунком спереди и гравировкой сзади. Джон немного подержал его в руке, взял ещё один такой же, качнул головой, положил всё на прилавок, спросил что-то у торговца и залез обратно.

— Зачем тебе амулет Священного Города?

Джон помотал головой:

— Они были похожи на кое-что.

Он остановился у гостиницы и снова пошёл договариваться. Кина вздохнула. Что, если Джон и вправду найдёт здесь того, кого ищет? Что тогда? Их путешествие подойдёт к концу и они разойдутся? Или, наоборот, он покончит с делами и наконец обратит внимание на неё?..

Из гостиницы вышел слуга и, весело улыбаясь и поглядывая на Кину, отвёл Мрака в стойло. Конь так же безразлично пошёл за ним. Кина проводила их взглядом и проследовала внутрь. В гостинице было много поситетелей, все они гомонили и смеялись, но это было не сравнить с эрнельской улицой, и Кина глубоко вздохнула, вдыхая, казалось, саму эту почти-тишину.

Джон окинул её равнодушным взглядом и кивнул, показывая, что заметил её присутствие.

— Я как раз закончил. Вот ключи. Устраивайся, я пойду поговорю с местной атаманш...

Они посторонились, потому что к хозяйке гостинице подошёл невероятно самодовольный монах.

— Что, Барли, мою любимую комнату ещё не заняли? Я тут подзадержусь, знаешь ли...

Он увидел Джона и побелел. Джон так же молча смотрел в ответ. Казалось, они были настолько потрясены присутствием друг друга, что не могли испытывать гнев, раздражение или даже изумление, лишь пытались осознать это событие. Как ни удивительно, монах пришёл в себя первым — и опрометью кинулся к выходу. Джон, расталкивая людей, помчался за ним. Кина не успела опомниться, а они уже скрылись из глаз. Она подумала, не нужно ли помочь, но решила, что Джон разберётся сам.

Хозяйка гостиницы востроженно захлопала глазами.

— Погоня! Пого-оня! Как здорово! Будет, что рассказать посетителям!

В голове Кины щёлкнуло.

— А мне вы можете что-нибудь рассказать?

— Конечно! Ваш муж уже заказал ужин. Подать?

Кина хотела поправить её, но увидела, как хозяйка сразу же навострила уши: что скажет, муж? брат? просто любовник?! — становиться предметом местных сплетен не хотелось, и Кина лишь кивнула:

— Подайте. Что это был за монах? Ничего, что Джон за ним погнался? Проблем со стражниками не возникнет?

Женщина вытаращила глаза:

— Это же не Кивиш, откуда у нас стражники!

Вскоре Кина уплетала ужин и слушала биографию этого монаха — вперемешку с историей города, рассуждениями о современной моде и воспоминаниями о муже хозяйки. Звали монаха отец Ульа, в Айнере он был крупной шишкой. Хотя выглядел он моложаво, на самом деле, у него уже были сын и даже внук.... Тут-то Кина по-настоящему удивилась. Святым отцам и братьям запрещалось заводить семью, и, хотя по стремительной карьере многих братьев было видно, что у них есть родственники наверху (да это особо и не скрывалось), о семейных связях обычно не говорили. Видно, эта женщина и вправду знала многое.

— А как ему удалось стать настоятелем Холодного Храма? У него что, тоже отец из Айнера?

Барли махнула рукой:

— Нет, что ты. Ульа как раз всего добивался сам. Ты разве не знаешь? Это ведь он придумал Состязания Веры. Ещё братом. Вот тогда его карьера прямо взлетела!

— Понятно.

Кина замолчала: и к монахам, и к Состязаниям она с последнего времени относилась весьма настороженно... особенно к высокопоставленным монахам. Оставалось лишь надеяться, что Джон, если и встрянет в проблемы, легко из них выпутается.

***

Мы будем драться на земле,
Под солнцем и в кромешной мгле,
Враг — словно призрак без лица...
Мы будем драться до конца!

Ария

— Надеюсь, за годы в храме ты не разучился молиться?

Ульа исподлобья глядел на него:

— Ты можешь сделать со мной что угодно, но ты никогда не найдёшь его!

Из себялюбивого лицемерного монашка он вдруг превратился в борца за веру, и было видно, что даже пытки не заставят его признаться. Джон сцепил зубы.

— Вот ублюдок... Создать полсотни копий моего амулета и раздавать их как призы... как призы за *веру!* Дурак! Ты хоть знаешь, какая сила в нём сокрыта?!

Монах фанатично улыбнулся.

— Знаю! И ты никогда не получишь её. Тебе не найти амулет. Мой мир спасён! — выкрикнул он и зажмурился.

— Кажется, уже нашёл.

Джон задумчиво смотрел в стену. Это было так... логично. Так очевидно. Как он не понял сразу?

— Ты уверен, что его силы хватит захватить мир... Ты не доверил бы такую мощь обычному монаху... Ты никому бы её не доверил. И ты знал, что я буду искать тебя... Жаль, что не знал другого: если амулет не использовать, через месяц энергии накопится столько, что носящего его разорвёт на куски.

Ульа стал столь белого цвета, что было очевидно: ему стало страшнее раза в три. Джон кивнул своим мыслям.

— Да... как я и думал... ты мог доверить амулет только своему сыну. Что ж, радуйся. Потому что ты своими руками его убил.

***

— Кина, мы уезжаем. Хозяйка, соберите нам еды на два дня.

Кина вскинула голову, но прежде, чем она успела что-либо сказать, Джон за руку вытащил её к конюшне. Он быстро рассчитался с хозяйкой, и вскоре они уже ехали по дороге на Айнер.

— Это и был тот, кого ты искал? — наконец нарушила молчание Кина. — Надеюсь, ты его убил?..

— Откуда такая кровожадность?

Она поморщилась.

— Мне рассказали, кто его сын. Брат Елло! Он сейчас настоятель завандрского монастыря... козёл.

Джон уставился на неё.

— Он в Завандре?!

— Был там, когда я убегала... собственно, из-за него и пришлось бежать...

Джон резко остановил Мрака. Благо, дорога была достаточно широкой и, пусть с трудом, ему удалось развернуть коня.

— Ой. Погоди! Погоди, ты что! Куда? Мне нельзя в Завандр!

— Почему?

— Меня ищут все стражники и бандиты!

— Зачем?

— Да всё из-за него же, из-за этого ублюдка!

— Что ты сделала?

Кина промолчала.

— Хорошо. Что ты **не** сделала?

Сквозь безразличие на лице Джона можно было различить насмешку. Кина обиженнно насупилась, но вскоре не выдержала:

— Что-что! Сам знаешь. Нет, ну ты представляешь?! Он ко мне приставал! А ещё святой отец! А когда я отказала, натравил на меня и бандитов, и стражников! Ты знаешь, какие связи у этих монахов?! Мне туда нельзя!

Джон кивнул.

— Разберёмся.

5.3. Дейнар: Заслуженная передышка.

Кина наотрез отказалась оставаться в гостинице: о её прибытии стало бы известно сразу же и вскоре явились бы гости, с которыми бы она ни за что не справилась сама... Так что они сразу поехали к монастырю. Телегу оставили невдалеке (так, на всякий случай) и к стенам подошли пешком.

Внутрь их пустили без проблем. Дальше стало сложнее.

— Мне необходимо поговорить с настоятелем монастыря. Я хотел бы покаяться и внести пожертвование...

Монах окинул его цепким взглядом. Было видно, что он привык определять количество монет в чужих карманах до последнего золотого.

— Для этого не нужен настоятель. Вы можете пожертвовать их мне...

— Это большая сумма. Думаю, хватит на постройку нового храма...

Монах недоверчиво хмыкнул.

— Вы не выглядите тем, у кого столько денег, — честно признался он и отвернулся.

— У нас есть веские причины для встречи с настоятелем, — сказала Кина и вручила монаху двадцать золотых. Это была крупная сумма, но Завандр всегда оставался дорогим городом.

Монах посмотрел на деньги с большим сомнением, но, видимо, решил, что это не слишком уж мало, и заявил:

— Сейчас отведу вас к брату постарше.

Он повёл их за собой. Джон прошептал:

— Спасибо. Давно сюда не заглядывал, отвык.

Им пришлось раскошелиться ещё трижды, прежде чем их подпустили к апартаментам настоятеля.

— А вот дальше я, пожалуй, не пойду... — пробормотала Кина.

Джон покосился на неё.

— ...Что? Здесь уже безопасно, а... а я не хочу мешать разговору.

— Да, ты права.

Едва Джон договорил, дверь распахнулась. Из комнаты стремительно вылетел сам брат Елло. Он явно собирался отчитать своих монахов за какую-то оплошность, но замер на полпути и уставился на Кину. Она постаралась улыбнуться как можно невиннее, но почувствовала, что улыбка вышла очень глупой.

— Ты! ты! воровка!

— Да-а-а... я вот... извиниться пришла!

Монах с недоверием уставился на неё. Потом повелительно протянул руку.

— Верни мне мой амулет!

Видно было, что он не допускал и возможности отказа. И вправду, при таком количество монахов это было бы самоубийством. Кина вздохнула и потянулась к воротнику рубашки.

— Вернуть тебе что?! — воскликнул Джон непривычно живо.

— Не ваше дело, — презрительно откликнулся брат Елло. — Как вы вообще здесь оказались?

Кина высвободила амулет, но Джон выхватил его из рук. Он пригляделся повнимательнее и засмеялся. Кина поёжилась: творилось что-то странное и завандрское чутьё подсказывало ей, что скоро здесь станет жарко.

— Это Приз Победителя Сотязаний! — воскликнул брат Елло. — Вы не имеете на него права!

— Как и ты, — насмешливо откликнулся Джон. — Монахи не участвуют в Состязаниях.

— Это не ваше дело! Вы отправитесь на рудники за воровство!

— Это не воровство! — откликнулась Кина. — Это твоя плата за то, что ты вёл себя, как подонок...

И она спряталась за спину Джона. Большое круглое лицо брата Елло налилось краской. Джон жутковато улыбнулся. Бойня должна была начаться через секунду.

Помешал шум у входа. В зал ввалился запыхавшийся, едва дышащий после дикого бега отец Ульа, а с ним трое очень крупных наёмников.

— Схватите... его, — просипел отец Ульа. — Это... еретик!..

Монахи и наёмники бросились к Джону. Он отступил, закрывая спиной Кину и выхватил мечи: благо, в Завандре нигде и никогда не предлагали сдать оружие. Один из монахов выхватил кинжал, но

взглянул на него, потом на мечи Джона и рассудительно уступил дорогу наёмникам.

Через секунду первый из них растянулся на полу, а кровь фонтаном рванула вверх. Остальные, какими бы обученными они ни были, вскоре присоединились к нему.

Воцарилась тишина.

— Мы уходим, — оповестил всех Джон. — Кто-нибудь хочет помешать?

Монахи покосились на трупы. Страшно было не то, что столь сильных воинов убил один человек, — то, что они *ничего* не успели ничего сделать.

Толпа расступилась. Даже недовольный и очень бледный Ульа был вынужден отойти к стене.

Джон легонько подтолкнул Кину к выходу, и она заторопилась вперёд. Слева и справа были злые, хмурые, напуганные лица, и она лишь гадала, бросится кто-нибудь на них или не посмеют. Пока тишину нарушали лишь их шаги.

Завандрская привычка заставила её пригнуться, когда свист только раздался за спиной. Но оборвался звук не так, как должен был: нож не воткнулся во что-то и не просвистел над головой.

Джон держал кинжал за рукоять, и Кина уже представила, как он кинет его обратно и попадёт прямо в горло. Картинка была столь яркой и столь логичной — белый, мелко трясущийся Елло тоже её видел.

— Глупо... — укоризненно вздохнул Джон и перебросил кинжал отцу Улье.

Больше им никто не мешал.

***

Так и теряют души:

их выпускают из рук во сне.

Души — они ведь тяжёлые.

«Тургор»

До этого момента Тэрн и не понимал, что значит — остаться одному. Когда его бросили в ордене, рядом всегда был Райк: первое время он и вовсе не отходил от него, — да и другие ребята вместе с наставником всегда интересовались его жизнью. Теперь же идти было некуда... не к кому… незачем.

Он шатался по разным городам, был даже в Завандре, был почти везде — в Реллу только не добрался. Слишком страшным оказался мир за стенами ордена, слишком непохожим на его мечты — и пока он не видел этот последний город, то мог убеждать себя, что там всё в порядке, что это как раз то место, которое он всегда представлял, что этот мир не так уж и безнадёжен, что есть смысл жить дальше. Оказывается, ему вера была нужна не меньше, чем айнерцам…

А города вокруг становились всё ужаснее с каждым разом.

Безумие Эрнела стало ещё более пугающим. Когда Тэрн был там, половина домов была порушена, и на его глазах жители выбивали стёкла в очередном здании. Он спросил, чем недовольны горожане, и получил ответ: они просто развлекаются. Музыка, слова, взгляды были по-прежнему весёлыми, но почему-то стали казаться болезненными, будто смех сумасшедшего. Тэрн уже уходил, когда к нему привязался странный парень с ненормально большими зрачками и стал настойчиво предлагать какое-то «лекарство от тоски» — Тэрн так и не понял, что он имеет в виду…

В Дейнаре жители не вставали уже и в полдень. Они проводили на ногах всего несколько часов, после чего снова ложились спать. Да и что им было делать: собранного за осень урожая вполне хватало, вода была, а больше их ничего и не интересовало. Прекратились и праздники, и ярмарки, и театральные представления…

Набожность в Айнере достигла необычайных размеров. Тэрн зашёл извиниться перед Андой, надеялся, если спрячется под плащом и покинет город в тот же день, то ничего не случится, но… скрываться не потребовалось. Монахи, жители города стояли на коленях в храмах, да и просто на площади и молились, молились, молились… Тэрн ждал час, два, но повторение одних и тех же молитв так и не прекращалось. Было уже интересно, сколько выдержат сами жители, но он привлекал слишком много внимания, праздно шатаясь по городу, а присоединиться к этому цирку не мог.

В Завандре он и часа не пробыл: жители уже не скрывали злобу, так что драки вспыхивали и вовсе без причин. Тэрн увидел несколько, едва войдя в город, а в одной успел даже поучаствовать. Какой-то мужик задал традиционный вопрос о кошельке и жизни, Тэрн приложил его о ближайшую стену, но не стал дожидаться продолжения — ушёл обратно в лес...

Во всех городах чувствовался надрыв — тот, после которого уже не склеишь, не починишь. Будто что-то копилось, копилось, а теперь превысило какую-то меру и понеслось со скоростью беспредельной и неумолимой…

Но хуже всего было не это — Тэрн чувствовал, что его всё меньше беспокоит происходящее; что и его чувства, разум, душа, в конце концов, отмирают точно так же, как у всех жителей этого мира. Когда он покинул орден, какое-то внутреннее чувство подсказывало ему: с миром что-то не так — но он не верил этому голосу, не понимал, почему его так ранит «неправильность» каждого города. Теперь он абсолютно точно знал, что с Алиаром творится нечто плохое, но не мог заставить себя предпринять что-то, даже почувствовать что-либо по этому поводу.

Может быть, стоило сходить в Кивиш. Скорее всего, его бы казнили, но лучше так, чем гнить заживо. А если б выжил, погоня, драка — всё это помогло бы ему проснуться...

Может быть, стоило вернуться в орден. Там было плохо, невыносимо неправильно — но хоть как-то. Может, именно эта ненависть и позволяла ему держаться столько лет?..

«Завтра же, завтра же пойду в Реллу, — сказал он себе. — Так жить нельзя».

И, разумеется, никуда не пошёл.

***

Как сияет это солнце!
Как спокойно это море!
Улыбнись и не грусти:
В этом мире быть не может
Ни беды, ни зла, ни горя...
Боже мой, не допусти!..
Мюзикл «Монте-Кристо»

Это было слишком странно, слишком неожиданно и слишком, недопустимо прекрасно. Они же столько времени проводили вместе и ничего, никакого намёка! И вдруг... Джон сразу же, без каких-либо ухаживаний или признаний в любви предложил ей выйти за него замуж. И она согласилась, потому что... потому что... это нельзя было понять, просто отказать было немыслимо, противоположно всей её сути.

Они обвенчались в тот же день. Сняли небольшой домик у дейнарского мэра, но Джон сказал, что не хочет жить здесь, — хочет построить дом в лесу неподалёку, чтобы и до людей можно было дойти, если понадобится, и они не тревожили лишний раз. Кина не возражала. У неё и мысли не промелькнуло, что в лесу дикие звери, что без людей будет скучно. Ей казалось, главный вопрос её жизни решён: она нашла человека, с которым могла проводить каждый день всей своей жизни и при этом не возненавидеть его. Это была не любовь, как её описывают в романах (которые, кстати, она терпеть не могла), просто ощущение, что всё вдруг стало правильно, она нашла ту дорогу, что была предназначена именно для неё, — а раз так, то неважно было, что она выберет, потому что ничего плохого здесь случиться не могло...

И как тут было не поверить в волю Творца, когда мир вдруг стал столь совершенен и прекрасен? Когда всё, что она считала ошибками и проблемами, выходило лишь подготовкой к этому счастью? Действительно: если бы она не сбежала из дома, то не попала бы в Завандр, если бы не украла амулет, то не поссорилась бы с бандой, если бы не убежала от бывших коллег, не встретила бы Джона...

Но переезд всё откладывался. Джон был одержим идеей построить дом своими руками, и Кина не могла отрицать, выходило у него неожиданно хорошо. Но медленно. Он выкупил у дейнарского мэра недостроенное здание (по сути, один лишь фундамент, там должен был быть дом лесника, но единственный человек, согласный на эту работу умер, а остальным было слишком лень — типично для Дейнара); но дальше Джон планировал сделать всё сам. Кина предлагала нанять кого-нибудь в помощь, но Джон неожиданно оказался крайне недоверчив ко всем, кроме неё. А когда она сама пыталась помочь — получала отповедь о том, что женщина не должна заниматься стройкой, и пусть уже не лезет в мужские дела, а лучше учится готовить, шить, убираться... книги, в конце концов, читает. С одной стороны, это было очень непривычно, с другой — приятно, когда о тебе заботятся. Но Кина выросла в деревне и готовить-шить-убираться умела отлично. Так что она лишь читала, благо в дейнарской библиотеке книги взять было легко, общалась с людьми, возилась по дому — отдыхала.

В принципе, всё было хорошо.

Лишь одно беспокоило Кину: этот странный амулет Джона. Он потратил столько времени на его поиски, значит, это было что-то важное. Так как он собирается его применить? Что это такое? Зачем он нужен?.. Поведение Джона спокойствия не добавляло: он ни на минуту не расставался с этим амулетом, а иногда и вовсе мог часами сидеть и мрачно смотреть на него…

Джон был из ордена. Это значило, что едва начнётся очередной Виток Извечной войны, он должен будет бросить семью и поступить в полное распоряжение своих наставников, пока Повелитель Мечей не будет повержен. Это уже не беспокоило, а пугало. О близости очередного Витка говорили последние лет десять, но ни время его начала, ни суть никогда нельзя было предсказать точно. В прошлый раз Повелитель Мечей наслал чуму. В позапрошлый — пытался захватить мир с помощью демонов из мира Эндер. До того была засуха, раньше — война между всеми городами, ещё раньше — безумие домашних животных, и так до бесконечности. Можно было говорить, что беды Алиара не связаны ни с каким бессмертным существом, но любая из них прекращалась, стоило лишь убить Повелителя Мечей. Одержимый ненавистью и жаждой власти, он тысячелетиями не оставлял алиарцев в покое. Виток мог длиться год, а мог затянуться на десятки лет, мог забрать с собой жизни половины Алиара, а мог пощадить всех…

А Джон строил дом, выбирал имена детям — и всё он делал с такой спокойной уверенностью, с такой верой в их будущее, что опасения Кины ослабевали. В конце концов, он же из ордена. Ему же виднее… А Джон клялся, что Виток их семья не застанет.

***

Кина перехватила дочитанные книги поудобнее и прошла ещё несколько залов библиотеки. Наконец, она увидела то, что искала: из-за угла торчал длинный вязаный чулок. Кина подобрала его и пошла вперёд, по дороге сматывая в клубок. Она прошла по коридору, поднялась на второй этаж, прошла ещё несколько залов, пока не увидела старушку со спицами.

Причилла когда-то была главным библиотекарем Дейнара и временами по старой памяти приходила туда. В качестве развлечения она вязала; чтобы не быть банальной — вязала такие вот вещи, вроде самого длинного в мире чулка. Кина плюхнула на стол здоровенный ком из смотанного чулочка.

— Причилла, может быть, хватит? Мне кажется, он уже достаточно длинный.

Старушка слеповато прищурилась на неё, потом стала ощупывать принесённый ей ком.

— О. Я полагаю, твоя правда верней, — она говорила хорошо поставленным голосом, будто читала вслух книгу. — Да и знала бы ты, как истерзала эта вещь моё терпение! Я едва смогла дождаться, когда приступлю к своей давней мечте: самому широкому в мире свитеру...

Кина вздрогнула.

— Боюсь даже представить, куда ты его денешь...

Старушка улыбнулась.

— Я полагаю, ты пришла за новыми книгами? На какую тему посоветовать тебе теперь?

Кина не ответила. Она села напротив и стала смотреть, как вяжет Причилла. Она думала о своём. О Джоне, об их будущем.

— Причилла, а ты не боишься нового Витка?

Старушка улыбнулась.

— Погляди на меня. Чего же мне бояться? Ведь я сразу умру, — она и впрямь выглядела как пушинка, готовая вот-вот оторваться от земли. — А ты, я слышу, напугана. Подобрать тебе какие-нибудь лёгкие, жизнеутверждающие книги?

Кина покачала головой.

— Нет… я хочу что-нибудь по истории; знаешь, такое… чтобы было не сухое изложение фактов, а… как будто побывал там. Но при этом — правдивое. О предыдущих Витках. Это называется исторический роман, да?

Причилла как-то странно смотрела на неё. Хотя нет, она же почти ничего не видела. Тогда так: Причилла смотрела сквозь неё ещё более странно, чем обычно.

— Да, исторический роман.

Она встала и неожиданно быстро засеменила к дальней полке, провела пальцем по корешкам книг.

— Ах, вот она.

Причилла на всякий случай ощупала книгу, потом вернулась и положила её перед Киной, а сама снова взялась за вязание.

— «Забытые моменты Извечной войны»... Спасибо.

— Есть ещё несколько подобных книг, но эта лучшая. Зайди потом, я подумаю, что ещё тебе взять.

— Спасибо! Ты всегда мне очень помогаешь.

— Не за что… мне ведь всё равно уже нечего больше делать на земле...

В последнее время Причилла так часто и с такой уверенностью говорила о своей смерти, что Кина уже не пыталась спорить. Возражать было бессмысленно, просить перестать тоже — и обычно Кина просто игнорировала подобные реплики. Она вежливо попрощалась и вернулась домой.

***

Но судьбу не понять,
Её нельзя обмануть:
Можно всё потерять
И вдруг однажды вернуть...
Что пройти суждено,
Того нам не избежать...

Мюзикл «Граф Монте-Кристо»

Свои желания нужно формулировать чётче, поняла она тем же вечером. В её случае, например, надо было сказать: «Я хочу исторический роман правдоподобный, интересный **и** жизнеутверждающий». Потому что эта книга была правдива ужасающе. Вступление говорило, что это научная работа, автор использовал информацию из таких-то, таких-то, таких-то исторических источников, расспрашивал тех-то, тех-то, тех-то, а сам был свидетелем того-то и того-то, — Кина не вчитывалась, но выглядело очень внушительно. Но даже если автор описывал не события, происходившие на самом деле, то те, которые вполне могли происходить. Очень уж жизненно всё выглядело.

Название не лгало, это и впрямь были моменты Извечной войны. Автор брал события из разных Витков и описывал их не как в исторической книге, а как в романе: вводил персонажей, брал пару дней из их жизни. В каждой коротенькой истории был свой сюжет, но Кина никак не могла на нём сосредоточиться, отвлекаясь на антураж. Описывался голод в Эрнеле — и Кина думала об этом голоде; семью героя разлучали — а она всё ещё думала о голоде, герой пытался найти своего брата — а она всё так же думала о голоде...

Это была хорошая книга. Это была ужасная книга.

Одно дело — знать о каком-то событии и совсем другое — пережить его. История про голод сменилась рассказом о всеобщем безумии, вслед за ним говорилось о засухе. В любой другой ситуации Кина давно бы бросила книгу, но тема Извечной войны приковывала её к себе. В каждой истории она представляла себя, всякий раз пытаясь угадать, что же случится в их Витке.

История про новобрачную, чей муж уходил на войну, царапнула по сердцу. А в следующей промелькнула женщина, которая как раз успела выйти замуж и завести детей, когда начался новый Виток, — и потом с детьми была вынуждена... кошмарная история.

До этой книги Кина всё надеялась, что Виток не коснётся их — каким-то чудесным образом. Может быть, он слишком быстро закончится; может, будет мирным... Теперь же одна мысль о будущем приводила её в ужас.

Кина ничего не сказала Джону: он всегда мрачнел, когда она заговаривала об Извечной войне, а уж книгу и вовсе мог отобрать, чтобы она не портила себе настроение. Сам же Джон, трудившийся с раннего утра, слишком уставал, чтобы заметить её перемену.

5.4. Дейнар: Новая боль

***

Ну неужели невозможны
Счастье и любовь без боли
И без слёз во тьме ночей?
О Боже мой, ты не допусти!
Я тебя заклинаю жизнью своей...

Мюзикл «Монте-Кристо»

Когда Кина проснулась, Джон сидел за столом и задумчиво смотрел на амулет в своих руках. В комнате было холодно, но Джон сидел в одних штанах. Видимо, когда он проснулся, то растопил печь, а сейчас она уже совсем остыла.

Кина подождала немного, но муж не шевелился.

— Джон? — наконец не выдержала она.

Он вздрогнул.

— Милая. Светло уже… ну я и засиделся.

Он подошёл и поцеловал её в лоб, быстро оделся.

— Эй, ты куда? А завтракать?

— Не хочу, — он улыбнулся и, уже положив ладонь на дверную ручку, добавил: — Сегодня совсем холодно. Лучше дома посиди.

Обычно Кина всегда была рядом с мужем, пока он работал: сначала надеялась, что найдётся и ей дело, потом — просто поддерживала своим присутствием.

— Куда ты торопишься?

— Так если не буду торопиться, никогда не закончу.

Он вышел, по-прежнему сжимая в руке амулет. Кина подбросила в печь пару поленьев и снова взялась за книгу.

В этой главе повествование шло о самом герое, но Кина, как обычно, замечала только войну. До одного момента...

«На руке у Верга был маленький рисунок из родинок, как и у любого героя Алиара. Их было шесть: одна в центре, остальные — по вершинам пятиугольника. Их называли созвездие, цветок, звезда, дом — в зависимости от того, как объединяли эти родинки. Но сходились в одном: герои получали этот знак из-за своей связи с Повелителем

Мечей, ведь при любом возрождении он появлялся у него. Этот рисунок мог располагаться в любом месте. Считается, что Творец...»

Но Кина уже ничего не видела. Потому что она прекрасно помнила: у Джона есть такой знак, справа, чуть ниже груди, как раз возле жуткого шрама... Может быть, она ошиблась? Перепутала? Родинки ведь могли располагаться как-то не так!

И, хотя Кина прекрасно их помнила, ей нужно было убедиться. Надо было пойти к Джону и... как-то убедить его снять рубашку... но Кине приходил на ум лишь один способ это сделать, а ей сейчас ей было совершенно не до того.

Она подбросила в печь дрова, села и задумалась, совсем как Джон этим утром.

Если он действительно... не просто член ордена, а сам герой из Пророчества — что это значит для неё?.. Они не смогут «отсидеться», Виток совершенно точно не минует их. Джон может погибнуть — почти точно погибнет! — сражаясь с Повелителем Мечей...

Кина впилась зубами в костяшки пальцев, чтобы не зарыдать. Что было делать? Нужно ли было поговорить с Джоном? А что сказать? Разве это что-то изменит!

Она вздохнула. Не имело смысла обсуждать это. По крайней мере, сейчас. Лучше уж потом, когда она успокоится и смирится…

Прошло полдня, и Кина уже совсем пришла в себя, когда вернулся Джон. На этот раз он был не таким усталым, поэтому сразу понял, что что-то не так.

— Милая? Что-то случилось?

— Нет… всё нормально.

Джон развернул её к себе и заглянул в глаза своим цепким, серьёзным взглядом.

— Всё правда в порядке. Просто книга грустная. Будешь обедать? Ты ведь даже не завтракал.

— Да?.. Можно.

Тут Кина поняла, что Джон не работал всё это время. Шатался по лесу или сидел где-то, опять буравил взглядом свой амулет… Может быть, это была женская интуиция, может, простая логика: не мог мужик, весь день таскавший и стругавший брёвна, да ещё и без завтрака, так безразлично реагировать на еду.

Джон сел и снова задумался. Кина бросилась накрывать на стол. Обратная сторона разделения обязанностей: мужчине работа, женщине быт.

Надо ли было как-то поговорить обо всём этом? Заставить его снять рубашку? А может, лучше приберечь это до вечера? Может, она ошиблась? Тогда это вовсе неважно, чего суетиться!..

Джон благодарно кивнул и придвинул к себе тарелку. Ели в молчании, но оба были слишком погружены в свои мысли, чтобы это могло смутить их.

— Знаешь, мне нужно уехать. Это всего на несколько дней.

Кина вздрогнула.

— И когда мы едем?

— Я еду! — неожиданно резко ответил Джон.

— Опять этот амулет…

Он поморщился и не ответил.

— Это опасно, да?

Джон, видимо, только сейчас понял, что она была встревожена. На его лице возникло столь непривычное выражение нежности. Он подошёл к Кине и погладил её по волосам:

— Нет, что ты.

Она уткнулась ему в плечо:

— Клянёшься?

— Кина… — Джон подождал, пока она снова посмотрит на него. — Мне незачем клясться. Вместо этого я никогда тебе не вру.

— Да, да… ты просто не отвечаешь, — буркнула она.

— Я тебя очень люблю. И скоро вернусь.

Кина кивнула и снова уткнулась ему в плечо. Так было спокойнее. Так ничего не могло случиться… А вскоре она в подробностях могла рассмотреть рисунок на груди Джона, и, к сожалению, он был именно таким.

***

Ты стал бунтарём и дрогнула тьма,
Весь мир ты хотел изменить.
Но всем бунтарям не хватает ума —
Кого ты хотел удивить?
Машина времени

Последние полгода Тэрн провёл в лесу. Он окончательно примирился и с миром, и с собой, и, главное, перестал искать общества людей. Он собирал ягоды и целебные травы, иногда охотился — потом продавал полученное в городах, обычно Эрнеле и Дейнаре.

Жил он в землянке у Эрнела, благо, зима оказалась не такой холодной, как пугали. Раньше в этом месте останавливались торговцы на пути из Кивиша в Эрнел, но теперь отношения между городами снова прекратились и она пустовала.

Наверное, стоило подумать о будущем. Нельзя ведь так жизнь провести... «А почему?» — тут же спрашивал он себя. В лесу было спокойно. В лесу было тихо и хорошо. Тщеславие, чревоугодие, злопамятство и другие давно знакомые грехи оставили его. «Я стал похож на брата Юня», — порой с усмешкой говорил он себе, потому что кому ещё он мог это говорить.

Но главное, то внутреннее чувство, которое подсказывает нам, правильно или неправильно мы поступаем, — совесть ли? интуиция? — наконец почти успокоилось. В ордене оно кричало, рвало на части, вынуждало воплощать в жизнь самые абсурдные планы побега — а теперь лишь изредка просыпалось и бормотало, что его жизнь в лесу есть подлость и трусость... но сразу же засыпало обратно.

***

Когда Джон уехал, Кина ещё долго сидела на кровати, прижимая колени к груди и давя желание заплакать. Слишком беспросветным казалось будущее. Чтобы как-то отвлечься, Кина снова взялась за книгу, но слова проходили мимо неё.

«Но Лиат сказал ей… Лиат пожал плечами… эта дорога вела в Айнер, Священный Город… И Лиат…»

Только тут Кина поняла. Лиат! Это же герой из предыдущего Витка! Значит, книга совсем новая! Кина взглянула на обложку. Имени автора не было. А вот на первой странице значилось: «Забытые моменты Извечной войны. Причилла Делл».

Кина вздрогнула всем телом. Тёзка?.. Но она никогда не слышала такого имени раньше, вряд ли оно было частым... Неужели?.. Она оделась потеплее и побежала к библиотеке, по колено проваливаясь в снег и не замечая холода.

— Причилла!

Никто не откликнулся. Причилла была в библиотеке далеко не каждый день, так что её вполне могло не быть здесь сегодня. Но Кина всё-таки прошла глубже и вскоре увидела конец чулка. Как обычно сматывая его в клубок, Кина заторопилась вперёд.

— Причилла…

— Ах, это ты, Кина, — старушка чуть улыбнулась и спросила с огромным интересом: — Неужели ты дочитала книгу?

— Нет… — Кина села рядом. Только тут она поняла, что не знает, с чего начать. — Пока нет… А ты всё ещё плетёшь чулок? Я думала, ты решила взяться за свитер…

— Решила. Но нехорошо бросать дело на середине, а я чувствую, что на свитер меня уже не хватит… — она вздохнула и продолжила столь же будничным тоном: — Когда меня не станет, повесь, пожалуйста, чулок на забор, как я хотела. Его нужно пропустить между досками забора, помнишь? В точности, как с гирляндами.

— Перестань! Ты ещё меня переживёшь.

— Ты полагаешь? — вежливо осведомилась Причилла. — А я вот думаю, что скоро увижу Творца лично. Передать ему что-нибудь от тебя?

Кина опомнилась: переубеждать Причиллу было бесполезно, — и лишь грустно усмехнулась.

— Передай, что в следующий раз я хотела бы возродиться вместе с Джоном, моим мужем.

— Хорошо, — старушка серьёзно кивнула и вновь принялась отсчитывать петли.

Они замолчали.

— Это твоя книга?

— Да.

— А почему ты мне не сказала?

Причилла пожала плечами.

— Не хотела портить впечатление. Разве слепая старуха со спицами может написать что-то дельное? Даже если тогда она не была ни слепой, ни старухой.

— Это очень хорошая книга.

— Ты полагаешь? Как замечательно.

— А почему я… никогда о ней не слышала?

Губы Причиллы сжались.

— Потому что она не была издана.

— Но как же...

— Здесь мне сказали, что она слишком мрачная. «Чересчур угнетающе действует на читателя». «После неё тяжело жить». Идиоты!.. В Айнере сказали, что она выставляет в неверном свете святых отцов, героев и орден. Как же, в неверном! Подлецы! Подонки… В Кивише заявили, что в ней слишком много эмоций для исторического романа!.. — Кина вжалась в кресло. Впервые со времени знакомства голос Причиллы был злым, полным ненависти. — Много эмоций! Много эмоций! Тупые ослы!

Она замолчала и так застыла с воздетой к небу рукой с зажатыми спицами.

— Ну, ну, тише, тише… — Кина попыталась усадить Причиллу обратно, но это никак не удавалось. Наконец, старушка сама рухнула в кресло. Она стала совсем бледной, а губы её были обиженно сжаты. Прошло ещё несколько минут, прежде чем Причилла взяла себя в руки и закончила своим обычным церемонно-вежливым тоном:

— А в Завандре и Эрнеле отказались публиковать после неодобрения Священного Города. Тот экземпляр, что ты читала, был издан в Релле на мои деньги… На мои деньги, представляешь?! Я потратила на эту книгу двадцать лет! Каждое крупное событие в ней подтверждено историческими источниками, ты знаешь, как тяжело было мне разыскать их, как тяжело было получить доступ к ним?! А она никому, никому не нужна!.. Ах, да, в Релле отказались издавать потому, что я слишком часто упоминала Творца. Там ведь не верят в Творца.

Она мило улыбнулась и снова принялась вязать.

Если честно, Кина была абсолютно согласна со всеми характеристиками книги, кроме, может быть, последней: для Реллы упоминания бога два раза за книгу и то стало бы слишком много. Но Кина не стала говорить об этом Причилле; она постаралась собраться с мыслями.

— И ты… действительно так глубоко копала?

— Конечно. Мне пришлось устроиться сюда библиотекарем и идеально работать десять лет, прежде чем меня пустили к скрытым архивам. (Тогда с безопасностью здесь было гораздо серьёзнее.) Потом я была вынуждена добиться поездки в Айнер и Кивиш: я сказала, что

нужно сверить старинные тексты… было так нелегко добиться их согласия… но я отвлеклась. Да, все сведения в этой книге подтверждены, все характеры сверены. Хотя часть, например, некоторые персонажи и моменты, конечно, вымышлены — наполнитель между историческими событиями, так сказать; просто чтобы читателю было интереснее.

Кина пропустила всё это мимо ушей.

— А этот рисунок… знак из родинок… он действительно есть у всех героев Пророчества?

— Да, разумеется.

— А почему об этом не говорят? Почему не досматривают мужчин в городах? Ведь было бы так легко найти Повелителя Мечей!

— Какое-то время пытались. Но это доставляло слишком много хлопот: рисунок ведь мог быть где угодно. Мальчиков осматривали при рождении, но потом приходилось досматривать и при въезде-выезде в город, преступников при задержании, потом и вовсе стали задерживать на улице всех мужчин подходящего возраста, потом сообразили, что Повелитель Мечей может спрятаться и в женском платье, стали осматривать и всех мужеподобных женщин… представляешь, как они реагировали… а Повелителя Мечей таким образом поймать не удалось ни разу, так что после этот закон был отменён. Кроме того, если бы всё же удалось найти человека с таким знаком, это мог бы оказаться герой из Пророчества, — а простым людям нельзя было знать, кто он, ведь так сведения дошли бы до Повелителя Мечей и тот смог бы подослать к нему своих убийц…

— Действительно…

— А почему не говорят — тоже интересный вопрос. Видишь ли, ордену невыгодно, чтобы люди много знали о Повелителе Мечей. Горожане пытаются найти его самостоятельно... а это приводит лишь к бедам. Ты не читала про Миннира, которого подозревали в том, что он Повелитель Мечей?

— Нет...

— А, не дочитала пока. Его казнили вместе с ещё десятью людьми. Ведь Повелитель Мечей выглядит как мужчина неопределённого возраста с совершенно обычной внешностью... под это определение попадало слишком много народу. Верили, что родинки он мог свести. Кроме того, этот рисунок ведь есть и на герое...

ты помнишь восемнадцатый, двухсотлетний Виток? Знаешь, почему он тянулся так долго? Это два Витка, они слились в один, потому что героя из первого казнили...

— Серьёзно?.. Вот это да...

Они снова замолчали. Причилла медленно водила спицами. Кина думала.

— Ты не боишься смерти?.. Ты так спокойно о ней говоришь...

— Я каждый день прошу Творца дать мне умереть как можно более спокойно и безболезненно. А так умирать не страшно... Да и чего мне расстраиваться? Это у тебя семья. Но у вас всё будет хорошо, вы молоды, вы друг друга любите, что у вас может случиться?

От автора книги с тысячью версиями того, *что* может случиться при очередном Витке, это выглядело издевательством. А если бы она знала, если бы она только знала...

Снова замолчали.

— Я дочитаю пока. Ты не против?

Причилла улыбнулась.

— Мне будет очень приятно.

Кина снова погрузилась в книгу. Глава про Лиата как раз кончилась. Следующая была про гораздо более ранний Виток. Героиня по имени Эрин и её друзья: Тог из Ордена, брат Ец и эрнельская воительница Литикариана — смогли не просто победить Повелителя Мечей, а захватить его в плен! В Релле сковали цепи, которые могли удержать даже такое чудовище, Тог из Ордена придумал хитрую ловушку. Они хотели клеймить лицо Повелителя Мечей освящённым инструментом; они надеялись, что этот знак останется с ним и после перерождения, так что ублюдок никогда не сможет скрыться. Брат Ец и Эрин освятили тавро в храме древней Каммены, первоначального города Творца, — считалось, что она обладает наибольшей связью с богом, но всё равно к её руинам ходили лишь самые смелые путешественники...

«Усмешка пробежала по тонким губам Повелителя Мечей. Он повёл плечами, цепи его зазвенели, и Тог невольно воскликнул:

— Тебе не порвать их, монстр! Жди уготованной тебе участи, ибо боль будет ужасной, — хоть ей и не сравниться со страданием, которое ты причинил нашему миру!

Повелитель Мечей презрительно взглянул на него. В стальных серых глазах Тог увидел бесконечную ненависть ко всему живому, всему, что могло противиться его воле. Тог преисполнился ещё большей решимости...»

Кина повела плечом. Тог был ещё ничего, но вот остальные! Монах какой-то совсем больной на голову, а героиня и вовсе садистка... с каким наслаждением она это тавро накаляет... Неудивительно, что Айнер запретил издавать такую книгу. И герои, и святые братья выходили просто отвратительными.

То есть, понятно, что это был Повелитель Мечей, с ним бы и не такое хорошо сделать, а здесь, кроме того, они действовали ради общего блага... но с каким-то уж слишком большим рвением.

«И Эрин опустила клеймо; но тут злодей изогнулся, слышен был хруст выворачиваемых суставов, звон разрываемых цепей — вместо лица клеймо попало на грудь. Повелитель Мечей знал, как нелегко будет спрятаться с изуродованным лицом, но не смог совсем избежать своей кары и решил пожертвовать меньшим...»

Дальше шло про запах палёной плоти и так далее, — Кина не смогла читать, её тошнило. И как Причилла только пишет об этом?! Такие вещи заставляли задуматься о характере самого автора. Нормальный человек не будет так подробно это описывать, разжёвывать, — не сможет, не захочет. Да и персонажи все такие противные... а книга, в конце концов, есть отражение мыслей автора...

Кина бросила на Причиллу недоверчивый взгляд. Но старушка спала и лицо её было совершенно безмятежным. Подозревать этот божий василёк в чём-то не смог бы и Святой Гелдер.

Кина пропустила страницу и вновь стала читать. Повелитель Мечей смог вырваться; сражался и был убит. Сразу же после смерти, как и всегда, его тело обратилось в пепел, так что клеймить его второй раз не получилось.

Но тут налетели демоны Повелителя Мечей и растерзали почти всех спасителей Алиара. Выжил только Тог, хотя и лишился ноги и глаза. Победив последнего демона, он пополз к выходу, оставляя за собой кровавый след; изуродованной рукой он придерживал свой распоротый живот, но даже так его кишки вываливались и цеплялись за... нет, эта книга была совершенно невыносима!

Кина поняла, что больше не может сдерживаться. Стоило сказать Причилле, что отказавшиеся печатать это были не так уж и не правы! Она вскинула голову и взглянула на спокойно спящую старушку. И лишь тут поняла, что Причилла не спит.

***

У Причиллы не было родственников, и приготовлениями к похоронам занималась сама Кина. Никогда ей не приходилось проводить столько времени рядом со смертью. Раньше, бывало, говорили, что кто-то из банды погиб, или ей самой доводилось видеть труп, или быть на похоронах. Но вот так — омыть, переодеть, уложить в гроб... в полной мере осознать, что перед тобой уже не человек, а тело...

Похороны оплачивал мэр, ведь Причилла была почётной жительницей города. Её похоронили в тот же день: у церкви не было особых правил на этот счёт, а Кине хотелось покончить со всем поскорее...

Она сидела в часовне у кладбища и сжимала в руке этот самый длинный в мире чулок. Смерть Причиллы, неожиданность новостей о Джоне, беспокойство о будущем слились в единую непреодолимую тоску.

***

Кто ты?
Голос твой знакомый,
Но кто ты?
В прошлом затаённый —
Но кто ты?
Я не знаю, я боюсь найти ответ...

Мюзикл «Монте-Кристо»

Кина сидела в часовне долго, бесконечно долго, и наконец её мысли стали ближе к жизни. Как Причилла всё это предчувствовала? Она ведь никогда раньше не говорила о смерти… и именно в последние дни… дошла ли её душа до Творца?.. передаст ли Причилла её просьбу?.. Что будет с ней и Джоном?

Дальше мысли снова заменили тоска и отчаяние. Кина сцепила пальцы, едва не ломая их. Может быть, всё будет хорошо. Может быть, всё обойдётся. Но сейчас у неё не было сил жить…

— Ты не должна печалиться из-за этого, дочь моя, — Кина не смогла поднять голову: она боялась разрыдаться. Всё, что она видела, — это край монашеской робы. — Причилла была достойной прихожанкой и доброй женщиной. Сейчас она с нашим всеблагим Творцом, а когда отдохнёт, снова вернётся в Алиар и будет ещё счастливее.

В голове Кины промелькнуло множество мыслей. Что добрый человек не может писать такие гадости. Что злой человек не бывает так доброжелателен. Что монах сначала сказал, какой она была прихожанкой и уже потом, что была доброй… Что, может быть, Причилла и впрямь встретит самого Творца и даже передаст её просьбу, и что нужно было просить о том, чтобы они прожили долго и счастливо…

— Ко многим из нас смерть приходит неожиданно. А у Причиллы было время подготовиться, покаяться и всех простить, — слова монаха были совершенно обыденными, но он произносил их с такой теплотой и верой, что проникнулась даже Кина. Всё так же погружённая в свои мысли, она кивнула: действительно, смерть Причиллы не была столь ужасной. — Тебе не стоит переживать из-за этого… у тебя совсем другие поводы.

Кина вскинула взгляд. Рядом с ней сидел немолодой, очень усталый мужчина с добрыми и понимающими глазами. Черты лица показались ей знакомыми, но она не сразу поняла, что перед ней… отец Ульа.

— Что вам от меня нужно?

Кроме них в церкви никого не было. Она вскочила, но монах и не двинулся, чтобы удержать её. Он успокаивающе развёл руками:

— Ничего. Наоборот, это я хотел бы кое-что тебе рассказать.

— Я вам не верю!

— Это твоё право. Может быть, я всё-таки расскажу? А ты подумаешь, спросишь у мужа…

Его голос завораживал. Ульа стал святым отцом на десять лет раньше положенного и уже имел большой вес в Айнере — далеко не просто так. Он обладал невероятной харизмой и сильным умением убеждать. Кина против воли почувствовала себя успокоенной. Она опустилась обратно на скамейку и махнула рукой — продолжайте.

Монах печально вздохнул.

— Ты знаешь, что Причилла писала книги? И очень хорошо. Мне жаль, что у нас так мало времени, иначе я обязательно дал бы тебе одну...

— Я читала её книгу. «Забытые моменты Извечной войны».

— Правда? — в глазах святого отца отразились столь искренние радость и восхищение, что Кине пришлось тряхнуть головой, чтобы не попасться на крючок. — Чудесно! Тогда мне придётся объяснять гораздо меньше. Нет, нет! Не задавай вопросов, дочь моя. Я расскажу тебе всё, и их сразу станет гораздо меньше… Ох, Творец, как же это тяжело!..

Он снова вздохнул и коснулся рукой лба, а потом продолжил:

— Ты читала про знак шести звёзд, которым Творец награждает героев Алиара? — Кина кивнула. — А… что они получают его в знак своей связи с Повелителем Мечей?.. Потому что он носит точно такой же?

— Я не понимаю, к чему вы клоните! — воскликнула Кина, действительно не понимая, в первую очередь не понимая, что заставляет её так кричать, ведь монах не сказал ничего ужасного.

— Твой муж — Повелитель Мечей. Подумай сама: мужчина среднего возраста, непримечательной внешности, со знаком Творца — и ты сама видела, как он владеет мечами...

— Это неправда! — выкрикнула Кина, — вы лжёте! — но все слова, все поступки Джона вдруг сложились в единую картину.

— Мне тоже очень жаль… но мои слова легко проверить. Ты читала про клеймо у него на груди?

— Дэйниэл Святый…

Кина закрыла лицо руками. Тот ужасный шрам около родинок. Глубокая выемка в груди. Сведённое клеймо. Нет, нет, это не может быть правдой!

— Да, это так больно! Считать, что выходила замуж по любви, а оказаться лишь прикрытием! Конечно, кто заподозрит Повелителя Мечей в женатом человеке... Мне так жаль, так жаль, дочь моя! Но ты должна быть сильной. Ты одна можешь спасти Алиар. Послушай! Тот амулет, что ты выкрала у брата Елло… нет-нет, я не виню тебя, ведь ты не понимала, что творишь. Но этот амулет обладает огромной силой. Он нужен, чтобы разрушить мир — или захватить его…

— Откуда вы знаете?!

— К чему ещё будет стремиться Повелитель Мечей? — резонно заметил монах. — Послушай… ты не обязана верить мне. Ты можешь спросить у него сама. Но… я не думаю, что после этого он оставит тебя в живых.

Кина промолчала.

— Ты **должна** забрать этот амулет. Вот… этого зелья хватит, чтобы остановить Повелителя Мечей на десять минут. Забери амулет и принеси его мне. Я буду ждать тебя в этой часовне. Судьба Алиара в твоих руках, дочь моя.

Он встал и удалился так же тихо, как пришёл. Кина ни двинулась с места.

***

Дома Кина ещё раз пролистала книгу. Вся она виделась в ином свете. Тот момент, когда им удалось схватить Повелителя Мечей… она так и видела бесстрастного Джона, говорящего: «Что ж, приступай», — и в последнюю минуту рвущегося из цепей, чтобы клеймо не коснулось его лица…

Кина сразу поверила, что Джон — Повелитель Мечей. Слишком ждала она, что произойдёт нечто ужасное, слишком готова была к этому. Да и знала она Джона: видела, что в нём есть нечто нечеловеческое, что он вполне способен тысячелетиями убивать людей... но зачем он это делал? На счету Повелителя Мечей были миллионы жизней: мужчины, женщины, старики, дети… зачем это Джону?!

Всё складывалось слишком правдоподобно, но Кина знала: она не поверит никому, кроме мужа.

Джон вернулся на третий день. Бледный, несмотря на мороз, он вошёл в дом и сразу же потянулся обнять жену. Кина отшатнулась.

— Ты будто и не рада, — так же спокойно, как и всегда, заметил он.

— Что ты, дорогой, о чём ты…

Джон скинул куртку, повесил её на крючок, стянул свитер и небрежно бросил на стол амулет. Тот звякнул и прокатился до середины столешницы.

— Ну и натоплено у тебя! Как насчёт покормить любимого мужа?

— Да, конечно… знаешь, Причилла умерла.

— Библиотекарь? Жаль. Теперь тебе и вовсе будет не с кем поговорить.

— Она оставила мне свою книгу.

— Не знал, что она писала. Хотя логично. Библиотекарь ведь.

— Ты её, наверное, читал.

Кина положила книгу на стол перед ним. Джон перевёл на обложку спокойный взгляд, а когда поднял глаза, смотрел уже совсем иначе. Именно с таким лицом он погнался за отцом Ульей, именно с таким убил его телохранителей в Завандре.

— Читал.

Они замолчали.

— Интересно. Где ты её достал? Говорят, она в закрытом доступе.

— В ордене есть копия. И в Айнере, у святого деда Ушки.

Брови Кины взметнулись вверх.

— А Причилла говорила, им она не понравилась… то есть, они отказались её публиковать, но сняли себе копию?.. Смешно…

Кине не было странно говорить о таких вещах. Она ощущала ледяное спокойствие, будто у неё и вовсе не было сердца, будто она отгорожена от любых эмоций снежным покрывалом. Вот как, значит, чувствует себя Джон…

— И как же ты попал в орден?

— Не помню, это давно было.

— Насколько давно? Лет пятьдесят назад? Сто?.. Сколько тебе лет, Джон?

Он натянуто улыбнулся.

— Я ведь говорил. Двадцать семь.

— Двадцать семь чего?! Столетий?

Джон снова улыбнулся, столь же неприятной холодной улыбкой.

— Не ходи вокруг. Спрашивай, что хотела.

— Ты — Повелитель Мечей?

Она думала, как будет выдавливать из себя эту фразу, раз за разом тренировалась, но у неё не выходило произнести это. И вдруг получилось так легко…

— Да.

Повисла тишина. Кина почувствовала, как подкашиваются ноги. Не было сил даже стоять. А выражение лица Джона стало по-обычному безразличным.

— Будешь спрашивать что-нибудь ещё или сразу уйдёшь?

Она взяла себя в руки.

— У меня… только один вопрос. Это правда, что ты убил всех этих людей? Что ты устраивал засухи, наводнения, войны… я не буду спрашивать как, я не буду спрашивать зачем, но — это правда?

— Да.

Кина попятилась. На какую-то секунду она вскинула руки к лицу — «Творец, за что?!» — застыла в неестественной позе; но заставила себя выпрямиться.

— Тогда у меня нет вопросов, — хрипло произнесла она и схватила куртку.

На лице Джона впервые за разговор промелькнуло что-то живое. Он сделал шаг к Кине:

— Не трогай меня! — вскрикнула она, и он застыл на месте, показывая, что не собирается причинять вред.

Кина опрометью бросилась за дверь. Вскоре с улицы раздалось громкое ржание Мрака, а потом — его тяжёлая поступь.

Джон прикрыл рот ладонью, пытаясь подавить и крик «Остановись!», и проклятья, и стон, и смех. Он ведь знал, знал, что всё так будет! Зачем он позволил себе поверить?! Если б хотя бы на три дня раньше, хоть на день раньше — а теперь уже слишком поздно… Он покачал головой и лишь тут заметил, что амулета на столе уже не было. Кина по-прежнему была отличной воровкой.

Это решило вопрос как реагировать. Джон захохотал.

6.1. Релла: Город техников

Где вы, где вы, одногодки?
Стали все вы старики,
Всё тоскуете за водкой
Про ушедшие деньки...
Я готов на что угодно,
Лишь бы не был таким
Никогда я.

Филигон

Это было самое великое дело, совершённое Тэрном. Побег из ордена, победа в Состязаниях, штурм неприступной кивишской тюрьмы — ничто не шло в сравнение с моментом, когда он заставил себя бросить размеренную жизнь в лесу и отправиться в Реллу. Так бывает: то, что кажется геройством окружающим, не имеет для человека ни малейшего значения, а настоящий подвиг, потребовавший всех душевных сил, скрывается за самым обыденным событием...

Релла была непохожа ни на один из виденных им городов. Вся из стекла и железа, она казалась частью какого-то иного, далёкого мира. Даже мостовая была странной: сделанной из цельного камня тёмно-серого цвета. Всё это было очень необычно, но Тэрн никак не мог сосредоточиться на окружающем городе: мешали тихий неестественный гул и не менее неестественный машинный запах. Тэрн подумал, что находится рядом с каким-то заводом и пошёл вперёд по улице: там наверняка будет тише. Но тише не становилось; видимо, это было обычное состояние города. От непрерывного шума разболелась голова.

Людей на улице не было, и пока Тэрн шёл вдоль дорог, никого не появилось. Сначала это даже нравилось ему, но вскоре начало беспокоить. Спят, что ли, все, как в Дейнаре? Или на работе, как в Кивише?.. И как искать гостиницу? Ни один из этих домов похож на неё не был.

Тэрн прошёл ещё немного дальше. Слева от него было высокое четырёхэтажное здание. По краям крыши у него были будто маленькие ветряные мельницы; и точно так же они вертелись на ветру. В то же

время, крылья мельниц были достаточно маленькими, чтобы никак способствовать помолу муки. Тэрн никак не мог выбросить это здание из головы и даже когда оставил его далеко позади, продолжал оборачиваться.

Так он и врезался во что-то мягкое. Мягкое охнуло и упало на землю.

— Совсем сдурел?! Смотри, куда прёшь, придурок!

С мостовой поднялась молоденькая девушка в странной одежде: и материал, и покрой её Тэрну были неизвестны. Штаны были плотными, сделанными будто из кожи, — если бы в мире была синяя кожа, — на лбу у неё были очки, которые использовали для работы в шахтах.

— Извините.

Девушка удивлённо посмотрела на него, оглядела одежду, меч, и взгляд её смягчился.

— А, понаехавший. Зачем припёрся в Реллу?

Тэрн пожал плечами.

— Не хочешь, не говори. Или сам не знаешь? Меня Рия зовут.

— Тэрн...

— Звучит неплохо.

Они замолчали. Рия окинула его оценивающим взглядом и вдруг предложила:

— Пошли ко мне? Накормлю тебя хоть.

Тэрн недоверчиво прищурился.

— Спасибо... — наконец протянул он.

В дороге Рия объяснила, что в городе используются «карточки» и монетами ему расплатиться не удастся; и уж тем более никто не возьмёт в качестве платы вещи — то есть, можно, конечно, зайти в ломбард, но без карточки куда деньги зачислять, а без паспорта карту не оформят... Тэрн делал вид, что понимает её слова.

Конечно, идти куда-то за незнакомой девушкой было плохой идеей — причём уже опробованной плохой идеей. Тем более неразумно было идти за девушкой столь неожиданно любезной. Но других вариантов не было, и лучше было сдохнуть, чем продолжать квакать в болоте, в которое он превратил свою жизнь.

Рия подошла к двери стеклянного здания; оно был огромным, Тэрн насчитал целых пять этажей.

— Какой большой дом... он весь твой?

— Смеёшься? Только четверть верхнего этажа. Давай, заходи, — она подтолкнула его в спину, наткнулась на внушительные мускулы и осеклась: — Ого! Сразу видно, что ты не отсюда.

Тэрн не ответил. Он осматривал комнату: всё то же множество стекла и железа. И зеркал.

Они поднялись по лестнице, и Рия открыла одну из нескольких одинаковых дверей.

— Заходи.

Оказались в маленьком коридоре. Слева стоял шкаф, на стене висело зеркало, в целом всё было непривычно, но аккуратно и, как показалось Тэрну, небогато.

Из комнаты в глубине вышла женщина: совсем молоденькая, но далеко не на первом месяце беременности. Она боязливо покосилась на Тэрна и воскликнула:

— Рия? Кто это, зачем ты его привела?..

Лицо её исказилось: губки надулись, бровки двумя треугольничками поднялись вверх. Она говорила не раздражённо, а жалобно и напуганно. Тэрн улыбнулся: она была такая кругленькая, такая миленькая — наверное, ей стоило лишь пройти по рынку, чтобы получить гору подарков от каждого продавца. Обижаться на неё было невозможно.

— Ещё одна лимита, не видишь, что ли, — с неожиданной злобой рявкнула Рия. — Иди к себе, чего вылезла?!

Женщина снова надула губки и ушла в комнату. Тэрн промолчал.

Они прошли на кухню… наверное. По крайней мере, это было место, где хранилась еда, — Рия достала из высокого белого ящика две миски: с картошкой и готовым мясом, переложила в сковороду и поставила на другой ящик, покрутила на нём какие-то рычажки и чем-то щёлкнула. Под сковородой занялся огонь.

Тэрн удивился не тому, как необычно выглядела печка, не тому, как странно она работала, — наоборот:

— Я и не думал, что в Релле едят обычную пищу.

Рия пожала плечами.

— Не самим же нам картошку растить. Да и надо же на что-то меняться с другими городами, а что нам ещё от вас может быть нужно…

Она окинула его деловитым взглядом и дружелюбно спросила:

— Сколько, ты сказал, пробудешь в Релле?

— Я не говорил.

Рия поморщилась, но продолжила тем же вежливым тоном:

— А родственники у тебя здесь есть?

— Может быть.

Она закатила глаза, но потом взяла себя в руки и доброжелательно ответила:

— Не доверяешь мне? Ну и правильно. Ты из Завандра, наверное? Хотя нет, не похож. Но всё равно: странно, да, когда незнакомца вот так запросто в дом зовут? — она обернулась к печи, потушила огонь и разложила еду по тарелкам. — У нас так тоже не принято… но у меня дело есть: я работу тебе предложить хочу.

Она протянула ему вилку и сама налегла на еду.

— Какую работу?

Рия помахала рукой, мол, ешь.

— Какую работу? — повторил Тэрн, всё ещё не прикасаясь к еде.

— Ой... ну не хочешь, не ешь, — она подскочила, взяла два стакана и разлила по ним жидкость из какой-то бутылочки, после чего залпом осушила свой. — А я вот с утра на ногах… сейчас доем и объясню.

Она быстро опустошила тарелку и поставила её в раковину у стены. Тэрн пожал плечами: похоже, ему и впрямь ничего не грозило — хотя какая разница?

На вкус пища была немного странной, как будто… осенние ягоды, которые перезимовали под снегом, а теперь оттаяли. Но, в принципе, нормально.

— Да так, ничего особенного. Воду нужно по бутылкам разливать.

Тэрн поднял бровь.

— А в вашем городе что, некому разливать воду по бутылкам?

— Да кто пойдёт на такую зарплату… Но это пока денег мало, — спохватилась она. — Скоро в гору пойдём, больше станет. Да и зачем тебе много? Это местные постоянно технику обновляют, а тебе-то не нужно. А на обычную жизнь с лихвой хватит. Так что, идёт?

Тэрн кивнул: вариантов лучше всё равно не было.

***

Ваши женщины, песни и вина —

Понимаете? — безалкогольны...

Максим Леонидов

— Воду, — сказал Тэрн.

— Разливать по бутылкам, — сказал Тэрн.

Рия закатила глаза (в третий раз!):

— Только давай без нравоучений?

Стол был заставлен маленькими бутылками красивой формы, скорее напоминающими вазы. Именно в таких всегда была святая вода в Айнере, да и по всему Алиару. Рия предлагала набирать её прямо из-под крана — этой же водой она недавно мыла тарелки. Чтобы вкус отличался, в бутыли предлагалось добавлять немного сахара и капельку лимона — они тоже лежали на столе.

— Святая вода из ручьёв Каменны, первого города всеблагого Дэйниэла-Творца?

— Она самая.

— А люди-то историям верят: про чудесные исцеления, про защиту…

— Идиоты.

— Денег столько за неё выкладывают… последние иногда…

— Тебе работа нужна или нет?!

Тэрн подкинул в руке одну из бутылок и прищурился.

— А не боишься открываться первому встречному? Может, я всё расскажу?

Рия занервничала.

— Кому это интересно… а ты здесь без меня и дня не продержишься! На что ты есть будешь? А я тебе предлагаю кормёжку, комнату, да ещё и платить буду! Ты согласен? Ну?!

Тэрн насмешливо поглядел на неё и снова подкинул бутылку в руке. Рия занервничала сильнее.

— Согласен. А на сколько нас посадят, если поймают?

Рия скривилась:

— Языком трепать не будешь — не поймают.

Вдалеке что-то звякнуло, но Рия, на удивление, не напряглась, а обрадовалась:

— Ребята пришли! Сейчас я вас познакомлю.

Она ушла в соседнее помещение, а Тэрн остался оглядывать свой новый дом. Поселили его на заводе, где, видимо, и делали эти

бутылки: по самому заводу Рия его не водила, показала только жилые пристройки: ванную, кухню и эту комнату — спальню и мастерскую по совместительству. Все условия они уже обсудили; как пользоваться кухней и кранами, Рия тоже показала (несказанно удивившись сообразительности Тэрна), — видимо, она хотела как можно сильнее заинтересовать его, прежде чем перейти к сути дела. Хотя Тэрну было плевать и на святую воду, и на комфорт.

— А вот и сам Тэрн. Лит, Талек. Лит штампует тару, когда эта рухлядь работает, — Рия указала на механизмы у себя за спиной, — а Талек… он вроде нашего охранника.

Талек оказался крупнее почти всех, кого Тэрн встретил вне ордена. Да и вид у него был… сразу становилось ясно, что за словом он в карман не полезет, а если и полезет, то явно не за словом. По его взгляду, по его ухмылке, по его позе Тэрн сразу понял, что этот парень из Завандра. Неисключено, что вся идея со святой водой была его.

Лит был невысоким вертким парнишкой. Что-то с ним было неправильно, но Тэрн никак не мог понять, что именно. Он был похож скорее на релльца, хотя здесь Тэрн не мог сказать точно. На лбу у него были такие же очки, как и у Рии. (В шахтах они работают, что ли, все?)

Талек выдал кривую усмешку.

— Будем знакомы! Чего уставился так?

— Думаю, не из Завандра ли ты.

Он по-волчьи обнажил зубы — видимо, улыбнулся.

— Угадал, смотри-ка! Хе-хе... Да, мы сойдёмся: не похож ты на этих хлюпиков вокруг. А ты у нас… — Талек окинул его самоуверенным взглядом, потом ещё одним, уже менее уверенным, — не могу понять, откуда родом…

— Из Алиара. Рия, мне сегодня приступать?

— Да нет, мало ещё всего. Завтра и начнёшь. С бутылками — это только на первых порах. Потом ещё что-нибудь на тебя перевесим… Талек с Литом расширением займутся: мы сейчас, в основном, с Айнером и Завандром торгуем, надо бы хоть к Эрнелу вернуться. Тогда и барахло это можно будет заменить, — она снова указала на механизмы. — Ладно, пойду я. Ноточку ещё покормить нужно, а то как она там без меня, бедненькая…

Рия нежно вздохнула и ушла. Тэрн вспомнил беременную женщину, которую он видел в её доме.

— Нота — это её сестра или просто соседка?

— Что ты! — протянул Лит. — Это её кошка. А сестру Элькой зовут. Они не общаются почти с тех пор, как Элька залетела. Видел же? — он выставил руки у живота. Тэрн хмуро кивнул: ему не нравился тон, в котором Лит говорил об этом, не нравилась его неприятная усмешка и сам Лит тоже не нравился. — Я, кстати, местный! А то вы как пошли обсуждать своё происхождение, а я не участвую. Могу рассказать тебе про город, чтобы ты освоился...

— Ой, да заткнись ты, — скривился Талек.

Лит вспыхнул и отвернулся.

— Эй, Тэрн, провести тебя по злачным местам? — Талек оскалился. — Покажу, что здесь есть интересного.

Лит обречённо вздохнул:

— Опять или с тобой тащиться, или вернёшься под утро...

Талек уже собирался ответить, и похоже, не только словами, но Тэрн нарочито весело перебил его:

— Конечно, покажи! Уверен, ты все их знаешь.

Лит злобно взглянул на него. Тэрн понял, что запутался.

***

Так прошло около месяца. Талек охранял склад (не от кражи, а от лишних глаз) и вёл переговоры с местными бандитами — благо, в этом у него опыта было даже больше, чем у самих бандитов. Лит показывал Тэрну, как выдувать стекло: это было не так уж сложно, особенно учитывая, что форма почти всегда была одинаковой. «Злачные места» Тэрна не впечатлили. Нет, и женщины, и алкоголь, и прочие атрибуты были довольно неплохи, но Тэрну всё это оказалось неинтересно. Он даже удивился такому отношению, но, опять-таки, не сильно.

Общение с Литом постепенно наладилось: и девушки из баров, и Рия, и разные знакомые Талека реагировали на него совершенно спокойно, и Тэрн пришёл к выводу, что просто выдумывает. Да и что значило это его «что-то не так»? Не так что-то было со всем Алиаром. Лишь Релла, кажется, осталась нормальной. Наверное, это было из-за близости к Каммене, сердцу мира. Тэрн иногда пытался размышлять об этом, но воспоминания о других городах будоражили мозг и совесть, заставляли его не спать всю ночь, искать ответ, так что он сразу же прекращал их.

Мешали ему разве что постоянные ссоры Талека и Лита. Орали они друг на друга знатно, но различались их речи тем, что Лит говорил обиженно, с явной готовностью пойти на примирение, а Талек — с необычайной злобой, которая делала его слова гораздо более жёсткими.

Вот и сейчас из-за стены доносились то ор, то шипение... Тэрн не выдержал и поплёлся к ним, отгоняя чувство, что не стоит ему этого делать.

— Да кому ты нужен будешь? — Талек сильно толкнул Лита в грудь. — Тебя даже родная мать не переваривает! Твои «друзья» тебя выносят только ради меня!

Лит вдохнул, широко разинув рот.

— Кому я нужен?! А ты не забыл, кто тебе оформил документы? Работу нашёл?! Да без меня ты под мостом ночевал бы!

— А что тебе выродку, оставалось? Тебя же…

— Ребят, может, хватит?

— Не лезь! — выкрикнул Лит.

Тэрн поднял руки.

— Да мне всё равно… просто может, на улицу выйдете, а то громко уж очень.

— Тебе мешает — ты и выходи! — взвизгнул Лит.

Тэрн глубоко вдохнул. Он не будет никого бить. Не будет.

— Конечно, выйдем! — неожиданно ответил Талек. — Прости, не подумали, что тебе мешаем.

Он за плечо потащил Лита к двери, а Тэрн остался смотреть им вслед. Подобная вежливость со стороны Талека была очень странной. Загадка разрешилась через час, когда Талек заглянул к нему и тем же дружеским тоном заявил:

— Слушай, Тэрн, тут Рия попросила с ней на рынок сходить, а у меня вот дела возникли. Сходи с ней, а?

— Нет.

Талек скривился.

— Я же знаю, что ты ничем не занят! Вот тебе помощь понадобится, я тебе так же отвечу!

— Ты всё равно так ответишь.

Талек вытаращил глаза:

— Да разве я тебя хоть раз обманул?! Вот только что: ты попросил тебе не мешать — и я сразу ушёл! Мы же друзья. Ты поможешь мне, я помогу тебе... какой мне смысл тебя в таких мелочах кидать?

— Смысла нет. Но тебе сложно не кинуть человека, когда есть возможность, — так же спокойно объяснил Тэрн.

Талек неверяще посмотрел на него, потом вздохнул и протянул разочарованно:

— Поня-атно... тоже вешаешь ярлыки, да? — тон его стал горьким: — Знаешь, как тяжело жить в другом городе, если ты завандрец?! Никто тебе не верит, чуть что — сразу ты виноват! Но от тебя не ожидал, да... мы ж столько общались, работаем вместе, а ты — просто из-за того, откуда я родом...

— Да нет. Из-за того, что ты подлец.

Талек осёкся и посмотрел на него, раздумывая, затеять драку, перепалку или продолжить играть. Наконец, не выдержал и захохотал. Смеялся он долго, всё громче и громче, а из-за эха смех его словно доносился со всех сторон. Тэрн так же безразлично смотрел в ответ.

— А ты просто прелесть! Не даёшь на себе ездить, да? Молодец. Ладно, с меня пиво.

— Неси.

Талек ухмыльнулся ещё шире.

— Тебя не проведёшь, интересно даже стало! Ладно, ща вернусь.

Только получив свой ящик пива, Тэрн отправился к Рие. Не то чтобы ему была нужна выпивка, но он знал, что стоит дать слабину, Талек будет наглеть всё сильнее и сильнее.

Тэрн поднялся на нужный этаж и постучал в дверь. Он уже достаточно освоился в Релле, чтобы не теряться и не смущаться (к тому же Рия оформила ему карточку и паспорт, наказав всё время носить их с собой). Прошло много времени, прежде чем дверь распахнулась. На пороге стояла Элька — как и всегда, в первый момент встречи лицо её жалобно исказилось. Тэрн уже знал, что Элька была незамужем, поэтому, видимо, так и стеснялась. Он хотел бы объяснить ей, что не нужно стыдиться, но каждый раз не мог подобрать слов.

— Ой, это ты! — лицо Эльки прояснилось. — Хорошо, что не Талек... Рия выйдет сейчас: она одевается.

Они помолчали, стоя в дверях. Сказать что-то ободряющее мешал и главный принцип Реллы — «не лезь не в своё дело». В первое время Тэрн слышал эту фразу каждый день; теперь уже реже, разве что когда не выдерживал и встревал в ссоры Талека с Литом. Хорошо хоть, что жили они не на заводе, так что слышал их Тэрн нечасто.

— Значит, тебе не нравится Талек?

— Он неправильный какой-то, — простодушно ответила Элька, — оба они... вроде всё нормально, а почему-то... неуютно рядом. Только по-разному.

Тэрн кивнул: именно так он охарактеризовал бы Лита. Даже стоять рядом было не то чтобы неприятно, но как-то некомфортно. А Талек что? Обычный подонок. Видимо, беременность делала Эльку более чувствительной, позволяла ощущать, что может повредить ей и, соответственно, малышу, не давала подпускать к себе злых да и просто неправильных людей… а может быть, они оба выдумывали.

— О чём трындите? О, Тэрн... ты сегодня вместо Талека? Отлично. Может, хоть ты не будешь ныть, что ходить надоело...

Рия миновала Тэрна и уверенно двинулась вниз. Он уже было пошёл за ней, но обернулся к двери:

— Элька, тебе что-нибудь купить?

Её глаза изумлённо расширились, а потом на лице появилась беспредельная радость.

— Да, да! Яблок! И пряников...

— Сдурела совсем, — прошипела Рия. — Где он тебе яблоки сейчас найдёт?

Тэрн почесал в затылке.

— Пряники куплю... а с яблоками постараюсь.

— Спасибо!

— Да не з...

— Чего ты встал, идём или нет?! — Рия ухватила его за рукав и потянула вниз. Сдвинуть Тэрна с места это, конечно, не могло, но рукав тоже было жалко.

— Пока, Элька.

Уже на улице Тэрн спросил:

— Почему ты так зло с ней разговариваешь?

На лице Рии возникло то самое выражение, которое каждый раз превращало её из милой девушки в гарпию. Она пошла по улице,

размахивая руками и с той же ненавистью шипя:

— А как мне с ней разговаривать?! Залетела — с кем не бывает, но как можно было так протупить, чтобы с абортом не успеть? Теперь вместо того, чтобы быстро проблему решить, терпеть девять месяцев. А я чем виновата? Она, дура, дешёвую контрацепцию использует, она пусть и расплачивается. А мне эту дрянь кормить приходится — будто у меня лишние деньги есть, — да ещё и нытьё её слушать! Если б она в другой квартире жила, хрен бы она меня вообще увидела... А как просто было бы: аборт сделала — и нет проблемы!

— Что такое аборт?

— А?.. А... это когда от ребёнка избавляются.

Тэрн остановился. А Рия, не заметив выражения его лица, продолжила:

— Вот дурища! И чего мне кормить её, дрянь эту? Всю жизнь она тупая была...

Тэрн промолчал. «Не лезь не в своё дело», да. Главный принцип Реллы. Хороший, кстати, принцип. Если бы он использовал его в других городах, проблем на пути было бы гораздо меньше.

— Если тебе не хватает денег, наверное, можно стребовать их с отца ребёнка?.. Вы же... — он смутился, — знаете, кто отец?

— Знаем, а то нет. Они ж со школы встречались. А что с него возьмёшь? Он говорит: «На аборт я б денег дал, а что эта дура так долго соображала, я не виноват! Теперь пусть сама возится...»

— Вот ублюдок, — вырвалось у Тэрна.

Рия удивлённо посмотрела на него.

— А чем он виноват? Ну, обрюхатил он её, да. Но по закону-то он не обязан её содержать!

— Как?

— Так! За аборт платить должен, да, и если б ей по здоровью его делать было нельзя, то и до родов обеспечивать. А если она по дурости своей срок упустила — или сама решила эту личинку оставить, он тут причём?.. Чего ты вылупился? Сам бы стал содержать, что ли?

— Конечно...

— Да уж на словах вы все герои!.. а-а... — она осеклась. — Я всё время забываю, что ты не местный. Ты такой... будто отовсюду сразу. И из Реллы, и из Дейнара, и из Кивиша, и из Эрнела — сечёшь?

— Секу.

Они шли дальше, и вскоре Рия снова принялась размахивать руками.

— Ты б точно стал содержать, ты б ещё женился поди! Смешные вы, периферия, всё время не в своё дело лезете. Занимались бы собой, представляли бы из себя уже хоть что-то, а так — ничего в вас не меняется. Да что там! Целые города за тысячелетия, ты-ся-че-ле-тия ничего не изобрели! Ты можешь поверить?..

Тэрн кивнул: действительно, технология везде, кроме Реллы, осталась на том же уровне, на каком оставил её Творец... тут Тэрн сбился. Он же в городе техников, тут не верят в Творца. Да и он сам тоже не верит. Тогда что?.. Технология осталась на том же уровне, на каком была три тысячи лет назад? А почему тогда она так резко скакнула? И почему потом остановилась? Так ведь не бывает, если всё постепенно изобретают...

За этими мыслями они добрались до рынка, и вскоре Тэрн понял, почему Талек принёс целый ящик пива. Рия подолгу торчала у каждого прилавка, ссорилась с любым торговцем и выбирала лучший среди совершенно одинаковых товаров — а уж покупками Тэрн вскоре был увешен, как вьючная лошадь. При этом он продолжал посматривать по сторонам в поисках яблок — которых, разумеется, не было. Хоть пряники удалось ухватить — под злобным взглядом Рии; впрочем, она сразу вновь стала милой, как только забыла о сестре... но продлилось это лишь до следующего прилавка, где она вновь затеяла ссору. Тэрн был уверен, что Рия ходит на рынок, а не в лавки или магазины именно ради скандалов с торговцами.

— Рия... долго ещё?..

Она окинула ворох покупок опытным взглядом:

— Ещё столько же, — и, не успел Тэрн взвыть, изумлённо добавила: — Смотри-ка, яблоки!

За прилавком сидел тёмноволосый мужчина неопределённого возраста (подумав, Тэрн решил, что ему около тридцати, но не удивился бы, если бы оказалось сорок или двадцать). Судя по забитому прилавку, торговля шла плохо, но, кажется, его это не волновало. Он посматривал по сторонам, в основном, на небо и здания, будто бы избегая глядеть на людей. Глаза его были то ли усталыми, то ли грустными, то ли задумчивыми. Такой же неопределённой была и вся внешность.

— Не рановато ли для яблок?

Торговец медленно повернулся. Только тут Тэрн отметил, что кое-что примечательное в нём всё же было: пронзительно-яркие, ясные глаза.

— Не бойся, гадостью не поливал. Сам же видишь, не из Реллы товар. А в других городах такими вещами не занимаются... — он замолчал, но на лице Тэрна было написано такое внимание, что всё же продолжил: — Не то чтобы людей принципы останавливали — просто технологий нет. Хотя и принципов там побольше, чем в Релле.

Торговец чуть усмехнулся и отвёл скучающий взгляд. Откуда-то доносились громкие крики Рии.

— Неплохо вы в городах разбираетесь. А я думал, сейчас люди не путешествуют...

Мужчина молча пожал плечами. Тэрн помялся и снова попытался завязать беседу:

— А сами вы откуда?

— Из Алиара.

На лице торговца мелькнула улыбка одновременно скучающая и весёлая — у Тэрна была точно такая же, когда он знал, что мог бы сейчас соврать и соврать очень правдоподобно, но было слишком лень, да и не стоил собеседник того.

Повисло молчание.

— Бери, парень, яблоки, недорого отдам, — подытожил торговец.

Тэрн кивнул и полез за карточкой.

— А монеты есть?

— Да... где-то были...

Он уже и забыл, когда в последний раз пользовался металлическими деньгами, но по привычке носил их с собой. Только где? Наверное, в мешке, до того, как сложил туда первую часть покупок... Вздохнув, Тэрн углубился в недра мешка.

— Неплохо тебя нагрузили. Сколько брать будешь?

— Штук десять... нет, пятнадцать...

— Три монеты — и корзинку можешь прихватить.

— Да, вот.

Пора было уходить. Но их неторопливый разговор чем-то зацепил Тэрна, и он остался на месте. Он оглядел торговца внимательным взглядом. Если бы понадобилось описать этого человека кому-то, вряд

ли бы это дало толк. «Среднего возраста… среднего роста... среднего телосложения… Волосы чёрные, довольно короткие… хотя с кем сравнивать… глаза только яркие очень… умные… наверное». Ни «злые», ни «добрые», ни «заинтересованные», ни «равнодушные» — ни одно из обычных определений не подходило. Если бы не его товар, они бы, наверное, могли пройти мимо раз пять, и всё равно не заметить его... Только тут Тэрн осознал, что мужчина осматривает не менее внимательно.

— Глаза у тебя интересные, — отчётливо произнёс торговец.

— Что?

— У тебя глаза очень яркие. Сейчас такие редко встретишь.

Его тон был каким-то странным: будто эти слова значили что-то, будто это был какой-то пароль.

— Спасибо, — неуверенно протянул Тэрн.

— Не за что, — столь же равнодушно ответил торговец, Тэрн сообразил, что не знает его имени.

Он как раз собирался спросить, но Рия закончила очередной скандал и подбежала к нему.

— Ты чего застрял? Пошли, а то до ночи домой не вернёмся!

Тэрн взглянул на неё и только тут заметил, что у Рии глаза были тусклые, словно заслонённые полупрозрачной тканью. Он вопросительно поглядел на торговца. Тот кивнул ему на прощание и снова стал смотреть на небо. Но после, балансируя с ворохом покупок и корзинкой яблок, Тэрн ещё долго чувствовал на себе его взгляд.

6.2. Релла: Мир без бога

— Элька, твои яблоки, — Тэрн решил отдать их сам, не доверяя Рие. — А, и пряники тоже.

Её лицо осветилось улыбкой, и сразу стало ясно, что таким оно и должно было быть: счастье смотрелось на нём совершенно естественно, в отличие от обычного забитого выражения. И Тэрн сразу почувствовал себя радостно и легко, ощутил, что хоть что-то сделал правильно.

— Спасибо, спасибо тебе большое! Заходи завтра, я пирог приготовлю... Правда, я просила груши, но яблоки даже лучше!

Тэрн постоял с отвисшей челюстью. Потом осторожно закрыл рот, пожал плечами. Беременные! Говорят, они всегда такие. Даже рассказ на эту тему был.

Взгляд у Эльки был отрешённый, погружённый в себя: во время любого разговора она прислушивалась к тому, что происходит внутри, и это было гораздо важнее всего, что могло случиться снаружи, — может быть, от этого её красивые зелёные глаза выглядели немного потухшими.

На кухню вошла довольная Рия, впрочем, она покосилась на Эльку и сразу же помрачнела. В руке у неё был небольшой мешочек.

— Чего к парню привязалась, спиногрызка? Тебе мало, что я на тебя деньги трачу, теперь ещё из него жилы тянуть будешь?!

Элька вздохнула.

— Тебе не надоело? Я от тебя гроша не видела...

— Да?! А кто у меня двадцать монет брал на прошлой неделе?!

— Я же их вернула!

Рия хотела ответить, но Тэрн встал между ней и Элькой, и, посмотрев на его лицо, девушка почему-то промолчала. Она недовольно хмыкнула и сунула Тэрну мешочек, который держала в руках.

— Вернёшься на фабрику, передай этому идиоту.

— Которому? — Тэрн невольно ухмыльнулся такому описанию.

— Да какая разница? Они же вместе живут...

Он принял мешочек и уже встал, чтобы уйти, но наткнулся на удивлённый взгляд Рии:

— А ты спокойно реагируешь! Обычно лимита не любит... как вы их называете? Мужеложцев.

Тэрн подавился воздухом. Нет, он когда-то слышал, что такое бывает… но никогда не сталкивался. И никто из его знакомых не сталкивался. Он задумался, изумился, ужаснулся, потом пожал плечами.

— Меня всё это не касается.

Рия просияла.

— Именно!.. Смотри-ка, запомнил наконец правильный ответ!.. Ты прямо создан для нашего города. И в технике быстро разобрался, и с моралью уже не лезешь... хорошо, что ты попал к нам, на периферии растратил бы себя только. А так ничего, скоро привыкнешь, пургу гнать престанешь и будешь совсем нашим.

Тэрн вздохнул: не нравилась ему Релла; по большей части всё было нормально и всё равно не нравилась. Но Элька ободряюще улыбнулась ему через плечо Рии, и жизнь сразу показалась лучше.

Тэрн попрощался и пошёл к заводу. Пейзажи в Релле были неинтересные: к зданиям он давно уже привык, а природы вокруг почти не было. Это было так непривычно и неестественно, что временами Тэрн вырывался из города и часами бродил по окрестному лесу. Интересно было, а где гуляют местные. Та же Элька, ей ведь нужен свежий воздух...

Талек был на заводе, расхаживал из конца в конец залы. Он приветственно оскалился.

— Смотри-ка, ты пережил поход с Рией по рынку!.. Сильный ты парень, я всегда говорил.

Тэрн пожал плечами.

— Не так уж это было и сложно. Кстати, Рия просила вам передать.

Талек ощутимо вздрогнул; выхватил мешок, заглянул в него, потом вскинул глаза на Тэрна. Тот так же безразлично глядел в ответ — но это не произвело впечатления, и Талек ещё некоторое время подозрительно щурился.

— Спасибо, — наконец проронил он.

Тэрн кивнул. Он задумался: что же должно быть в этом мешке, раз Талек так реагировал? — но лишь пожал плечами и отправился к себе. Но уже расположившись на лежаке и почти засыпая, он никак не мог перестать думать. Какие были глаза у тех, кого он встретил за время путешествия?.. Были у кого-то яркие? А тусклые?.. Кажется, у Юня были очень спокойные, ясные глаза... Или наоборот, мутные?.. Тэрн тряхнул головой: с тем же успехом можно было пытаться вспомнить форму носа или ушей. Да и что это значит, яркие глаза?.. Ерунда какая-то.

Он уже практически заснул, когда в голове будто вспыхнуло: Райк! Ясные льдисто-голубые глаза, с широкой серой окантовкой у края радужки. Временами они будто светились — правда, не добротой, а волей... упрямством, стремлением сделать всё правильно и знанием того, как правильно... В каждый, каждый из таких моментов Тэрн костерил его зашоренным тупорылым дурнем — правда, обычно мысленно... а если вслух, то это кончалось весьма болезненно... да... неудивительно, что он их помнит: столько лет каждый день видел! А какими были глаза у матери?..

Тэрн вздрогнул и каким-то неведомым усилием уснул. Видимо, даже его подсознание так боялось этих воспоминаний, что предпочло не сопротивляться. Ещё секунда — и неостановим был бы поток мыслей: то, что он, казалось, давно забыл; то, что забыть никак не получалось; то, что он мог лишь предполагать, — и какие-то странные, чужие мысли, которые не мог даже представить...

***

Райк смотрел на мальчишку, а мальчишка крайне сосредоточенно глядел на цветы. Наконец ребёнок не выдержал и отвёл глаза; поёрзал на скамейке и жалко, просительно обернулся на здание вдалеке. Но оттуда никто не выходил. Он вздохнул, повернулся обратно к цветам и только тут заметил Райка.

— Привет, — выдавил тот. — Я Райк. Ты вступаешь в орден, да?

Все слова казались глупыми и лживыми, потому что Райк слишком хорошо знал, что скоро произойдёт.

— В орден?.. Ага, мама говорит, я здесь буду жить. Но недолго! Она меня скоро заберёт!

— О, — только и смог сказать Райк.

Они помолчали. Мальчик с любопытством смотрел на него и болтал ногами. Райк собрался с силами.

— Да. Конечно. Так и будет. Как тебя зовут?

Мальчик закусил губу и глубоко задумался. Брови его насупились, взгляд стал очень сосредоточенным, на лбу появилось несколько больших морщин.

— Тэрн! — наконец, вспомнил он.

Имя явно было ненастоящим. И правильно, что он его уже выбрал: вступая в орден, человек всё равно отрекался от прежних имени, дома и родных.

— А я Райк. Пойдём я покажу тебе, что у нас тут есть? — нужно было как-то отвлечь его. Чтобы смягчить удар. Взрослые считали, что это хорошо помогает.

Вот только Райк был ребёнком и ещё не мог думать о детях как о принципиально иных существах, которые реагируют на события не так, как люди. Он знал: когда **начнётся** *, нельзя будет отвлечь уже ничем. И как раз это было естественно и нормально.*

Глаза Тэрна загорелись:

— А что у вас есть?

— Арена для боев... площадки для стрельбы из лука... оружейная, там мечи и...

— Ух, ты-ы-ы... Пойдём!

Тэрн радостно вскочил, но так же резко замер.

— Ой. Я же не могу. Мне мама сказала сидеть здесь...

— А перед уходом сказала: «Посмотри, какие цветы красивые»? — угадал Райк.

— Угу, — добавил Тэрн мрачно. Видно было, что цветы уже изучены до последней тычинки.

— Поня-атно, — Райк сел на скамейку рядом. — Погоди, так твоя мама здесь?.. Странно... обычно сюда не пускают чужих...

— Моя мама не чужая! — насупился Тэрн.

Замолчали.

— Сколько тебе лет? — наконец сказал Райк, чтобы продолжить беседу, чтобы как-то отвлечь парня от происходящего, сделать вид, что всё не так плохо.

Тэрн собирался ответить, но из дома наставника вышла молодая женщина, и мальчик, забыв обо всём, побежал ей навстречу.

— Мама! Мама! Я хочу с тобой! — в голосе его было отчаяние.

В нём не было ничего от того спокойного и разумного ребёнка, с которым говорил Райк. Этот, казалось, готов был устроить любую истерику, кататься по земле и стучать в неё кулаками... Но Райк видел, что это уже не поможет.

Женщина опустилась на колени.

— Т... **Тэрн** *, я же тебе говорила. Тебе нельзя со мной. Тебе будет лучше здесь.*

— Не лучше! Не лучше!

Он изо всех сил вцепился в мать, уткнулся ей в плечо и затих. Женщина погладила его по голове.

— Милый... не переживай ты так, не переживай. Я скоро вернусь. Я буду приезжать часто-часто, каждые три дня... ну... не реже, чем раз в неделю. Я тебе клянусь!

Тэрн утёр слёзы.

— Клянёшься?

— Клянусь.

— Мной клянёшься?

— Ну милый... — она потрепала его по голове.

— А Райк сказал, что сюда никого не пускают...

— Меня пустят. Я договорилась с их наставником Лормом. Послушай... мне нужно идти как можно скорее. Веди себя хорошо. Учись, старайся. Тебе здесь будет очень интересно. А я скоро приеду. Хорошо?

Она встала, сама стараясь сдержать слёзы, и только тут заметила Райка. Он хотел вежливо улыбнуться — а вышло ненавидяще.

— А это и есть твой новый друг, да? Пойди, поиграй с ним. Он, наверное, поможет тебе здесь устроиться...

Но мальчик никак не хотел отпускать её, и матери пришлось самой подвести его. Райк вжался в скамейку. С каждым шагом этой женщины он чувствовал, как всё сильнее становится в нём ненависть, и хотелось закричать: «Не приближайся ко мне ты, ты...» — но жизнь Райка сложилась так, что он не знал подходящих слов. Гораздо позже он узнал их все, но образцовое орденское воспитание не позволяло произносить такое, и если он вспоминал их, то лишь мысленно и лишь в адрес матери Тэрна... а потом и самого Тэрна.

Женщина погладила сына по голове, но по глазам её Райк видел, что мыслями она уже за стенами ордена.

— Да! — откликнулся он неестественно весёлым голосом. — Пойдём, я покажу тебе оружейную. Ты бы видел, сколько там всего!

Женщина благодарно взглянула на него, Райк скривился в ответ. Она села рядом и серьёзно посмотрела ему в глаза.

— Ты позаботишься о моём сыне?

— Конечно.

Раз уж ты сама не смогла.

Дрянь.

Дура.

Она вздохнула, а потом добавила хрипло:

— Обещай мне!

— Обещаю, — ответил Райк, потому что это всё равно было именно то, чем он собирался заниматься. А ещё потому что хотел, чтобы она убралась поскорее; а ещё чтобы показать, что он не такой, как она, и прекрасно видит её ложь, и она может думать что угодно, но сын её никогда не простит.

Она, видимо, почувствовала его недоверие и сказала:

— Я вернусь через неделю.

Тэрн шмыгнул носом, так и не отцепляясь от неё, Райк промолчал.

С ним поступили честно. Родители умерли, его забрали в орден. Отец был очень хорошим воином, надеялись, что сын будет таким же... как бы то ни было, вне ордена его никто не ждал. Здесь был его дом, здесь была его семья, и он был невероятно благодарен ордену и наставнику.

Но были и другие ребята, те, кого отдавали сами родные. Кто-то считал, что так ребёнок достигнет большего, кому-то было слишком тяжело кормить большую семью — у каждого были свои причины; у людей всегда есть причины. У этой, наверное, тоже были. Но год за годом глядя на оставленных ребят: как сперва они радуются воспоминаниям о доме и как потом возникает негласное табу говорить о жизни до ордена, — Райк понимал, что никакие причины, никакие события не могут оправдать это. И ребёнку лучше побираться, лучше жить в лесу или в хлеву, чем быть брошенным здесь.

Некоторые из родителей не считали нужным как-то оправдываться, но остальные обещали, что скоро приедут навестить, и почему-то не через год, не через три дня, а именно через неделю. Райку иногда казалось, что существует специальная книжка, в которой рассказывается, как правильно бросать детей, и в ней советуют называть именно этот срок.

А женщина наконец отцепила сына от себя, поцеловала его в лоб и ушла, вытирая слёзы. Тэрн не рванул за матерью, как ожидал Райк, он лишь молча сидел, вытянувшись ей вслед и цепляясь за скамейку так, что руки побелели.

Когда Райк повзрослел, у него сформировалась отличная воинская интуиция, которая позволяла предугадывать любые действия противника... и больше ничего. Может быть, потому что ничто иное его и не интересовало.

Но пока Райк был ребёнком, пока ещё не цеплялся так сильно за долг и ответственность, он чувствовал гораздо больше. И с первой минуты разговора с Тэрном **видел** *. Он станет этому мальчишке самым близким человеком. Наставником. Старшим братом. Они всё время будут вместе.*

Мать Тэрна не вернётся. Он будет ждать её на этой лавочке каждую неделю. Потом перестанет. Но только с виду. В душе ещё много лет будет думать, что когда-нибудь всё же её увидит, что она просто не смогла вернуться, хотя очень хотела... А потом пройдёт и это. И он изменится. В душе останутся злость, обида, ненависть. Потом и они исчезнут — тоже на самом деле лишь внешне, но и это поймёт не каждый.

Перед глазами возникали картинки, ясные, словно воспоминания. Вот повзрослевший Тэрн сидит на лавочке и делает вид, что просто присел отдохнуть, а он, Райк всё чувствует, и ему аж сердце разрывает от жалости к, к — к брату своему маленькому. А вот Тэрн уже совсем взрослый, годами показывает, как ему плевать на всех вокруг, — но лавочки этой боится, как огня, и даже в эту часть сада не заходит. А вот они ссорятся из-за того, как отвратительно Тэрн ведёт себя со всеми, и Райк пытается объяснить, что так нельзя, что Тэрн на самом деле не такой, а тот лишь сильнее щетинится и замыкается в себе.

Может быть, тогда Райк и вправду так хорошо чувствовал людей. Может быть, он просто видел слишком много детей, брошенных в ордене. Так или иначе, всё увиденное им повторилось в точности.

***

Руки Полины как забытая песня под упорной иглой.

Звуки ленивы и кружат, как пылинки, над её головой.

Сонные глаза ждут того, кто войдёт и зажжёт в них свет...

Утро Полины продолжается сто миллиардов лет.

Наутилус-Помпилиус

Наутро Тэрн наполнил последнюю порцию бутылок и в очередной раз отработал с Литом выдув: Лит и Талек на неделе отбывали в Эрнел, так что их обязанности переходили Тэрну. После этого он был свободен: пока дел было немного, Рия взяла его в команду, лишь рассчитывая на дальнейшее расширение.

Пока же Тэрн отправился к Эльке, как и обещал. У неё уже был накрыт стол, а сама она радостно улыбалась.

— Ты одна, что ли?.. Я думал, тебе Рия поможет...

Улыбка Эльки померкла. Только сейчас Тэрн понял, что не стоило давать ей готовить: мало ли, что тяжёлое пришлось бы тащить... Рия — зараза... а сам он придурок...

— Что ты стоишь? Вот, руки помой... А теперь садись, попробуй, я же старалась!..

Тэрн послушно опустился за стол.

— Ух, ты! Действительно очень вкусно! Замечательно!

Элька счастливо улыбнулась.

— Да, я ж в пекарне работала ещё недавно. Конечно, пробовать приходилось, но я никогда не полнела... Представляешь, когда я только забеременела, все говорили: «Напробовалась».

Она рассмеялась, потом снова помрачнела.

— А почему тогда Рия говорит, что она тебя содержит?

— Потому что это Рия. Раньше я жила на то, что успела скопить, пока работала, потом... пришлось продать мамино наследство, маленький склад... А Рия собиралась использовать его под своё дело с водой, как было при маме...

Тэрн не знал, что сказать, и вскоре они сменили тему. Они говорили о детстве Эльки, о Релле, Тэрн рассказывал о других городах — и хотя в половине случаев беседа всё равно рано или поздно касалась беременности Эльки и сразу же умолкала, разговор Тэрну понравился. Элька была полна доброты: она искренне желала счастья всем вокруг — и Талеку, и Рие, и Литу... Элька была добра от сердца: она не только не притворялась доброй перед людьми, но не притворялась даже перед самой собой. У большинства людей доброта всё же навязана религией или обществом — даже когда человек понимает, что о сделанном им никто не узнает, он думает о том, что *сказали бы* люди, если бы узнали. У некоторых всё упирается в собственные представления о том, как должен поступать человек, и чужое мнение не способно сбить их с пути. Но это всё равно не доброта, ведь на деле ты помогаешь человеку лишь ради самого себя: чтобы не упасть в своих глазах, чтобы продолжать уважать себя, чтобы был новый повод для гордости...

Элька же была добра изнутри, добра потому же, почему муравей силён, а лошадь быстра — так заведено природой.

Тэрн относил себя ко второму типу людей — которые совершают добрые поступки, чтобы уважать себя, потому и не любил, когда его называли добрым. Потому же так восхищался Элькой.

— А я вот думал вчера... ты такая бледная. У вас тут, конечно, с парками беда, но ты хоть немного гулять ходишь?

Свет в глазах Эльки потух.

— Н-нет... перед людьми неудобно.

— Что?..

Она развела руками:

— Мне ж шестнадцать всего... кольца на пальце нет, мужчины рядом нет... вот все и начинают гадости говорить. Я, конечно, понимаю, что на самом деле им плевать, но... — губы у неё задрожали; как и у любой беременной, настроение у неё скакало только так.

Тэрн почувствовал, что челюсти сжимаются сами собой.

— Так. Одевайся, я веду тебя гулять.

***

Парк в Релле всё-таки был и даже недалеко от дома Эльки. Они прогуливались рядом, не особо стараясь изобразить пару, но было что-

то такое во взгляде Тэрна, что ни один человек не решался даже косо взглянуть в их сторону.

— Ты сейчас похож на завандрца, — рассмеялась Элька.

Тэрн усмехнулся. Да, в Релле ведь было не принято решать проблемы дракой. Окружающим он сейчас казался дикарём: сильным, не имеющим культуры или других внутренних ограничений, а потому непредсказуемым и опасным. Талеку, должно быть, очень нравилось играть такую роль.

— Слушай... а тебя не беспокоит, что мы обманываем людей со всей этой святой водой? Я, конечно, понимаю, что вера Айнера — такое же враньё, но всё равно...

Они опустились на скамейку: Эльке тяжело было ходить, — и она надолго задумалась.

— Немного беспокоит. Но, если честно, у меня сейчас другие заботы...

Она рассеяно погладила свой живот и снова задумалась.

— ...В конце концов, Творца не существует. Значит, святой воды от него тоже не может быть. Так что любому понятно, что это ерунда. Как, знаешь, виноград «Дамские пальчики» — никто ведь не ожидает, что ему действительно пальцы принесут. Это всего лишь название.

Тэрн почесал в затылке.

— То есть, по вашим законам это нормально?

— Ну да. Торговая марка «Святая вода».

Тэрн не прислушивался.

— Тогда почему Рия так забеспокоилась, когда думала, что я могу кому-нибудь рассказать?

— Она боится конкуренции... то есть, что кто-то ещё займётся этим делом и у неё будет меньше денег.

— А что, никто до сих пор не занимался?..

— Мама... а так никто не додумался... у нас ведь не верят в этого Творца, так что никому не пришло в голову, что это может такие деньги приносить... правда, здорово?

— Угу, — буркнул Тэрн. — А почему тогда у вас такие старые механизмы, такой старый завод?..

Элька спокойно вздохнула.

— Когда мама умерла и Рия только начала этим заниматься, то перестала скрывать, сколько мы зарабатываем... скоро узнала

налоговая, стали копать... пришлось заплатить очень много денег... так что теперь мы вернулись к тому, с чего начали: мама никогда не позволяла нам жить богато... Рию это так злило...

— А тебя?

— Счастье не упирается в деньги, — Элька улыбнулась. — Есть что есть, есть где жить, всё хорошо — зачем изыски?

— И «есть что читать», — добавил Тэрн.

Они понимающе переглянулись. У неё было такое милое круглое лицо, что ему пришлось опустить взгляд вниз и напомнить себе, что перед ним беременная женщина, за ней не приударишь, не поухаживаешь... А почему, собственно? Что, беременная — не женщина? То есть, сейчас, конечно, ничего не выйдет, но ведь когда-нибудь она родит, и... Тэрн покраснел.

— Ладно, давай я тебя обратно провожу, а то, наверное, Рия волнуется, да и тебе тяжело ходить, а ещё с непривычки может нехорошо стать...

Элька удивлённо покосилась на него, но возражать не стала.

Дома их встретила как всегда недовольная Рия. Она вскочила и Тэрн понял, что ошибся: Рия была недовольна гораздо сильнее, чем всегда, да ещё и очень встревожена.

— Тебя где носит! У нас возле завода какие-то фраера бродят, а ты тут ходишь!

— Кто бродит?

— Посторонние, — объяснила Элька.

— Иди к себе, дура... Тэрн! Возвращайся на место, пожалуйста... Ещё не хватало, чтоб у нас идею стащили! А уж если кто-то расскажет, чем мы занимаемся, монахам… — Рия застыла.

Тэрн пожал плечами.

— Понял, понял. Пока, Элька. Рия... — он кивнул на прощание и торопливо вышел, опасаясь, что она взорвётся от нетерпения.

6.3. Релла: Разоблачение

На заводе Лит снова ссорился с Талеком. Как и всегда, Талек ухитрялся бить по болевым точкам, а слова его становились всё грубее и грубее. Тэрн поморщился, услышал от завандрца парочку совсем уж жёстких оскорблений и невольно бросил:

— Давайте полегче...

Талек злобно покосился на него, он явно уже не владел собой — это было ясно и по расширенным глазам, и потому что в обычном состоянии к Тэрну он не лез.

— Тебе заняться нечем?! Катился бы к своей...

Тэрн сделал шаг вперёд. Талек осёкся.

— ...Эльке, — миролюбиво закончил завандрец. Что-то во взгляде Тэрна мигом привело его в чувство. — Пойду посторожу.

И он быстро покинул комнату. Лит с ненавистью поглядел на Тэрна.

— Ты в прошлый раз мало подгадил?! Зачем ты влез, он теперь гораздо злее будет! Никогда, кретин, промолчать не можешь!

Он вылетел вслед за Талеком.

Тэрн молчал. Да, дружище, в этом городе тоже никому не нужно чинить крышу. Он зажмурился и пообещал себе, что в следующий раз ни за что лезть не будет.

Он криво ухмыльнулся и проследовал на кухню: достал бутылку из холодильника, открыл и чуть пригубил пиво. И сразу пришёл в себя — настолько омерзительным был напиток. Это было то пиво, которое Талек принёс ему взамен услуги. Очевидно — самое-самое дешёвое. Странно было ожидать чего-то иного…

Тэрн поставил бутылку обратно и вернулся к себе. Даже напиться не получается!.. Выяснять отношения с Талеком не имело смысла: он сам был виноват, что не догадался, хороший будет урок на будущее.

Тэрн разлёгся на своём лежаке и закинул руки за голову. Да, жаль, что нельзя сегодня уйти. Он бы к Эльке сходил... а так уродов этих целый день слушать. Что за посторонние такие, которых боится Рия?.. Охота же кому-то возиться с этой ерундой, выслеживать, выведывать… И чего добьются? Ну начнут тоже воду продавать, ну

сделают на этом деньги… так ведь точно так же узнает кто-то ещё, две-то компании сложнее скрыть… и чем больше их будет становиться, тем меньше будет прибыль.

Или их просто из зависти заложат монахам? Или завандрцам? Неизвестно даже, что хуже, завандрцы такие религиозные и так не любят, когда их дурят… а монахи хоть праведников строят, но злопамятные до жути… уж умер давно тот, кто отомстить собирался, а остальные всё равно не отвяжутся… да, не зря Рия боится. Только что делать, непонятно: снаружи караулить — только внимание привлекать, а здесь сидеть… не подготовишься, если что-то серьёзное затеют.

Чем больше времени проходило, тем сильнее не нравилось Тэрну их положение. Действительно, вломятся сюда человек шесть — и что они втроём сделают, если один из этих троих Лит?.. Но и сторожить снаружи смысла не имело, даже Талек бродил лишь внутри — иначе сразу стало бы ясно, что именно здесь находится что-то интересное. Следить из соседнего здания? Это был заброшенный район с такими же полуразвалившимися заводами, мало ли кто мог там обитать… но может быть, стоило попробовать. По крайней мере, выглянуть на улицу точно можно было.

Тэрн подхватил куртку и осторожно пробрался мимо кухни. Оттуда снова доносились раздражённые голоса Лита и Талека.

Искомое он обнаружил в первую же секунду. Посреди двора стоял парень с картой. Он некоторое время изучал один из заводов, потом приложил карту к стене и что-то на ней написал. После этого он повернулся к другому зданию и стал осматривать его. Тэрн был почти уверен, что это тот самый шпион.

Что с ним делать? Оглушить, затащить куда-нибудь и допросить? А куда? На заводе он увидит слишком многое — что его потом, убивать, что ли? А если здесь в укромный уголок между заводами, так по закону подлости обязательно же кто-нибудь мимо пройдёт.

Стоял парень к нему спиной, Тэрн видел его коротко стриженный светлый затылок. Надо хоть лицо разглядеть, чтоб потом рассказать остальным. Тэрн аккуратно подкрался к парню — не издав ни звука, наставник бы им гордился — оскалился и схватил за ворот. И заботливо спросил:

— Заблудился?

Шпион рванулся из его рук, но Тэрн толкнул его в стену, разворачивая лицом, — и уже собирался заехать под дых, но замер.

— О, привет, Тэрн, — как и всегда спокойно и благожелательно заметил брат Юнь.

Даже лицом к лицу узнать его было сложно. Он был одет в широкие штаны из странной релльской ткани и крупную чёрную кофту с капюшоном; но надо всем этим возвышалось то же довольное круглое лицо, а из труб-рукавов торчали пухлые маленькие ладошки.

— Ты… ты откуда здесь?..

Брат Юнь улыбнулся.

— Да вот занесла судьба. А ты всё это время здесь жил? Мне сказали, ты от нас в Реллу поехал. Обустроился?

— Да, я... — Тэрн потряс головой, приводя мысли в порядок, — обустроился. Ну а ты зачем сюда приехал?

— По делам, — брат Юнь снова улыбнулся, но глаза его остались серьёзными. — И чем ты теперь занимаешься?

— Да так... ерундой всякой.

— Понимаю. Маленькая, но нужная работа, да? Мебель перевезти... воду по бутылкам разлить... иногда склад какой-нибудь посторожить...

Тэрн тоже улыбнулся одними губами.

Они помолчали.

— Ты один приехал? Или с Андой? Или *ещё с кем-то?*..

— Ты что, брата Анду в Реллу брать нельзя! Сначала он будет ужасаться местным порядкам, потом бросится проповедовать, его побьют, и все оставшиеся дни он просидит в гостинице, насупившись и читая молитвы.

Тэрн улыбнулся, на этот раз искренне.

— Это точно... как он там? Не обижается на меня? Я когда уезжал, много лишнего ему наговорил... и тебе...

— Нет, что ты. Переживает очень, как ты здесь. Молится за тебя. Он тебе подарок передал... но ты ему не обрадуешься.

Тэрн помедлил.

— Молитвослов?!

— Молитвослов.

Брат Юнь дал Тэрну переварить эту информацию и продолжил:

— Но я его, конечно, с собой не взял: не ожидал тебя встретить. Ты где остановился? Давай я занесу.

— Нет! У меня будет неудобно. Давай... встретимся в баре — так здесь трактиры называются — на Центральной улице. «На куличиках». Сегодня, в восемь... а сейчас мне работать нужно, ты уж извини.

— Да, мне тоже.

Он аккуратно сложил карту и убрал её в карман своих огромных штанов. Тэрн отступил на пару шагов, давая ему дорогу, и лишь потом спохватился:

— Погоди, у тебя карточка-то есть? Давай я тебя хоть в гостиницу устрою!

— У меня всё есть, Тэрн. Спасибо.

«Интересно, откуда это. Учитывая, что документы приезжим оформляют только по запросу кого-нибудь местного, а монахов или хоть верующих здесь нет...»

Брат Юнь кивнул ему напоследок и неторопливо пошёл к выходу из двора. Из-за его широких размеров и огромной одежды он был похож на большой сине-чёрный шар.

Тэрн поглядел ему вслед, потом спохватился и рванул обратно на завод.

***

Ты можешь объехать за несколько лет
Испанию и Византию — весь свет!
Кого б ты ни встретил в заморских краях,

Счастливее всех босоногий монах...

Вальтер Скотт

— Брат Юнь, говоришь... Юнь... — повторил Талек. — Что-то очень знакомое...

— Какая разница! Надо просто заманить его куда-нибудь и... — Рия провела пальцем по горлу.

— Да? И кто этим займётся, ты или Лит?

Рия перевела выразительный взгляд с Тэрна на Талека.

— Не я, — спокойно заметил Тэрн.

— И не я! — округлил глаза Талек. — Я завандрец, я верующий человек! Как я руку на монаха подниму?!

Лит закатил глаза. Рия помрачнела.

— …Более того, — продолжил Тэрн, — если даже ты найдёшь того, кто согласится это сделать, в драке я буду не на вашей стороне.

— И что тогда делать?!

— Пока не знаю. Но мы хотя бы выяснили, кто под нас копает! Если б это были конкуренты, придумывать бы надо было совсем другое…

Рия вскочила и заметалась по комнате:

— Ты понимаешь, что с нами сделают монахи?!

— Ты же знала, на что шла.

— Нет, нет, так нельзя, — не слушала она. — Надо как-то доказать им, что мы доставляем воду из родников Каммены… здесь просто изготавливаем бутылки, а воду привозим оттуда. Нужно какое-то оборудование… большая канистра, лучше цистерна… нет, её туда не довезёшь… что же делать…

— Да хватит и бутыли, — произнёс не Тэрн и не Талек.

Лит вздрогнул. Все обернулись на голос — в дверях комнаты стоял брат Юнь, столь же спокойный, сколь и всегда.

— Ты знал… ты с самого начала знал, что я позову Рию… ты знал, что мы здесь делаем… и специально дал мне это понять, — пробормотал Тэрн.

— Выбора у тебя особо не было: либо её позвать, либо к ней пойти…

Все растеряно поглядели друг на друга.

— И что теперь? — первой собралась с мыслями Рия.

Брат Юнь неторопливо прошёл к ним и огляделся в поисках, куда бы сесть. Но сесть было некуда, и он опустился на стол — тот натужно скрипнул.

— Во-первых, посмотрите в окно. Это чтобы не было недоразумений.

Тэрн покосился на Лита, который сидел к окну ближе всех. Тот перевёл взгляд на Талека, но Талек задумчиво, словно бы что-то вспоминая, глядел на Юня. Тэрн вздохнул, вскочил на коробки в углу и выглянул в маленькое окошко под потолком. Как он и ожидал, во дворе завода крутилось человек пять — и это только с этой стороны. Все они были настроены решительно.

— Понятно. А что во-вторых?

— Во-вторых, если недоразумений не возникнет, то, думаю, мы вполне сможем договориться.

— Договориться?.. — ошарашено повторил Тэрн.

— Как? — перебила Рия.

— Нам нужен образец воды из родников Каммены. Но заходить туда… люди боятся. А у вас нет выбора. Принесёте нам её, и мы готовы не обращать внимания на вашу маленькую лабораторию. Да, и вам придётся снизить цену: твоя мать хоть знала меру и умела её соблюдать...

Рия просияла, но Тэрн не дал ей ответить.

— То есть вы в курсе того, как здесь всё происходит, — тихо проговорил он, — давно в курсе! И ты позволишь этому продолжаться? Ты, монах?! Люди последние деньги порой отдают, надеясь, что эта вода их исцелит, спасёт, а… — он замолчал, не в силах подобрать слов.

Брат Юнь спокойно поглядел на него и, словно маленькому мальчику, сказал:

— Исцеляет не вода, Тэрн. Исцеляет вера.

Тэрн скривился и с омерзением отвернулся.

— А как мы узнаем, что ты договоришься со святыми отцами, — вдруг сказал Лит. — Может, ты нас кинешь? Мы доберёмся до самой Каммены, а потом нас всё равно всех повяжут и…

— Договорится, — произнёс Талек. — Я его вспомнил; он сын прежнего завандрского настоятеля. Сейчас тот служит в Серебряном Храме Айнера. Так что… договорится.

— Ты поэтому выкрутился, когда я победил на Состязаниях? Я ещё думал, как ты решился…

— Ты победил на Состязаниях Веры?! — ошалело переспросил Талек.

— Благодаря ему, — Тэрн хмуро кивнул на брата Юня.

— Да, пожалуйста, — улыбнулся тот в ответ, — твоя благодарность к людям, которые тебе помогают, всегда не знает границ.

Тэрн мотнул головой. И признался:

— Я понимаю, что должен тебя поблагодарить. Но иногда хочется в тебя плюнуть.

— Ребят, я понимаю, что у вас очень интересная психологическая беседа, но, может, вернёмся к делу?! — перебила Рия. — Что от нас требуется? Просто принести бутыль воды?

— Если это просто, — поправил Юнь. — Впрочем, я почти уверен, что так и будет.

— Дотуда ещё никто не добирался, — пробормотал Лит. — Ни одна экспедиция… В газетах писали, что…

Рия с размаху заехала ему локтём под рёбра и мило улыбнулась.

— В газетах писали всякие глупости. А ты и веришь. Ну, не добралась экспедиция! У них просто оборудования хорошего не было, да и карты леса нет.

Она бросила взгляд на Тэрна. Тот холодно улыбнулся и произнёс:

— Так у вас тоже повторяют эти глупости?.. А я думал, их рассказывают только вдалеке от Реллы — те, кто в саму Каммену и не пытался попасть.

— Ой, да дураков везде хватает! — с той же безмятежной улыбкой заявила Рия и вдруг стала поправлять причёску, старательно не глядя на Тэрна.

Он перевёл взгляд на Талека, потом на Лита. Лит ерошил волосы руками и нервно кусал губы; он явно был готов идти под суд за мошенничество, столкнуться с гневом айнерцев, — но не идти в руины первого города. Талек развёл руками.

— Что ж, видно, идём мы с тобой.

Тэрн хмуро кивнул. Каммена… про неё ходили разные слухи. Что люди могли неделями, месяцами блуждать по лесу, но так и не найти её — но как только решали повернуть обратно, выходили в тот же

день. Что в этом лесу встречались волшебные создания — но поймать их было невозможно. Что далеко не все могли придти в себя после увиденного и так и рассказывали до конца жизни странные небылицы…

А теперь они хотят отправить туда его. Да и сделать вид, что никаких сложностей здесь нет.

— Я думаю, что идти имеет смысл только Тэрну, — вдруг произнёс брат Юнь.

— Почему это?

— Не знаю. Мне кажется, что только у тебя есть шанс дойти.

Тэрн посмотрел на него. Может он знать, что Тэрн — герой из Пророчества?.. Да нет, откуда! Догадался?.. Нет, не мог…

— Смешно! И что мне взять с собой? Чего такого не хватило предыдущей экспедиции?

— Ничего. Ну, еды на пару дней. И бутылку пустую, конечно же. И обычной воды много, а то захочешь пить и всю священную воду истратишь...

— Так исцеляет же не вода?

Юнь только улыбнулся.

Рия умоляюще глядела на него. Взъерошенный Лит по-прежнему выглядел перепуганным. Талек чесал в затылке.

— А, что с вами делать… надо — схожу… в крайнем случае, выведет меня обратно — что тут страшного?

Все облегчённо вздохнули.

***

Громкое ворчание Рии предупредило о его приходе куда лучше, чем мог он сам, но Тэрн всё же постучал — и, дождавшись «Можно!», распахнул дверь. Запыхавшаяся Элька выдохнула и улыбнулась. Судя по чуть криво застеленному покрывалу и задвинутой в угол очень шаткой стопке книг, она убиралась здесь в последнюю секунду.

— Тэрн! Что же ты не предупредил, что зайдёшь? Я бы хоть комнату в порядок привела. И себя… — она хихикнула, посмотрев на свою старую широкую футболку.

Как и всегда, когда Элька улыбалась, он и сам невольно расплылся в улыбке.

— По-моему, всё отлично.

Тэрн обвёл взглядом комнату. Она была выдержана в спокойном, классическом для Реллы стиле: бежевые стены и мебель, светлые шторы — но в каждом углу были вещи, напоминавшие о детстве. Мягкая игрушка на кровати, картины с волшебными животными на стенах, на двери разноцветными мелками был нарисован какой-то пейзаж, и главным в нём было огромное разноцветное солнце… Она же совсем недавно ребёнком была — если и перестала им быть! А скоро сама матерью станет… Да, не угадаешь судьбу…

— Я попрощаться зашёл, — объяснил Тэрн. — Тебе Рия не сказала?.. Я в Каммену завтра ухожу.

Глаза Эльки стали круглыми и очень испуганными.

— Ты что! С ума сошёл? А как же я? А как же все?! Там опасно!

Тэрн пожал плечами:

— Для дела нужно. Мы уже всё в дорогу даже собрали…

Она схватила его за руку:

— Пожалуйста, не ходи!..

Беспокойство в её зелёных глазах было таким приятным. Тэрн подумал, что за него давно никто так искренне не переживал. Волосы Эльки были чуть встрёпаны, но Тэрн подумал: зря она переживает, что не успела привести себя в порядок. Она и сейчас была очень красива, разве что не лучше, чем всегда.

— Тэрн, пожалуйста! Оттуда же никто нормальным не возвращался! Люди знаешь как странно себя ведут, если в этом лесу хоть пару дней пробудут?

Он хмуро улыбнулся:

— Раз так, мне мало что грозит.

Элька так же резко успокоилась.

— Но в тебя я почему-то верю… да… я верю, ты вернёшься и всё будет в порядке! — она снова засияла улыбкой. — Когда ты возвращаешься? Я тебе пирогов напеку…

Тэрн почувствовал, как на душе становится легче, а мысли о Каммене отходят на второй план.

— Понятия не имею… но ты жди, постараюсь побыстрее!

Они помолчали. Элька всё так же улыбалась и в комнате словно бы становилось светлее. Тэрн глубоко вдохнул и очень осторожно начал:

— Я… спросить хотел. А что ты… ты… думаешь делать, когда родишь? То есть, где-то работать?.. на что жить?.. Тебе платят какое-то пособие, да?.. Я слышал, оно маленькое… тебя Рия будет содержать? Или как?.. Я просто подумал: тяжело же очень работать с ребёнком… Я… когда ты… если вдруг что, то…

Он окончательно сбился и неожиданно для себя покраснел. Элька изумлённо смотрела на него.

— Но я же не буду растить ребёнка. Я оставлю его в роддоме, вот и всё.

Тэрн молчал долго, несколько минут, наверное. Элька, видимо, почувствовала, что нужно что-то сказать:

— Ему там хорошо будет. Там ему дадут хорошее образование, он будет жить в нормальных условиях… в детском доме ему будет гораздо лучше. А я скоро буду свободна!

Тэрн всё так же молчал. Он думал о том, как считал эту девушку чистой, светлой, доброй, как хотел ей помочь... Он покачал головой и совершенно спокойно произнёс:

— О Творец, какой же я идиот.

Тэрн развернулся и пошёл к двери.

— Тэрн, ты чего?.. — раздался сзади расстроенный голос Эльки. — У нас так все делают…

Он оперся на дверь.

— О чём ты? Что ты делаешь? Ты же не такая. Ты сама потом переживать будешь.

Лицо её страдальчески исказилось:

— Но я не смогу дать ребёнку нормальную жизнь! Что ему, в нищете жить?..

Тэрн склонил голову и заговорил, и голос его был таким, что Элька отступила шага на три.

— Сын твой вырастет — до конца жизни тебя проклинать будет. «Чтоб ты сдохла», — каждую ночь перед сном думать будет, чтоб ты

сдохла…

Элька испуганно смотрела на него. Тэрн пригляделся. До этого момента он обращал внимание лишь на её улыбку, и она была такой искренней, такой тёплой, что и глаза её казались такими же светлыми и тёплыми. Но только сейчас Тэрн заметил, что глаза у неё, хоть и красивые, но всё равно несколько тусклые.

— Ты же знаешь, чувствуешь ведь, что это неправильно!.. но… как говорят у вас в Релле, это не моё дело. Не хворай.

Он вышел и аккуратно притворил за собой дверь.

***

Местячковые каноны псевдобратии своей
Выдают за эталоны общепризнанных идей,
Я ушёл из зоопарка, я хочу найти людей:
До свиданья.
Филигон

В комнате Тэрн ещё долго лежал, глядя в потолок. Прошло, наверное, несколько часов, прежде чем он смог закрыть глаза — и всего пара минут, прежде чем снова распахнул их. Из соседней комнаты раздавались крики — в основном, Талека, кажется, он был пьян. Тэрн не хотел прислушиваться, но против воли слышал.

— Какого ты опять нализался?! Тебя и так рядом нет почти, а когда бываешь, то либо пьян вот настолько, либо под наркотой своей! Что, думаешь, я не знаю, что тебе Рия опять передавала?! И с кем ты её скурил?! Скажи, с кем?! Где ты был опять? И почему ты… ты… у тебя что, опять помада на рубашке?!

Талек отвечал ему таким отборным матом, что Тэрн даже зажмурился. На шестом предложении промелькнула мысль: «Может, записать?» — но Тэрн не смог вспомнить ни одного человека, которому он мог бы повторить такое. Даже к матери своей он относился не настолько плохо.

Ссора за стеной становилась всё громче и яростнее и закончилась... ударом. Из комнаты доносились крики: яростные — Талека и взвизги Лита; они мешались со звуками ударов. Тэрн подорвался кинуться туда, но остановился. Главное правило Реллы: не лезь не в своё дело. Лит сам ему это не раз повторял.

...Истеричные, страдальческие крики за стеной как по сердцу резали. «Да он убьёт его сейчас!»

Может, всё-таки вмешаться?.. Но... судя по тому, что кричал Лит, всё это происходило уже не в первый раз. А если так, и он ничего не меняет — видимо, его и впрямь всё устраивает. Он ведь сам всё время просит не лезть...

Наконец, всё стихло. Талек завалился спать. Полчаса ещё раздавались тихие всхлипывания Лита, иногда их прерывал звучный храп. Наконец, заснул и Лит.

А Тэрн ещё долго смотрел в потолок и отрешённо думал.

«У Эльки всё-таки очень красивые глаза...»

«Эти два урода… интересно, они действительно… хотя нет. Неинтересно».

«Неужели Элька правда бросит ребёнка?.. Как мать может такое сделать?..»

«И почему Лит это терпит...»

«А может, они оба правы? Может быть, Эльке и впрямь лучше оставить ребёнка где-то ещё. Действительно, ей шестнадцать всего, как она его обеспечит? Будут жить впроголодь… Может, и у моей матери такие причины были?.. Может, так лучше было?..»

«Нет!» — подумал он уже почти во сне.

«Нет таких причин, чтобы детей бросать».

***

Алисия пронеслась по комнате, закидывая в мешок оставшиеся вещи.

— Мам, а нам обязательно уходить?..

— Да.

Нет, нож рано убирать… пока еду надо взять. Творец, помоги мне!

— Но Дар обещал научить меня играть в стайки!

— Мне жаль.

Деньги — взяла. Еды... столько хватит. Одежда? Не нужна, только замедлит. Эх, нет, Тиму надо хотя бы рубашку взять, он же извозится, да и...

Раздался стук в дверь.

Алисия поймала взгляд Тима и приложила палец к губам. Выражение лица у неё было уж очень страшное, да и привык Тим к подобному — он весь сжался и даже перестал дышать. Алисия схватила со стола нож и подошла к двери.

— Кто там?

— Лисси, это я, Нета! Ты муки не одолжишь? Дар, представляешь, ухитрился всю потратить, и не говорит ведь, куда дел, остолоп маленький...

Алисия положила нож на столик у входа и приоткрыла дверь. Нета была одна.

— Одолжу. Подожди.

— Ой, у вас что-то случилось? Едете куда-то?..

— Да. В Кивиш. Навестить родных. Вот мука.

— Спасибо! — Нета приняла горшочек. — Какая-то ты совсем убитая! И говоришь странно...

— Я не убитая! — воскликнула Алисия громче, чем ожидалось. — Ой… прости, тётушку хоронить еду, очень расстроена, совсем не хочу разговаривать. Если кто-то будет спрашивать, я вернусь через неделю. Ровно через неделю!

Она выпроводила Нету и вернулась в комнату. Рубашку взяла. Еду взяла. Деньги...

Привычный к подобному Тим уже снова играл в солдатики.

***

Зря ты вьёшься, ворон чёрный с позументом голубым:
Не хочу я быть почётным, а хочу я быть живым,
Кто со мною, догоняйте, и скажите остальным:
«До свиданья!»
Филигон

Лит забился в угол кухни и тяжело, со всхлипами, дышал. Тэрн ничего не сказал ему — да и что тут можно было сказать.

Не допитая вчера бутылка сейчас была почти пустой.

— Пиво у тебя отвратительное, — произнёс Лит.

— Талек принёс.

— А-а, тогда понятно, — зло пробормотал Лит. Он поморщился и потёр скулу.

Тэрн помолчал, глядя на него, а потом всё же не выдержал:

— И что, это правда стоит того?

Лит вспыхнул.

— А тебя что не устраивает? Что он меня бьёт? Нет, иначе бы ты вмешался! И будь на моём месте девка, ты бы вмешался!..

Тэрн хотел сказать, что он бы и так вмешался, если б ему не говорили столько раз не лезть, но Лит не замолкал:

— Вовсе нет! Это только из-за того, что мы оба мужчины! Давай, расскажи мне, как это неправильно! У вас, лимиты, всегда аргументы одинаковые. Сначала ты скажешь, что это против природы, потом, что это против того, как устроил мир Бог, потом, что таким образом я развращаю общество, подавая плохой пример детям...

— А это всё не так? — пробормотал Тэрн.

— Нет! — Лит начал ходить по кухне. Он размахивал руками и эмоционально, очень уверенно говорил — синяк на скуле только впечатление портил.

Против воли Тэрн стал вслушиваться: благо, Лит сам поднимал возражения и опровергал их, а монолог его звучал красиво и логично. Тэрн слушал так целых десять минут, а к концу их с изумлением осознал: Лит повторяет чужие слова. Его возражения на разные аргументы были логичными и довольно справедливыми, но полностью противоречили друг другу. Это была мешанина чужих разговоров, мешанина, из которой ухватили лишь самое основное и подходящее, и если у Лита не было раздвоения личности, выдумать такое он не мог. Даже специально — иначе заметил бы несоответствия. Осознав это, Тэрн перестал слушать и погрузился в свои мысли. Наконец, его внимание привлекла непривычная тишина. Лит стоял и победно смотрел на него.

— А?! Что ты на это скажешь?

Тэрн кивнул:

— Ты совершенно прав. Я и сам заметил, какие у вас высокие отношения.

Лит вспыхнул, хотел разразиться ещё одним монологом, но Тэрн продолжил:

— А насчёт твоих слов… найди тех, кто напел тебе это, и плюнь им в лицо. Каждому. Это **не** нормально и зря ты так старательно учил, как доказывать иное.

Лит неожиданно смущённо опустил глаза. По выражению его лица стало очевидно, что Тэрн попал в точку. На счастье обоих, через пару минут в кухню вошла Рия. Она бросила на диван мешок с едой и нетерпеливо поглядела на Тэрна:

— Что сидишь?! Готов?

Он кивнул, и она за руку потащила его к выходу. Во дворе ждал брат Юнь. На этот раз он был одет в деловой костюм; рядом с ним стояло ещё несколько монахов в таких же чёрных костюмах, и Тэрн против воли криво ухмыльнулся.

— Всё? — благожелательно спросил Юнь. — Да пребудет с тобой благословение Творца.

— Ты ещё святой воды в дорогу дай, — процедил Тэрн.

Он отступил на пару шагов, но брат Юнь всё равно благословил его.

— Как же ты меня, грешника неверующего, благословляешь? Нехорошо ведь.

— Чтобы быть угодным Творцу, необязательно в него верить. Достаточно соблюдать его заповеди.

После этого он вручил Тэрну небольшую красивую книгу. «Молитвослов», — значилось на её обложке.

— Что за... а, от Анды. Оставь себе.

— Это же подарок, — улыбнулся Юнь, — сделанный от чистого сердца. Ты не можешь отказаться. Но это хороший молитвослов, здесь собрано много полезных молитв.

Тэрн ухмыльнулся.

— Ладно, пошёл я.

— Пошёл ты, — согласился Юнь.

Тэрн окинул собравшимся прощальным взглядом. По счастью, Талек спал, а Лит не стал выходить с завода, так что осталось лишь кивнуть Рие и Юню с его монахами.

7.1. Каменна: Забытый город

Боже мой, я к Тебе
Прихожу, как обычно.
Ты прости, что давно
Не видал Тебя лично…
Геннадий Вербицкий

У меня было, наверное, самое счастливое детство во всём Алиаре. Множество братьев и сестёр, очень дружная семья. Мы выросли на ферме и вся наша жизнь была связана с ней. Меня устраивало, я и не хотел иного. Мне нравились наши огромные сады: я мечтал, что продолжу дело родителей, буду работать на ферме и продавать урожай, когда-нибудь женюсь, заведу детей, и они тоже унаследуют плантацию... Я был очень скучным человеком.

Однажды, пока мы с отцом торговали в Дейнаре, на ферму напали бандиты. Все мои родные были убиты. Наши сады — сожжены. Отец не выдержал вида фермы и умер, схватившись за сердце. Я, к сожалению, был сильнее.

Что было делать? Мстить? Я бы не справился. Да и что бы это дало? Это не вернуло бы родных к жизни, не воссоздало бы ферму — а чтобы посадить такой сад заново, не было ни денег, ни сил... да и зачем он нужен был, без моей семьи?

Моя жизнь кончилась в этот момент. Куда бы я ни смотрел, чем мне ни предлагали заниматься — ничто не интересовало меня. Я хотел покончить с жизнью. Мне больше нечего было делать на земле.

К сожалению, я был очень верующим человеком, а самоубийство — большой грех. Что оставалось делать? Я взмолился. «О великий, всемилостивый Творец! Я ничего не хочу для себя. Прошу Тебя, скажи, что я могу сделать для Тебя: для людей, для мира — или забери наконец мою жизнь...»

И Творец ответил мне.

***

Не могу я понять,
Как Тебя ищут люди,
Как же мне им сказать:
«Люди, счастья не будет!»
Почему до сих пор
Столько не понимаю?
Дай мне встречи с Тобой —
Я тебя умоляю!
Геннадий Вербицкий

Лес вокруг ничем не отличался от всех, виденных Тэрном. Такие же деревья, такие же кусты, та же трава и те же птицы. И чего так боялись люди? Вечно выдумывают всякие ужасы... Но в глубине души Тэрн и сам был напуган. Что, если нечто ужасное уже произошло? А он просто не заметил? Может, какой-нибудь монстр крадётся вслед за ним? Может, на него пало проклятье, и когда он вернётся в Реллу, то будет медленно сходить с ума? А может, он и вовсе никогда не выйдет отсюда?.. Нет, все же выходили... как только ты решаешь повернуть назад, неведомая сила отпускает тебя, и ты к вечеру выходишь из леса... а вдруг в этот раз не сработает?!

Тэрн тряхнул головой, пытаясь привести мысли в порядок. Будто мысли — маленькие фигурки в голове и от встряски они ложатся иначе... Но даже если так, сложишь ли фигурки аккуратно, просто встряхнув коробку?

— Хи-хи, — раздалось у его левого уха.

Тэрн вздрогнул. Показалось!

— Хи-хи, — повторили в правое ухо.

Он стал лихорадочно озираться, но так никого и не увидел. Через минуту от его плеча отделился маленький светящийся и переливающийся шарик. На секунду шар замер и Тэрн увидел крошечную женскую фигурку, — но потом она снова заметалась и слилась в единый поток света. После чего умчалась вдаль.

— Т-т-т-твою мать... — крайне неожиданно для себя Тэрн выяснил, что порой заикается.

Он глядел вслед фигурке несколько минут. Потом взял себя в руки и медленно побрёл дальше. Допустим, ему показалось. Тогда вопрос — почему? Он не страдал от бессоницы в последние дни, не ел ничего

из местных ягод и фруктов, не испытывал нервных потрясений — никакого повода для галлюцинаций. Значит, он сходит с ума. Как и все, кто когда-либо забредал в этот лес. Началось...

Хорошо, а если ему не показалось? Что это было? «Это была фея», — совершенно спокойно ответил себе Тэрн; мысленно дал себе по уху и стал искать другой ответ. «Это был... светлячок-переросток. Да, светлячок-переросток со сбитым режимом дня. Он... светит, когда светло и спит ночью». И, окончательно успокоенный, Тэрн пошёл дальше.

***

Тэрн шёл до самого вечера, толком не останавливаясь, чтобы поесть или отдохнуть. Страшновато было останавливаться: вдруг появятся другие светлячки-переростки? Порой он слышал вдалеке тот же звонкий смех, а иногда за спиной раздавался тихий, глухой шёпот — но когда Тэрн оборачивался, позади были лишь деревья.

К вечеру деревья заметно поредели. Тэрн удивился: вглубине как раз должно было начаться ядро леса, чаща должна была становиться гуще... неужели он возвращается к городу?! Он достал из мешка выданный Рией компас. Тэрн сверил направление: нет, север был позади, он по-прежнему шёл на юг. Он устало потёр затылок. Странный какой-то лес... не такой, чтоб с ума сходить, но всё равно... странный.

Тэрн в последний раз бросил взгляд на компас и уже готов был убрать его в мешок, но замер: север был слева! Он шёл на восток! Пока Тэрн пытался закрыть рот, стрелка неторопливо переместилась и стала так же уверенно показывать направо.

Магнитная аномалия. Ничего особенного.

Стрелка на его глазах загнулась вверх, медленно поползла в обратную сторону и наконец свернулась в красивый металлический цветочек.

Тэрн осел на землю.

Он просидел несколько минут, потом протянул руку к мешку и, немного порывшись, вытащил оттуда привычный бурдюк с водой и куриную ножку. Определённо, давно пора было сделать привал.

Тэрн медленно жевал и ни о чём не думал. Голова была совершенно пуста от мыслей и воспоминаний. Наконец, он аккуратно полил водой руки, но так и не смог встать, чтобы идти дальше. Тэрн посидел несколько минут, потом пошарил в заплечном мешке, чтобы найти компас, но вместо этого наткнулся на данную Юнем книгу.

Тэрн так же бездумно посмотрел на неё. На обложке было привычное изображение Дэйниэла-Творца: мужчина среднего возраста с суровым, закалённым в битвах лицом и серьёзным взглядом, словно бы пронизывающим вас насквозь.

Тэрн пролистал книгу.

«Какие бы я ни получал известия в течение дня...»

«Не оставь меня в болезнях моих...»

«Ты бо воистину злых сердец умягчение...»

На одной странице взгляд его задержался.

«О чём молить тебя, чего просить у тебя? Ты ведь всё видишь, всё знаешь и так. Посмотри мне в душу и дай то, что ей нужно. Ты, всё претерпевший, всё премогший — всё поймёшь. Ты один знаешь всю высоту радости, весь гнёт горя. Мировая пропасть, я читаю молитвослов!»

Глаза Тэрна изумлённо расширились и он захлопнул книгу. Ну и ну! Действительно, странно этот лес на людей влияет. Так, ему нужно было на юг. Мох с этой стороны, значит, идём вон в ту.

Тэрн подскочил и заторопился вперёд. С компасом он сверяться не стал: если бы стрелка снова стала обычной, значит, у него начались галлюцинации, как и у всех, кто пытался найти дорогу к Каммене. Но если она по-прежнему изображала собой цветочек?.. Тэрн вздохнул и стал думать о другом.

Молитвослов действительно был необычный: эти молитвы использовались не так часто, кроме того, насколько он успел заметить, молитвы были собраны неплохие. Без самоуничижения («смилуйся над нами, безумными рабами твоими»), без агрессии («помоги победить врагов веры нашей»), без алогичности...

Начался мелкий дождик. По счастью, Талек снабдил его добротной курткой до колен, так что Тэрн лишь натянул капюшон. Штаны, конечно, всё равно мокли, да и сапоги были невысокие — но уж что нашли. Переждать дождь всё равно было негде: деревья уже стали слишком редкими и маленькими. И почему они всё редеют, если

он идёт в правильную сторону?.. Неужто он уже прошёл лес насквозь и вскоре выйдет к Айнеру?.. Да нет, не может быть.

Единственное, что приходило в голову: когда Каммена была ещё цела, лес начинался недалеко от её стен и окружал её со всех сторон, то есть, можно было бы подумать, что он как раз подходит к городу... но с разрушения Каммены прошли тысячелетия, не могло же всё остаться в прежнем виде! Там, наверное, руины одни!

Дождь усилился. Ноги вязли в грязи, и Тэрн уже боялся подскользнуться. Он в очередной раз оглянулся, но нет, достаточно крупных деревьев по-прежнему не было. Он протянул руку к рюкзаку, но вспомнил про странный компас и вместо этого сверился по мху. Потом уныло побрёл вперёд.

Из-за чего же всё-таки могли начаться галлюцинации? Может быть, здесь какие-то растения, запах которых вызывает видения?

Тэрн огляделся. Нет, флора была вполне обычной, точно такой же, как он видел в любом лесу. Может... эти растения очень маленькие?.. или это какой-нибудь крохотный, такой мелкий, что даже невидимый, зверь, кажется, их называли бактериями... Тэрн пропустил лекции на эту тему мимо ушей, так что теперь не помнил точно.

Тэрн в очередной раз подскользнулся и взмахнул руками, пытаясь восстановить равновесие. «Я так новый танец изобрету», — хмуро подумал он и едва не упал. Штаны вымокли настолько, что можно было их выжимать, вода уже хлюпала в сапогах. Тэрн сделал ещё пару шагов... и разом провалился по грудь. Он рванулся наверх, попытался зацепиться за что-либо, но вокруг была только мокрая трава. Она выскальзывала из рук или вырывалась из земли, но выбраться ничуть не помогала. Окружающее Тэрна болото вдруг содрогнулось, приотпустило его и снова сжалось; он провалился глубже. Ощущение было, словно его жуют. Тэрн заорал, потом заматерился, болото откликнулось довольным чавканьем. И вдруг всё остановилось. А потом его выплюнуло так, что он пролетел через всю поляну до ближайшего дерева.

Тэрн сполз по стволу и тихо застонал. А когда немного пришёл в себя, обречённо повторил:

— Т-т-т-т-твою м-м-мать...

Хорошо, что рюкзак смягчил удар. Тэрн снял его и прислонился к стволу, пытаясь забиться под листву от дождя. Он прикрыл глаза и

тяжко вздохнул, но сразу же распахнул их. Рюкзак, штаны, куртка — все были совершенно чистыми, будто он и не побывал только что в земле!

— Т-т-т... т-т-т-т...

— Твою мать, — услужливо подсказали из-за спины.

— Им-менно.

Тэрн резко выпрямился, потом вздохнул и снова прислонился к дереву. Пошарил по траве и нашёл маленький камушек. Кинул его в ту сторону, где только что была зыбучая земля, но камушек совершенно спокойно улёгся на траве. Наверное, он был слишком лёгким. Тэрн протянул руку и взял камушек побольше, даже не интересуясь, откуда они здесь.

— Могу я поинтересоваться, что ты делаешь?

— Я кидаю камни, чтобы понять, есть там болото или нет, — так же вежливо ответил Тэрн.

— Это не болото, это чавкалка. Но камни она не ест.

— А людей?..

— Тоже. Она просто никогда вас не пробовала и не знала, что ты невкусный. Вы досюда редко добираетесь.

— Досюда? То есть, я уже близко к Каммене?

Голос помолчал.

— Ты стоишь на центральной площади.

— Серьёзно?! Спасибо...

Тэрн огляделся и только сейчас заметил, что справа от него лежало несколько камней побольше, а заканчивались они у крупных, заросших травой и почти погребённых под землёй руин.

— А почему эти развалины ещё над землёй? И почему тут не выросли деревья? Тысячелетия ведь прошли... — спросил он, так же старательно не оборачиваясь.

— А здесь время иначе течёт, — беспечно пояснил голос. — Тут бы всё так и стояло, если бы Дениел сам не разрушил.

— Понятно. А вы не подскажете, как добраться до родника?

— Конечно, всё очень просто. Иди вперёд по Малахитовой улице, у дома 13а сверни на Малую Технарскую. Вскоре выйдешь к храму, за ним и родник.

Тэрн помолчал.

— Но здесь нет улиц... одна трава...

— Серьёзно? Это усложняет задачу.

Голос задумался.

— Тогда иди на... запад, что ли. А, у тебя, наверное, компас уже сломался? Тогда прямо и налево. Потом повернёшь... направо. Да, направо.

Тэрн встал и наконец решился посмотреть за спину. Разумеется, там никого не было.

— Спасибо, — вежливо произнёс он. — Вы дерево, да?

— Клён, — доброжелательно поправил голос. — Удачной дороги.

— Спасибо. До свидания.

Он прошёл по поляне, по широкому кругу обойдя место, где только что тонул, и так же благожелательно повторил:

— До свидания, чавкалка.

Поляна сыто рыгнула.

***

Жил один святой,
Парень был простой,
Мир спасать пытался вначале.
Жизнь почти прошла,
Не убыло зла,
Грешных душ и чёрствых сердец...

Филигон

Когда Тэрн добрёл до храма, его одежду можно было уже выжимать. И всё равно он застыл у входа: настолько непривычной была архитектура, да и странно было видеть столь целое, будто недавно выстроенное здание посреди развалин. Вокруг храма было гораздо больше руин, да и сохранились они лучше. Видимо, природе этого леса было плевать, где располагалась середина города — она считала центром храм. И похоже, чем дальше от центра, тем более обычным был мир. А здесь... как теперь не верить историям о Сердце Мира, сквозь которое просачивалась магия из Пропасти между мирами?

Тэрн потёр замёрзшие руки. Дождь безжалостно хлестал по плечам, но был уже нестрашен: всё, что могло промокнуть, и так промокло. Прогулка по лесу давно перетекла в плавание.

Храм выглядел очень... сдержанным. Здание состояло из ровных линий и чётких прямоугольных форм. Но при этом оно не было похоже

на безжизненные строения Кивиша: нет, оно словно сочетало в себе всё хорошее, что было в других городах. Тэрн и забыл, что в них было что-то хорошее...

Да, в преданиях, кажется так и было: сначала Творец создал лишь один город — Каммену. Но потом что-то ему не понравилось, он разделил людей на группы и каждой указал место, где они должны будут построить город... или что-то вроде этого.

Тэрн уже готов был переступить порог, но заметил под слоем плюща, обвивавшего арку над входом, какую-то надпись. Сердце его стремительно забилось. Об этой надписи до сих пор спорили богословы: «Смой молитвами душевную грязь», «Не оскверни храм грязными помыслами», «Помни о чистоте души»... Не без страха он раздвинул листья и прочёл:

— Просьба грязную обувь оставлять у порога.

Тэрн сплюнул. Так и знал ведь! Он перевалился через порог, скинул сапоги и выплеснул из них воду. Тэрн из последних сил стянул промокшие штаны, подстелил куртку и уснул.

7.2. Каменна: Потерянный храм

Как он горевал, что мир не идеал!
И когда его распинали,
Тех благодарил, кто это творил,
Радуясь, что горю конец...
Филигон

На утро дождь уже не лил, а накрапывал, но Тэрна это не обрадовало.

— Он всю ночь, что ли, шёл? — уныло пробормотал парень и поёжился. — Холодно-то как...

Штаны были противно-влажными и Тэрн обернул вокруг пояса куртку. Он окинул храм взглядом и вдруг захохотал:

— Если бы наставник Лорм знал, что я попаду в священнейший храм мира... и буду расхаживать по нему в трусах... он бы... он бы... совсем не удивился, — серьёзно закончил Тэрн.

Он огляделся. Посередине комнаты стояла статуя святого Гелдера, а может, Дайфуса: невысокий мужчина с одухотворённым лицом. Тэрн окинул её скучающим взглядом и снова выглянул на улицу. Погода не унималась. Выходить под дождь не было ни малейшего желания.

Тэрн вновь оглядел комнату. Стены были покрыты письменами.

А вот это интересно! Про такое он никогда не слышал! В самом первом храме предания должны быть наиболее точными... и их здесь так много! Какой-нибудь историк или богослов руку бы отдал, чтобы это прочесть!

Тэрн прошлёпал босыми ногами к ближайшей стене и уставился на письмена.

«a=F/m
w=V/r
M=F*l...»

Что за ерунда?! Стены священного храма Дэйниэла были расписаны физическими формулами?! Тэрн фыркнул. Нет, этой ерунды ему в ордене хватило! Что за безумное место!

Он обошёл комнату по кругу. Как и в любом храме, здесь были лавки и амвон, но... перед каждой лавкой стоял стол, а позади амвона

возвышалась письменная доска с мелом и тряпкой. Если бы не статуя, это место было бы копией учебной комнаты в ордене. Тэрн поднялся на амвон и осторожно дотронулся до тряпки. Она была влажная, словно ей только что стирали с доски. Мел тоже был будто новым.

Тэрн вздрогнул. Странное место...

Он бросил взгляд по сторонам, потом взял мел и написал на доске: «Дэйниэл — дурак!» — и нарисовал смешную рожицу. Посмеялся и всё стёр. Снова прошёлся по комнате. Становилось всё более скучно.

Эх, а родник ведь совсем рядом! Набрал бы воды и уже обратно б шёл... Ребята, наверное, переживают... Хотя какая разница — днём раньше, днём позже...

Тэрн сел за один из столов, разложил свои нехитрые пожитки. Еды было полно: никто не знал, сколько займёт путь и найдётся ли в волшебном лесу пища. Воды тоже хватало. Компас по-прежнему напоминал цветочек. Из книг с собой был только молитвослов брата Анды. Из развлечений — выданная Талеком бутылка вина. Завандрец клялся и божился, что это не дешёвое пойло, как в прошлый раз, и советовал выпить, если станет уж совсем невыносимо. Тэрн покрутил бутыль в руках. Талеку он всё равно не верил. Хотя с курткой ведь не обманул, может, и здесь правда. В конце концов, от того, вернётся ли Тэрн, зависили их жизни...

Он решился и ножом пропихнул пробку внутрь. В конце концов, путешествие почти закончилось, когда и пить, если не сейчас? Он пригубил вино. На этот раз Талек не обманул — для разнообразия, наверное.

Тэрн нетропливо выпил полбутылки. Было очень скучно. Неужели ему придётся провести здесь целый день?.. А что, если дождь и завтра не прекратится?

Об этом даже думать не хотелось.

— Так, где я там остановился? — он пролистал подарок Анды и с чувством прочитал: — О чём молить тебя, чего просить у тебя? Ты ведь всё видишь, всё знаешь и так. Посмотри мне в душу и дай то, что ей нужно. Ты, всё претерпевший, всё премогший — всё поймёшь. Ты один знаешь всю высоту радости, весь гнёт горя. Вот я пришёл, я стою, я жду твоего отклика, о Творец, о Создатель, о Господь мой! Ничего не прошу, только стою перед тобой. Только сердце моё, бедное

человеческое сердце, изнемогшее в тоске по правде, бросаю к пречистым ногам твоим. Дай всем, кто зовёт тебя, достигнуть тобою вечного дня и лицем к лицу поклониться тебе...

Тэрн устало потёр лоб.

— «Только сердце моё, бедное человеческое сердце, изнемогшее в тоске по правде...»

Эта фраза брала за душу. Всё время в пути — он ведь только искал правду. А что нашёл?..

С самого начала он пытался сбежать из ордена, чтобы просто узнать — кто он? зачем ему жить? зачем сражаться с Повелителем Мечей? Ответы на все эти вопросы были заготовлены задолго до его рождения, но они не устраивали Тэрна.

Может, именно потому, что они не были правдой.

— Бедное человеческое сердце...

Он захлопнул книгу и встал из-за стола. Прямо перед ним была эта дурацкая статуя — святого Гелдера или Дайфуса... стоп. И Гелдер, и Дайфус родились гораздо позже разрушения Каммены! Значит, это была статуя самого Дэйниэла?..

Тэрн подошёл ближе. Чушь, какая изумительная чушь. Это был молодой парень, немногим страше него самого. Выражение лица было, словно к нему прибежали за помощью в четыре утра, — и он искренне хочет помочь, но никак не поймёт, что произошло и что делать.

Тэрн вернулся к столу, взял с него книгу и бутылку, снова подошёл к статуи. У Дэйниэла-на-обложке был суровый взгляд и властная уверенность в своём праве судить. Дэйниэл-статуя глядел сочувственно и виновато.

Тэрн хмыкнул. Неудивительно, что в представлении людей образ так изменился! Он бы тоже такому Творцу не поверил. Или наоборот?.. В этой статуе Творец был таким живым...

Тэрн осушил оставшееся вино и снова принялся разглядывать изображения Дэйниэла. Потом покачал головой и отложил книгу.

— Что, напортачил и в кусты, да? — спросил он у статуи. — В Айнере отсиживаешься? А мир твой страдает... Посмотри на него! Из всех городов ни одного нормального нет — где сердца нету, где мозгов, где совести... будто уродов наплодил! Один без ноги, второй без руки, третий без глаза! Самому-то не стыдно?!

Тэрн окинул статую презрительным взглядом.

— Даже я бы мир лучше создал! Не умеешь — не берись! А напортачил — так исправляй, чтоб тебя!

Он с силой пнул амвон — собирался статую, но в последний момент остановился. Даже если он не питал любви к религии, для большинства людей она значила слишком много... Камень, по которому он попал, зашатался и сдвинулся. Тэрн изумлённо опустился на корточки. Он потянул камень, и тот поддался на удивление легко. Показался глубокий тайник.

Тэрн заглянул внутрь: ловушек, кажется, не было. Он запустил в тайник руку и выгреб оттуда: четыре свитка, несколько медных пластин, две тонких серебряных цепочки. По бокам обнаружились шесть драгоценных камней, какие-то травы, другие свитки, письменные принадлежности... тайник оказался гораздо больше, чем он думал.

Тэрн развернул один из свитков и глаза его стали совершенно круглыми.

Перед ним был чертёж айнерского амулета. Оказывается, вычурный рисунок с лицевой стороны был тщательно выверен! Для всех завитушек были указаны радиус или диаметр, а сбоку эти размеры были старательно просчитаны. Были высчитаны даже углы двух маленьких треугольников, причём правый был большее левого на 25 минут.

Но по самим завитушкам на амулете в жизни нельзя было предположить такие расчёты... а зачем нужны камни?!

Тэрн открыл второй свиток. На нём была схема этого храма (из которой, кстати, было видно, что по бокам амвона находятся два небольших помещения). Первый камень располагался у ног статуи, остальные образовывали знак Творца — тот самый, который был у Тэрна, как у любого героя Алиара. Вокруг были разложены травы — вписанные в окружности, описывающие треугольники и квадраты, эллипсы... и это только с левой стороны! С правой шло нечто настолько сложное, что Тэрн предпочёл убрать свиток.

На следующих двух были длинные и очень скучные расчёты. На пятом — опять амулет, но уже в разрезе. Тэрн удивился ещё сильнее. Внутри амулет состоял из множества слоёв, и в каждом из них располагались разные фигуры, положение которых тоже было чётко определено.

Тэрн моргнул. В голову бы не пришло, что этот дурацкий, странный амулет — такая сложная конструкция. Сразу же захотелось разобрать его и посмотреть изнутри. А... где, собственно, его амулет?! Тэрн никогда не придавал ему значения... наверное, он забыл его в Релле... хорошо, если не потерял! Мировая Пропасть, он его едва не продал! Чуть не выкинул! Зачем он его вообще снял?!

На следующем свитке была карта звёздного неба. Разными цветами были выделены звёзды Эндер, Аймос и Акватрия. Они образовывали равносторонний треугольник, хотя Тэрн никогда не видел их в таком положении, а снизу были дорисованы ещё две звезды — вместо названий около них стояли цифры 4 и 5. Каждой из звёзд соответствовали драгоценные камни того же цвета: сапфир Акватрии, рубин Эндеру, топаз Аймосу. У цифр чернели агат и меланит. А в середине этого пятиугольника было написано: «Алиар». На его место и должен был лечь амулет в плане храма.

Тэрн посидел задумчиво. Он ничего не понимал! Эти амулеты были созданы по плану Дэйниэла-Творца? Но состязания проводились раз в год и Тэрн был пятидесятым, что ли, победителем... Где амулеты хранились раньше? Для чего они нужны?!

Тэрн похолодел. Он только сейчас понял, что довольно долго носил на шее непонятное устройство, которое неизвестно как действует и не факт, что безопасно для жизни. Может быть, и хорошо, что он снял его...

Но всё же — для чего всё это нужно?! Что за расчёты? Тэрн тоскливо поглядел на стену с формулами. Выглядели они знакомо, но что это всё значит... Тэрн едва ли не в первый раз пожалел, что спал на занятиях. Он перевёл взгляд на свиток, но покачал головой и поднялся. Из-под ног выкатилась пустая бутылка. Точно. Он же выпил целую бутыль вина! А потом так удивился, что даже протрезвел... и не заметил, как кончился дождь... Тэрн торопливо собрал свои вещи и всё, что вытащил из тайника, после чего вернул камень на место. В точности, как было, когда он пришёл.

Перед уходом Тэрн заглянул в боковые помещения: двери не были спрятаны, он просто их не заметил. Слева обнаружилась кузница, справа — жилая комната с кроватью и письменным столом. Тэрн обыскал их, но больше бумаг не было, только книги. Кузнечное дело, астрономия, минералогия... Тэрн хотел бы взять их, но каждая была

такой огромной!.. А ещё стало страшно. Это место выглядело вовсе не заброшенным. Что, если как раз сейчас хозяин вернётся и потребует отчёта? Отсутствие книг будет заметно сразу, а тайник при чужих проверять не станут... «Какой хозяин?! — разозлился на себя Тэрн. — Сказали же: время не властно над этим местом! Всё это лежит здесь очень давно, просто выглядит так... а книги всё равно слишком тяжёлые, да и большие... даже в рюкзак не уместятся». Тэрн переписал названия и авторов на обратную сторону одного из свитков. Потом разыщет, в дейнарской библиотеке, например, или в магазинах Реллы... Пропасть мировая, осилил же кто-то такие талмуды!

Надо выбираться отсюда. Его ребята ждут!

Тэрн торопливо вышел, всю дорогу оглядываясь через плечо. Родник и впрямь оказался недалеко. Он опустил бутыль, выданную братом Юнем, и только тут понял, что земля под ногами совершенно сухая, будто дождь и не лил весь вчерашний день. Может, так оно и было...

Следующей была бутыль от Рии. Она тоже хотела образец воды из Каммены: собиралась исследовать его в какой-нибудь лаборатории, а уж там... что именно будет там, не знала, кажется, и она сама, но глаза Рии горели жаждой прибыли, так что переубедить её было невозможно.

— Прошу тебя, не надо этого делать, — раздался грустный голос, немного похожий на предыдущий.

Тэрн поднял голову и увидел плакучую иву. Он убрал бутыль от родника и уточнил:

— Ладно. А почему?

— Они изучат состав воды... Найдут его очень интересным. Решат добраться сюда. Экспедиции, конечно же, не дойдут... Тогда они станут вырубать лес, пока не доберутся до родника. Глупо, конечно: как только они срубят священное дерево, родник сразу же пересохнет...

— Пересохну! — звонко подтвердил родник. — Из солидарности!

— О... тогда действительно не надо.

Тэрн заглянул в бутыль: в неё уже набралось немного воды. И что с ней теперь делать?

— А пить её можно?

— Конечно, — подтвердила ива. Она покачала ветвями и задумчиво добавила: — Результат должен быть интересным.

— Пей, пей! Я тоже хочу посмотреть, что будет!

Тэрн поглядел на них, на бутыль и аккуратно вылил воду обратно.

— Ну-у-у, — прожурчал родничок. — Ты чего? Может, у тебя рога бы выросли. Здорово же!

— Мне не нужны рога...

— Может не рога. Может, хвост!

Тэрн покачал головой. Нет, это он пить не будет. Ива печально вздохнула.

— А куда мне идти, чтобы выйти из леса?

Родник фыркнул фонтанчиком воды.

— Ты в середине леса, лес — в середине Алиара! В любую сторону иди.

— Я имею в виду, чтобы выйти к Релле...

— Туда, — печально заметила ива и вытянула одну из веток. — Если заблудишься, спроси у кого-нибудь... Только не у ясеня или тополя. Они никогда не отвечают.

— Спасибо. До свидания. Пока, родничок.

***

Обратный путь оказался лёгким и совсем коротким. Уже к вечеру Тэрн подошёл к их заводу — лишь чтобы обнаружить на двери огромный замок. Кажется, не очень-то его и ждали... Он повёл плечами. «Надеюсь, с ребятами всё в порядке...» Не сказать, чтобы Тэрн был к ним привязан, но не хотелось бы, чтобы монахи что-то сделали с ними за эти дни. Хотя Юнь бы, наверное, так не поступил. Видимо, они просто на время прикрыли завод. Тэрн развернулся и поплёлся к дому Рии. А он так надеялся просто помыться и лечь спать... «Под дождём уже помылся», — хмуро ответил он себе.

Тэрн поднялся на нужный этаж и постучал в дверь Рии. Долгое время никто не открывал, но наконец дверь распахнулась с криком:

— Кого тут ещё... — Рия осеклась.

Она похудела, даже осунулась. Она глядела на Тэрна, будто на призрака, — но тут же взгляд её прояснился.

— Быстро вы меня похоронили, — хмыкнул он.

Девушка вздохнула.

— Я... сама не знала, что это займёт столько времени, Тэрн. Ты достал воду?

— Да, конечно.

Рия окончательно просияла.

— Тогда всё не так плохо! Ещё можно всё вернуть! Заходи!

Тэрн переступил порог и с лёгким сердцем признался:

— Только тебе не принёс. Лишь одну бутыль удалось добыть...

— Да?.. А, ладно! Главное, что теперь мы оправдаемся перед Айнером! Нам разрешат вернуться к делу! Ты ведь знаешь этого Юня? Сможешь найти его в Айнере?

— А он что, уже уехал?

Рия удивлённо посмотрела на него.

— Да уж месяца два назад.

Тэрн оперся на стену.

— Сколько меня не было?!

— Месяца три... Дело наше прикрыли, все разбежались. Талек в Завандр вернулся... Лит рыдал несколько недель, а сейчас ничего, нового парня нашёл... бьёт он его, правда, по-чёрному... Элька ребёнка оставила, дура... в твою честь назвала...

«Здесь время иначе течёт», — повторял в голове голос доброжелательного клёна.

7.3. Каменна: Возвращение

Рия не знала, где живёт Элька. Пришлось навещать Лита. Тот рассказал — сейчас Рия уже успокоилась, стала будто пришибленной, а когда их дело рухнуло, была совсем невменяемой. Эльку она выгнала в роддом, как только возник повод, и отказалась принимать обратно, когда выяснилось, что та решила оставить ребёнка. Половина квартиры принадлежала Эльке, но Рия так бесилась, что рядом с ней страшно было держать ребёнка. На месяц Эльку пустила к себе приятельница, отбывавшая в Кивиш, но потом снова надо было как-то выкручиваться. По счастью, в роддоме многие прониклись её историей и помогали уже после родов. Тут Лит решил, что теперь Элька под присмотром и перестал отслеживать, всё ли с ней в порядке (что ему уже основательно надоело). «Я вообще не понимаю, почему она эту проблему оставила», — объяснил он. Лит не знал даже новый адрес Эльки — но смог выяснить через друзей друзей.

Дом Эльки Тэрн нашёл быстро. Но вот зайти туда оказалось задачей посложней.

«Что я ей скажу? Обрадуется ли она? Может, она уже спит? Может, у неё уже ребёнок спит? Да нет, рано ещё... Может, ей не до меня? Да и она после родов, что мне её тревожить?. Да чтоб тебя... Собер-рись! Вдруг ей помощь нужна!»

Он взял себя в руки и постучал в дверь. Открыли не скоро: Тэрн уже трижды порывался сбежать.

— Ничего не покупаем, в Творца не верим, работы нет.

На пороге стоял сонный мужчина с добрыми, но усталыми глазами. Тэрн помолчал.

— Мне бы... Эльку увидеть...

«Я, наверное, адресом ошибся», — сообразил Тэрн, а мужчина внимательно посмотрел на него.

— А по какому, собственно, вопросу?

И Тэрн вдруг резко понял, что он имеет право так спрашивать. Что это обычная ревность, вполне естественная, когда вечером приходит незнакомый парень и требует вашу жену или подругу, в то время как вы знаете, что от прежней жизни друзей у неё не осталось.

И Тэрн сказал, чтобы никак не зацепить чужие отношения:

— Мы работали вместе. Она считает меня мёртвым, решил показаться ей на глаза, чтобы не переживала.

Мужчина просиял.

— Так вы Тэрн?! Я Сэд. Заходите, заходите скорее. Мы вам стольким обязаны!

Говорил он взбудораженно, но негромко. Тэрн прошёл за ним так же тихо, почти на цыпочках. Он заметил, что у Сэда это выходило уже совсем естественно.

— Элька! — прошептал он в одну из комнат.

Она вышла — точно такая же, какой запомнил её Тэрн, только глаза стали гораздо ярче. Всплеснула руками, заулыбалась, подскочила к нему, что-то быстро, но тихо заговорила. Она провела Тэрна на кухню, продолжая что-то рассказывать, стала греть еду. Сэд вышел куда-то. Тэрн собрался с силами и постарался вникнуть в её речь:

— ...Стольким тебе обязаны. Если б не ты, я бы... ох, сложно даже говорить об этом! У нас ведь обычно матерей, которые хотят бросить детей, кладут отдельно — чтобы остальные их не переубедили... у нас низкая рождаемость, люди строят карьеру и не хотят заводить детей, а когда собираются, то уже поздно... Поэтому за любого ребёнка цепляются, — она помрачнела, потом тряхнула головой. — Так что если б не ты, мне никто бы этого не сказал. Хотя, мне кажется, я бы всё равно на такое не пошла... — она протянула ему тарелку с пирожками. Тэрн взял один и машинально начал жевать. — А тут — когда девчонки узнали мою историю, меня так поддержали! И до сих пор помогают всегда, представляешь? Такое большое Материнское Братство, — она хихикнула.

Вернулся Сэд с бутылкой вина. Дальше шёл длинный, очень подробный рассказ о том, как они познакомились. Если свести его к сути: Сэд был братом одной из женщин, с которыми Элька подружилась в родильном доме. Он тоже проникся историей «бедной девочки», а постоянно слыша от сестры об их совместных делах, понемногу втянулся и тоже стал ей помогать. Потом как обычно — влюбились, поженились... и хорошо.

Тэрн потряс головой, выходя из своего полусна. Элька и Сэд сияли одинаковой счастливой и вечно доброжелательной улыбкой, и

Тэрн порадовался, что ей удалось найти такого же хорошего и доброго человека, как она сама. Выходит, всё в её жизни сложилось к лучшему.

Было ли ему жаль несложившихся отношений? Тэрн вдруг понял, что нет. Не его это была девушка, не его жизнь. Он просто зацепился за первое сколько-нибудь подходящее, чтобы закрепиться где-то, и чем прочнее, тем лучше, чтобы не быть больше одному... Но теперь он снова был абсолютно свободен. Свободен и никому не нужен.

— А?

— Я спросил, как прошёл ваш путь в Каммену? — кажется, Сэд повторял это уже не в первый раз.

— Да хорошо прошёл... я вам в следующий раз расскажу. Пора мне. Я же только вернулся, до ванной даже дойти не успел.

— Ой, — Элька приложила руки к лицу, — тебе жить-то есть где? Давай мы тебе у нас постелим? У нас есть гостевая комната.

— Спасибо. Мне Рия дала ключи от завода, туда и вернусь.

Тэрн заметил, как нахмурился Сэд при упоминании Рии. Хороший парень. Он явно принимал близко к сердцу все проблемы Эльки — даже ближе, чем она сама. Так часто бывает у этих добрых людей: тех, кто причинил боль им, они прощают легко, а вот тем, кто обидел их любимых, запоминают на всю жизнь. Не мстят, не затеивают скандал — они же добрые, — но помнят.

Перед уходом Тэрну предложили поглядеть на малыша. Отказываться было неудобно, да и надо же было, наверное, посмотреть на ребёнка, названного в его честь...

Это был обычный миленький карапуз, мало отличающийся от любого другого ребёнка; очень, впрочем, славный. Они на цыпочках прошли в комнату и так же тихо вышли, но, видимо, Тэрн с непривычки всё равно оказался слишком шумным, потому что Сэду пришлось остаться успокаивать малыша. Но справлялся он не очень хорошо, — заметно было, как Элька беспокоится и рвётся туда, — и повезло, потому что семья определённо собиралась задержать Тэрна ещё на часок. А так ему вручили сумку с пирожками («Придёшь — когда тебе готовить...») и отпустили-выгнали.

***

Тэрн ушёл недалеко: сел на лавочке около подъезда и снова задумался. Он видел, как потемнели окна у Эльки, как постепенно гасли другие окна в этом доме. Становилось всё прохладнее, но он не замечал.

Тэрн уже знал, что не будет больше помогать Рие. Отнесёт бутыль Юню и хватит с него...

Так что же теперь? Накупить книг, которые он видел в храме, и осесть где-нибудь: читать и разбираться с чертежами?.. Это было хорошее дело, отличная цель. Хотя, судя по размеру книг и сложности расчётов, на это потребовалось бы не меньше нескольких лет. А что потом? Что, если выяснится, что таким образом какой-то зануда просто рассчитывал, как ему украсить храм?.. А он, дурак, потратит на расшифровку всю свою жизнь?.. «Это будет достойный финал столь нелепой жизни», — ухмыльнулся себе Тэрн.

Остановиться, наверное, следовало в Дейнаре: библиотека под боком, там книги и найдёт... жаль, что у них библиотекаря нет! «А что? — подумал он вдруг. — Попрошусь к ним на службу. Идеально!»

Он засмеялся — потом так же резко остановился и потёр лоб.

Зачем ему эти расчёты? Какие ответы он пытается найти?

Почему нет места, куда он хотел бы вернуться? Почему большинство людей вокруг так не запоминается? Почему он по пальцам может пересчитать тех, кто хоть как-то заинтересовал его за время странствий? Это с ним что-то не так или их жизнь действительно пуста? А что делает жизнь не пустой? Не его же метание по городам, тогда что? Почему он считает свою жизнь полнее жизни стольких людей? Это и есть гордыня?

Так Тэрн мог думать ещё долго-долго, но его отвлекли. Какой-то человек приблизился к скамейке и замер напротив него. Тэрн уже

собирался ответить, что, нет, покурить не найдётся, но вскинул глаза и наткнулся на слишком недоброжелательный взгляд.

— Верни, пожалуйста, мои вещи, — очень спокойно произнёс незнакомец.

Тэрн вздрогнул.

— Какие вещи?..

— Те, которые ты стащил из храма Каммены.

Тэрн вытаращился на незнакомца. Только сейчас он понял, кто это был, — тот торговец яблоками, который ещё говорил что-то про глаза.

— А с чего вы взяли, что они у меня?

— До Каммены может дойти только Герой из Пророчества. Герой — только один на поколение. И это ты.

— С чего вы взяли?

— Достаточно поговорить с тобой пять минут, чтобы понять. Оставалось лишь разыскать твою скандальную спутницу — а уж потом тебя.

Тэрн встряхнулся.

— Погодите-ка! Как вы могли добраться до Каммены и вернуться, да ещё и поискать меня, если я сам пришёл полдня назад? И у меня это заняло едва полгода!

— Ты не знаешь троп. Повезло ещё, что я не вернулся раньше тебя.

Он сделал движение рукой, явно собираясь протянуть её за своими расчётами, но Тэрн сбил его:

— А как вы оказались в Каммене, если туда может попасть лишь Герой? Который, как вы заметили, один на поколение?..

Мужчина промолчал. Тэрн набрался храбрости, сейчас ему было по-настоящему страшно.

— Давайте так: я верну вам расчёты, а вы объясните мне, что они значат.

В глазах торговца (воина?) промелькнуло нечто опасное.

— Давай так: ты вернёшь мне мои расчёты, а я тебя не убью.

— Вы меня? А может, я вас?

— **Ты** угрожаешь **мне?**

— А почему нет? Латар Малый вас победил, хотя едва мог удержать меч. И я уж точно сильнее, чем Танагас из Восьмого Витка.

На лице у торговца не шевельнулся и мускул. Он некоторое время смотрел на Тэрна с тем же непроницаемым выражением лица, потом молча ухмыльнулся.

— ...В Каммену может попасть не только Герой, верно? А только человек со Знаком Творца.

Человек со Знаком Творца кивнул и снова помолчал. Потом уточнил:

— Почему ты спрашиваешь о моих чертежах? Если ты знаешь кто я, то знаешь и зачем они нужны.

— Зачем?..

— Чтобы разрушить мир, — Повелитель Мечей широко, но холодно улыбнулся.

— Неправда!

Тэрн сам себе удивился. Почему неправда? Всё логично... но он просто знал, что это не так.

— Да? И почему же?

— А у вас... глаза очень яркие. Сейчас такие редко встретишь, — повторил Тэрн его слова. — Кстати, пирожок хотите? Вы ведь тоже только с дороги.

Повелитель Мечей помедлил, а потом зашёлся тихим, но долгим смехом. И Тэрн почему-то подумал, что этот человек очень давно не смеялся и уже давно ни с кем не разговаривал.

— Ты хороший мальчишка. Задаёшь много вопросов... напоминаешь мне кое-кого. Пойдём — может, я что-нибудь и объясню тебе.

***

Поздно мы с тобой поняли,

Что вдвоём вдвойне веселей
Даже проплывать по небу,
А не то что жить на земле...
Аквариум

Кина сидела в гостинице посреди Эрнела. Местный шум бил по ушам, не давал собраться с мыслями. И, хотя все эти дни она не выходила из гостиницы, где было относительно тихо, голова всё равно болела неимоверно. А уж как она устала...

Барли, хозяйка гостиницы, прекрасно помнила Кину и Джона. Она сразу поняла, что Кина осталась одна, и ловила каждый её жест, надеясь на новую интересную историю. Но в то же время — удивительно — искренне сочувствовала.

Кина не помнила, как давно она в дороге. Она не знала, ищут ли её монахи. Наверное, да.

Она ведь так и не вернула амулет. Сначала — была настолько не в себе, что позабыла обо всём и умчалась прочь от Дейнара. Потом вспомнила, но не смогла вернуться. Потом... наверное, надеялась, что Джон будет искать её. Пусть не ради неё самой, пусть ради амулета.

Он найдёт её, он всё объяснит, окажется, что всё совсем не так, и они снова будут вместе... чушь. Логика не позволяла Кине вернуться, сердце — отдать амулет. Кроме того, она по-прежнему не доверяла монахам. Пусть Ульа сказал ей правду — это не значило, что он хороший человек; не значило и что он прикончит её, если она вернётся с амулетом. В кого-то же пошёл брат Елло! Вряд ли только в маму!

— Выпей, полегчает, — сочувственно произнесла Барли и протянула ей стакан с жидкостью пронзительно-фиолетового цвета.

Кина покачала головой. Каждый вечер она обещала себе, что ни за что не станет пить и плакать. И действительно не пила.

***

Брат Елло не был уж слишком хорошим человеком. Из смертных грехов он выбрал себе гордыню (беспрерывно), алчность (почти всегда), чревоугодие (раз шесть в день), гнев (временами) и похоть (совсем редко, но нас это не касается). Из добродетелей его отличали умеренность (в работе), храбрость (иногда бывало), мудрость (в основном, в вопросах заработка денег), любовь (к этим самым деньгам, семье и работе), а также сильнейшие вера в Творца и надежда на его милосердие.

Как видите, добродетелей было больше, так что плохим человеком брат Елло тоже не был. А ещё у него были свои принципы.

Например, деньги, собранные храмом для детей-сирот, действительно шли на детей-сирот. Службы в церкви оставались бесплатными, несмотря на предложения младших братьев и полное согласие властей. Ну а похлёбку для бедных никогда не разбавляли сильнее, чем в два раза, а уж за червяка в ней повар мог отправиться на дно реки.

Брат Елло прекрасно осознавал все свои недостатки. Но так же прекрасно он знал, что именно такой пастырь нужен Завандру. Достаточно добродетельный, чтобы считаться здесь праведником, но не слишком — чтобы быть близким местному люду.

По принципам брата Елло и Завандра, не было ничего непростительного ни в том, чтобы пытаться соблазнить юную девушку, ни в том, чтобы припугнуть её в случае отказа. Впрочем, по тем же принципам, ничего непростительного не было ни в самом факте отказа, ни в воровстве.

Другое дело — предательство.

Пособничество убийце.

Из-за Повелителя Мечей каждый Виток погибали тысячи людей, хуже того — он собирался разрушить этот великолепный, созданный Творцом мир. Но Повелитель Мечей был исчадием Пропасти между мирами, и от него неудивительны были такие злодейства. Зато обычная смертная женщина, которая могла, но не остановила такое чудовище, была едва ли не более страшным монстром.

Долгое время монахи не трогали Кину: потирали руки, ждали, когда сила амулета разорвёт её на части. Но этого так и не произошло. Вывод напрашивался сам собой: либо Повелитель Мечей обманул их, либо его приспешнице эта сила не вредила. Девчонка не отдала амулет, не напоила Повелителя Мечей зельем — значит, была на его стороне. Она уехала с амулетом куда-то — значит, исполняла задание своего господина. Её нужно было остановить любой ценой.

8.1. Алиар: Новый взгляд

Моя надежда на того,
Кто, не присвоив ничего,
Своё святое естество
Сберёг в дворцах или в бараках…
Олег Митяев

Это было смешно. Джон сам подтвердил, что Тэрн — герой из Пророчества, рождённый убить Повелителя Мечей. Но когда Тэрна готовили к этой цели, он всегда чувствовал, что делает что-то неправильное, категорически неверное... А теперь он путешествовал с Повелителем Мечей, помогал ему в делах, и ощущал, что как раз сейчас всё правильно. Притом оставаясь героем из Пророчества, рождённым убить Повелителя Мечей.

Но когда Тэрн излагал это Джону, тот даже не улыбался. Да, хоть Повелитель Мечей и нравился Тэрну, он всё-таки был редкостным занудой. Вот и сейчас — Джон, как обычно, с самого утра сидел за столом и что-то считал. Тэрну оставалось лишь читать и бродить по лесу.

Они поселились посреди чащи около Дейнара, в маленьком доме — Джон признался, что когда-то выстроил его своими руками. Порой Тэрн изумлялся: казалось, не было на свете ремесла, которым он не владел бы! Не только Повелитель Мечей, но Властелин Стройки, Хозяин Кастрюль и Господин Наковальни!.. Понято, что если ты живёшь несколько тысячелетий, то только это и остаётся, но всё равно запас знаний Джона был поразителен...

Как и всегда, во время прогулки Тэрн обдумывал новые вопросы. Он надеялся, что на этот раз Повелитель Мечей ответит — зачастую Джон лишь долго молчал, а потом говорил, что они обязательно поговорят об этом позже. Иногда добавлял, что Тэрн пока не готов это услышать. Иногда — что сам не готов об этом рассказывать.

Тэрн ценил такую честность. Никто никогда не понимал его так, как Джон. Никого он не понимал так, как Джона. Он чувствовал себя, словно с кем-то родным и очень близким, старшим братом или лучшим другом — тем, кто был рядом всю жизнь... Тэрн предполагал, что это

из-за Пророчества и знака Творца. Они были связаны; даже если не знали друг друга, даже если были на разных концах мира — между ними всегда была прочная нить. И тогда становилось странным и страшным — как другие герои могли ненавидеть Повелителя Мечей? Как могли желать убить его?.. Они не прислушивались к себе и не могли ощутить эту связь? Или чувствовали её, но всё равно исполняли свой долг?.. Непонятно...

Была и другая идея — а может быть, лишь иная сторона этой. Тэрн не знал, насколько она верная, потому что Джон пока отказывался обсуждать её. Но она постепенно формировалась в голове у Тэрна и казалась, хоть и дикой, но всё более правдоподобной...

Итак, по какой-то причине некоторые люди в Алиаре сильно выделялись среди прочих. Тэрн не мог сказать, что именно отличало их. Доброта? Ум? Понимание мира?.. Ни одна из этих черт не была свойственна всем. Если говорить упрощённо, они просто казались более... живыми. Словно единственные проснувшиеся среди бродящих в полудрёме.

Всегда или часто — Тэрн не знал точно — их можно было отличить по глазам. У «живых» они и выглядели — живыми. Были яркими, красивыми, ясными. У остальных были в разной степени тусклыми. А у некоторых и вовсе — будто прямо за радужкой располагалась стена... довольно забавно, если считать, что глаза — это зеркало души.

И, если исходить из этой теории, они с Джоном выделялись сильнее всего. Тэрна немного смущало столь нескромное предположение (тем более, что он не видел в себе ничего, столь принципиально отличающего его от остальных людей), но он связывал это как раз со знаком Творца. Может быть, это передавалось по наследству, как цвет глаз или волос: было решено до рождения и не зависело от тебя... С другой стороны, Тэрну казалось, что сейчас его глаза были гораздо ярче, чем, например, в ордене. Может быть, это и наследовалось, и развивалось... Тэрн не понимал до конца, и это злило. Особенно потому, что Джон, кажется, всё прекрасно знал — но отказывался объяснять ему. А самым худшим было, что он опять говорил: «Ты не готов пока в это поверить»!

Он не готов?! Он не готов?! Да если бы он не верил Джону, торчал бы он рядом? Нет! Он бы бегал за ним с мечом и криками «Умри,

исчадие Пропасти!»

Тэрн нахмурился и повернул назад. Благо, он не отходил далеко: боялся заблудиться. Как Повелитель Мечей каждый раз находит дорогу сюда, было совершенно непонятно...

Увидев его, Джон отложил бумаги и потянулся.

— С возвращением. Что ты хотел спросить сегодня утром?

Тэрн заглядывал к Джону, но тот был слишком поглощён своими расчётами. Повелитель Мечей уже несколько раз пытался объяснить их ему, но Тэрн никак не мог запомнить формулы и поэтому всё время сбивался. Тэрн называл это аллергией на математику, Джон — ленью.

— А, ничего... Всё равно ты в последнее время ни на один вопрос не отвечаешь.

— Такие вопросы. Потренируемся?

Ещё Джон учил его сражаться на мечах. Раньше Тэрн был бы счастлив этому, но сейчас он был поглощён мировыми проблемами и не хотел тратить время на такие банальности.

— Зачем?.. Чтобы увеличить мои шансы в бою с Повелителем Мечей?

— Как вариант.

Тэрн поморщился.

— Лучше расскажи — почему я такой плохой мечник?

— Потому что не доверяешь интуиции. В остальном всё отлично.

Тэрн махнул рукой и нахмурился ещё сильнее:

— Я не про то! Меня должны были научить драться так, чтобы победить тебя! А вместо этого учили всякой ерунде.

Нет... опять!.. В глазах Джона снова возник этот хитрый блеск. Джон настаивал, что по-настоящему помогает лишь то знание, которое человек пропустил через сердце и разум, поэтому третьим его любимым ответом было: «Думай сам». К чести Тэрна надо отметить, что он почти всегда додумывался, а к чести Джона — что он говорил это лишь когда и впрямь можно было догадаться.

Тэрн знал, что Джон ни за что не ответит, если не увидит, что он хотя бы попытался найти решение, — поэтому сосредоточенно уставился в стену. И через некоторое время сообразил:

— Тебе около трёх тысяч лет... и всё это время ты сражаешься на мечах... значит... героя просто не успеют натренировать так, чтобы он стал сильнее тебя!

Джон кивнул: так, так, молодец.

— ...Но тогда в чём смысл?! Зачем нужен человек, который единственный может победить тебя, если он не может тебя победить?!

Джон одобрительно смотрел на него и молчал.

— То есть, суть не в том, чтобы тебя одолеть... по крайней мере, в прямом бою... тогда в чём?! Мне тебя перетанцевать, что ли?!

Джон помолчал и отечески улыбнулся ему.

— Ты молодец. Уже почти до всего догадался.

— Опять по глазам видишь? — вздохнул Тэрн. Он потёр виски. — Никогда ничего не объясняешь...

— Я не говорю только на одну тему. Все вопросы, на которые я не отвечаю, касаются её.

Тэрн моргнул. То есть, всё, о чём он спрашивал, — суть одно? Про глаза? обучение героев? почему люди такие странные? что случилось с городами? зачем Джон ведёт войну?.. Да как это может быть связано?!

— Голова уже кипит от твоих загадок! Почему ты не можешь просто объяснить?! А я бы уж потом пропускал — через сердце, через голову, через желудок...

— Потому что если я просто изложу тебе свою версию, ты никогда не сможешь быть в ней уверен. Вдруг я солгу тебе, чтобы использовать в своих целях? Я же Повелитель Мечей.

Тэрн застонал и рухнул на кровать. Джон хмыкнул, повернулся к столу и стал очинять карандаши. Ну как так?! У него выясняют, как устроен мир, — а он карандашик точит!

Тэрн вздохнул и стал наблюдать. Просто удивительно было, насколько они похожие и какие разные. При схожей внешности Тэрн выглядел ярко, редко встречался человек, который мог поговорить с ним и не запомнить в лицо. Джон же, наоборот, оставлял ощущение «Их тут сотни, что я, всех упомню, что ли?!» Но с этим Тэрн уже разобрался. Джон специально научился выглядеть так, чтобы не привлекать внимания. Иначе он не смог бы прятаться каждый Виток.

Дальше — мимика, жесты, интонации. Тэрн почти всегда говорил энергично, эмоционально, Джон — спокойно и несколько монотонно, а выражение его лица почти не менялось. Впрочем, его было совсем несложно понять: вот он улыбается, пусть и уголком губ, вот смеётся, хоть и одними глазами, вот расстроился и отвёл взгляд... Тэрн был

ошарашен, когда Джон упомянул, как одна девушка сказала, что по его речи ничего не поймёшь и он говорит, словно кусок железа. Джону это казалось забавным, он даже объяснил, почему так выглядит: мол, он очень редко разговаривает с людьми и порой забывает, как это делать. Тэрн только думал: что за дура? Как тут можно что-то не понять?..

Джон тоже относился к нему по-особенному. По крайней мере, Тэрн понял так, что Повелитель Мечей не общался ни с кем в последние сотни лет, ни к кому не привязывался. Но с Тэрном он вёл себя совсем иначе. Всегда был готов пообщаться, живо интересовался его мыслями и...

— Как ты попал в орден?

— Что?

— Ты же меня всё время расспрашиваешь. Будь готов и сам отвечать.

Тэрн пожал плечами.

— Как все. Мать бросила меня там.

— А почему?

— Не знаю... — с омерзением пробормотал Тэрн. — Не помню... Она ведь не могла знать, что я — герой из Пророчества. Получается, просто так.

Джон серьёзно посмотрел на него и промолчал. Джон был, как... Райк. Только разделял взгляды Тэрна и умел слушать. И думать.

Наверное, так казалось просто потому, что никто, кроме Райка, не относился к нему с искренней заботой, с привязанностью... с любовью, может быть.

— Ты ничего не помнишь о жизни до ордена?

Тэрн сильно нахмурился.

— Нет... кажется, мы всё время были в разъездах... и мне почему-то нельзя было об этом говорить... нет, больше ничего.

— А своё настоящее имя помнишь?

— Нет!

Джон успокаивающе поднял руку, и Тэрну стало стыдно за свою вспышку.

— Нет, я... не помню. Оно напоминало мне о матери. Хотел поскорее вырвать из памяти.

Они замолчали, думая о своём. Наконец, Джон тихо признался:

— А я всегда боялся забыть своё. Мне тоже казалось, что если это случится, я позабуду и свою прежнюю жизнь... правда, всё равно почти забыл.

— Прежнюю жизнь?..

— Я жил на плантации около Дейнара, пока не стал Повелителем Мечей. Джон — древнее имя, его давали детям ещё в Каммене... и лет пятьсот после её разрушения.

Тэрн не нашёл слов. Допустить, что Повелитель Мечей был когда-то обычным человеком... родился в Алиаре... занимался простыми житейскими делами... это было против всего, чему его учили! Как, впрочем, и всё, что произошло за последнее время...

— На какой плантации?

Джон поглядел куда-то вдаль и улыбнулся своей памяти.

— Яблочной... у нас были огромные яблочные сады... я всегда мечтал, что сделаю их ещё больше. Мои родители всю жизнь занимались ими... и мои братья... и... кажется, у меня были сёстры... — он перевёл взгляд на Тэрна и совершенно спокойно сказал: — Жутко это. Сады помню, а семья как в тумане.

Тэрн помолчал. Нет, это всё-таки не укладывалось в голове. Тогда как, почему Джон стал Повелителем Мечей?! А, он всё равно не ответит...

— Ты поэтому так любишь яблоки?

— Конечно...

Тэрн попытался представить Джона в окружении братьев, сестёр, родителей, собак, яблок и... детей?

— А ты был женат?

Джон рассмеялся.

— Не поверишь. Был, причём в этом Витке.

Тэрн вытаращил глаза.

— И?..

— Она ушла, когда узнала, кто я.

— Ох, ты ж... Мне жаль.

— Её можно понять.

Они надолго замолчали. Тэрн всё так же пытался уложить это в голове. Повелитель Мечей выращивает яблоки на ферме. Повелителя Мечей бросает жена.

Совершенно неожиданно в голове вспыхнуло:

— У меня было какое-то короткое имя... на «т»... нет, не помню...

***

Тим сейчас должен быть у Ринса... то есть, нужно пробежать ещё всю деревню! Алисия с трудом переставляла ноги. Перед глазами было темно, воздуха не хватало. Но сына нужно было забрать как можно скорее. Только бы успеть раньше них. Только бы... не опоздать.

Алисия бежала из последних сил...

***

...Кина бежала из последних сил. Монахи всё-таки добрались до неё. Ей предлагали вернуть амулет по-хорошему, и она уже почти согласилась — но вдруг поняла, что не может отдать то, что связывало её с Джоном, что давало надежду увидеть его... может быть, в последний раз, прежде чем он её убьёт.

Нужно будет найти коня — сейчас ей не дали добраться до Мрака. Но как? На какие деньги?! Это Джон мог позволить себе любые траты. А она совсем издержалась. Можно было украсть что-нибудь (можно было и сразу коня), но чем больше бы она воровала, тем сложнее было бы вернуться в этот город — а их мир был таким маленьким, что ещё не раз пришлось бы исколесить его. На работу же она устроиться не успевала, её слишком быстро находили. Что ж, значит пришла пора ей становиться мастером маскировки, как Джону.

Тут полянка снова сменилась лесом и Кина перешла на шаг. Лес был её единственной возможностью оторваться от конников.

А что если... сделать большой круг по лесу и снова выйти в Эрнел? Они не ждут её возвращения, слишком далеко она ушла... Так можно будет забрать Мрака — и либо снова перестать ходить пешком, либо продать его (прости уж, коняга! хотя ты не расстроишься).

Да, это была хорошая идея. Кина повернулась, чтобы уйти глубже в лес, и вдруг всхлипнула. Она так устала. У неё так болела голова. Ещё она ухитрилась заразиться какой-то дрянью, но каждый раз, когда хотела зайти к врачу, ей то не хватало денег, то снова приходилось убегать... Почему ей приходится убегать?! Она же ни в чём не виновата! Катились бы они в Пропасть с их проблемами. Они враждуют с Джоном — вот с ним пусть и разбираются!

Вдоволь пожалев себя бедную, Кина вздохнула и взяла себя в руки. Нужно было идти дальше — или уж сразу сдаться. Но сдаваться она была не намерена.

8.2. Алиар: Новая дружба

Райк лежал и смотрел в потолок. Объявили отбой, но он в кой-то веки не послушался приказа и даже не пытался заснуть. Он думал.

Наконец-то прекратилась болтовня о «предательстве» Тэрна. Все эти месяцы орден гудел, как улей, жил, казалось, одной ненавистью. Все разговоры в итоге касались Тэрна и его побега — и сразу же умолкали, потому что наставник Лорм строго-настрого запретил обсуждать это. Да и что тут было обсуждать? Всё было повторено сотни, тысячи раз. Тэрна ненавидели едва ли не сильнее, чем Повелителя Мечей.

Но теперь орден успокоился: приелось уже цедить сквозь зубы, обсуждать шёпотом... И, хотя непонятно было, что им делать теперь и как побеждать Повелителя Мечей без героя, орден продолжал жить своей обычной жизнью. Ведь что ещё им оставалось делать?.. Разве что разойтись...

Райк был счастлив, что разговоры смолкли. Он не знал, как реагировать на них: они резали по сердцу и дико хотелось остановить болтунов, закричать, что они ошибаются... но Райк не был уверен, что имеет на это право. Ведь Тэрн действительно ушёл.

Но он не предавал ни их дело, ни их мир... ни их дружбу. Хотя когда-то Райк именно так и считал.

А теперь ему иногда приходили в голову странные и страшные мысли. Что... может, всё было наоборот? Может, это он предал Тэрна?

Когда впервые отказался выслушать. Когда стал решать за него. Когда подумал, что лучше знает, как ему жить. Когда из друга стал надзирателем...

Нет, Райк по-прежнему считал, что Тэрн обязан победить Повелителя Мечей. Это долг. Это спасение мира. Но, наверное, он... не имел права навязывать своё мнение? А как тогда? Просто отпустить... и надеяться, что он сделает правильный выбор? Что когда-нибудь он вернётся?

Видимо, так. Как и всегда, придя к выводу, Райк закончил размышления. Он повернулся на бок и закрыл глаза. И, почти уснув,

вдруг отчётливо подумал: «Дэйниэл Всеблагой, храни его в пути! Где бы он ни был, что бы ни делал, прошу тебя, помоги ему!»

***

А Тэрну и не нужно было помогать. Он тоже думал — правда, лежал, не вытянувшись по-солдатски, как Райк, а расслабленно, закинув руки за голову.

Как, как ясность глаз могла быть связана с обучением героев? А со странностями городов? А с Извечной войной?!

Ещё раз. У Повелителя Мечей и героя глаза самые ясные. Хорошо. Значит... орденское воспитание... направлено на то, чтобы... у героя были как можно более яркие глаза. Что бы это ни значило.

Дальше. В городах странные только те люди, у которых глаза тусклые. Просто их сейчас очень много. Значит... чтобы города были нормальными, нужно чтобы в них было как можно больше людей с яркими глазами. И... за этим Джон ведёт войну — чтобы убивать людей с тусклыми глазами. А мир он хочет уничтожить, если их станет слишком много. Нет, ерунда какая-то...

— Тэрн? Всё в порядке?

— Да... а что?

— Вертишься — аж через стену слышно. Я думал, зверь какой-то забрался.

— А. Нет. Слушай, Джон... — и он изложил свою теорию.

Повелитель Мечей опустился на кровать и внимательно выслушал.

— ...Только я никак не могу понять, зачем ты собираешься разрушить мир.

— А я не собираюсь.

Тэрн похлопал глазами.

— Но Пророчество...

— Пророчество было написано так, чтобы произвести впечатление на людей. Кто бы бросил размеренную жизнь и пошёл рисковать головой, если б знал, что у врага нет цели ни убить его, ни навредить ему?

— А зачем ты тогда... а-а-ах. Если ты скажешь, что я не готов это слышать, а кинусь в тебя подушкой. Я предупредил!

— Ты готов, — даже в темноте Тэрн почувствовал, что Джон улыбнулся. — Просто мне не нравится твоя привычка сдаваться при

малейших сложностях. Ты же почти всё понял сам! Остался последний шаг! Так зачем ты спрашиваешь меня?

Тэрн насупился, и они, как обычно, замолчали.

— Ладно, зайдём с другой стороны... надеюсь, ты не скажешь, что это та же самая тема. Я перед сном копался в твоих расчётах — по-прежнему в них не вникаю, но, кажется, я уловил главное.

Джон склонил голову и с интересом прислушался.

— Эти истории, что Каммена — Сердце Мира, и через него просачивается магия из Пропасти между мирами — на самом деле правда. Так что ты хочешь собрать энергию из Пропасти и из предыдущих миров и направить её куда-то... И если я правильно понял, сделать это можно будет только в храме Каммены... Так?

— Вкратце. Я же говорил, что ты способен понять.

Тэрн отмахнулся.

— Но тогда почему на карте пять звёзд? Эндер, Аймос и Акватрия — другие миры. Так? А откуда ещё два?

Джон молчал.

— Почему у них чёрные камни? — зашёл Тэрн с другой стороны. — И почему они без названий?!

Джон молчал.

— Да как же ты бесишь! Почему ты всё время заставляешь меня думать?! Прямо как в ордене! Не ты ли его основал?

— Я.

Тэрн осёкся.

— А?..

— Правда, я не ожидал, что он так разрастётся. Он должен был растить только героев, может, парочку помощников.

Тэрн замолк, но не смог уложить это в голове и просто сменил тему.

— ...Я остановился на мирах без названий, которых не видно в небе. Они поэтому чёрные? Потому что не светятся?

— Можно и так сказать.

— А не светятся они... они... и названий у них нет... их не существует, что ли?

— Именно.

— А почему тогда они есть на карте? Пожа-а-алуйста, не говори это снова...

— Я и не собирался, — Джон встал, зажёг лампаду и продолжил очень серьёзно: — Это те миры, которые Дениел должен был создать, прежде чем браться за Алиар... если бы он не был таким идиотом. Хотя Акватрия — тоже не первый мир. До неё было множество других... первая серьёзная работа, предтеча Алиара.

— Какой Дэйниэл? — просипел Тэрн.

— Дениел-Творец... — Джон пожал плечами. — Знаешь других?

— Его не существует! Нет никакого Творца! Ты издеваешься надо мной?!

Повелитель Мечей удивлённо смотрел на него, и по спине у Тэрна пробежал холодок.

— Никакого Творца нет... Нет! Ты же логичный, разумный человек, ты не можешь в него верить!

— Я и не верю, — Джон мрачно ухмыльнулся. — Я давно не верю в этого урода... Но это, к сожалению, не значит, что его не существует.

Тэрн некоторое время не шевелился. Потом закрыл рот.

Творец существует, пам-парам-папам. Джон, похоже, видел его лично, парам-пара-пам. А, вот что произошло: как и все, побывавшие в Каммене, он стал сходить с ума! Точно. Именно так ведь и бывает: человек возвращается, вроде как, совершенно нормальный, а через некоторое время начинается. Парам.

— Тебе уже полегчало?

— Пампа... то есть... да. Творец существует. Логично, в принципе. Каммена существует. Магия существует. Почему бы Творцу не существовать? Наука терпит поражение и машет белым флагом.

— А почему ты считаешь, что магия против науки?

Тэрн яростно замахал руками, едва не снёс книгу со столика у кровати, но на человеческий язык перевести свою речь так и не смог. Джон продолжил:

— Алиар дал трещину в Каммене. Иногда в неё просачиваются существа, которые живут по законам других миров. Но там наука спокойно изучает их: даёт обоснование полёту фей, классифицирует говорящие деревья.

— Ты мне сейчас ещё скажешь, что создание мира Творцом — это логично и естественно... — выдавил Тэрн.

— Это логично и естественно. Но непонятно. Как раз это я назвал бы магией, а лучше — волшебством. Сведения, которые недоступны

тебе на нынешнем уровне, которые, даже если тебе изложат, ты не сможешь понять и уж точно не сможешь применить... Когда мы познакомились, я говорил тебе, что ты не готов услышать многие ответы. И подумай: если бы я сразу рассказал, что я создал орден, что герой не должен, да и не может победить меня, что не все люди, которые дышат и говорят, живы... смог бы ты это осмыслить? А ведь это лишь малая часть того, о чём ты спрашивал. А создание миров, сотворение души, смысл мира... это гораздо сложнее. Это не просто знание, которое ты не сможешь осмыслить, — это то, что вредно и опасно знать, пока ты не готов к этому...

Парам. Парам. Парампам.

— Откуда ты всё это знаешь?

Тэрн сам удивился своему хриплому голосу.

— Да я не знаю, — удивился Джон. — Я просто так думаю. Что ещё мне было делать в последние тысячи лет? Учиться разным вещам и думать... Ладно, пойду я. Слишком много для одного дня, да?

Тэрн судорожно кивнул и зажмурился, уговаривая рассудок не расставаться с ним. Джон погасил лампаду, вышел и тихо прикрыл дверь.

***

Алисия помнила тот ледяной ужас, когда она увидела знак Творца на своём сыне. Одна из немногих людей Алиара, она знала, что означают эти родинки.

Что у него не будет нормальной жизни.

Она рыдала ночами, она проклинала Творца, она умоляла Его убрать эту метку... Почему Он выбрал её сына?! Неужели Он мало забрал у неё?! Неужто в её жизни ещё недостаточно боли?!

Потом началась её маленькая война. Стало не до проклятий.

И лишь через несколько лет, уже почти проиграв, Алисия поняла, что, может быть, — может быть, — таким образом Творец спас Тиму жизнь.

Алиар был слишком маленьким миром и слишком редки в нём были путешественники. Она побывала во всех городах десятки раз — сначала меняла обличья, легенды, но потом это перестало работать. Слишком примелькалась молодая женщина с маленьким ребёнком. В каждом городе их находили всего за несколько дней, и не было никого, кто мог бы заступиться за неё...

За неё — но не за Тима.

Завандрские бандиты, айнерские монахи, кивишская стража — в мире не было силы, равной ордену. Ещё бы, если даже Повелитель Мечей каждый раз проигрывал ему! И любого человека, попавшего в орден, берегли, как зеницу ока. А уж героя...

Конечно, оставить Тима ордену значило, что она вряд ли увидит его до войны. Конечно, это почти сводило к нулю его шансы прожить нормальную жизнь и завести семью. Но Алисия не видела других путей спасти сына.

И без него она сможет перемещаться быстрее и скрытнее... Она найдёт всех, кто преследует её, и убьёт их. Она найдёт того, кто поможет ей, — пусть это будут монахи, пусть бандиты, пусть хоть Повелитель Мечей. И, может быть, выживет. Но главное, что выживет Тим. А от судьбы героя ему всё равно не уйти...

***

Мне нельзя к тебе на небо,
А тебе ко мне прилететь...
Аквариум

Джон сидел над расчётами и раскачивал перед собой амулет. Это был приз, полученный Тэрном в Айнере. Глупая, бесполезная безделушка — подлая насмешка над его изобретением, над всеми его мечтами. Впрочем, настоящий амулет тоже не помог бы сейчас.

Он упустил момент. Звёзды разошлись на пятьсот лет... И теперь Джон вновь закапывался в расчёты, пытаясь найти другой способ зарядить амулет — или открыть иной путь к своей цели. Но не удавалось, не выходило. Куда он ни рвался — везде был тупик...

И всё из-за Кины. Нет, неправильно. Всё из-за собственной глупости: наивности, честности, неумения разговаривать с людьми... продолжать можно было долго.

Жалел ли он о своём решении? Винил ли Кину?.. Поначалу бывало. Со временем перестал. По крайней мере, он попытался! По крайней мере, в его жизни была любовь...

Да, до чего смешно это звучало. Он, он отказался ото всего, к чему стремился, ради любви! Да из него в первой жизни романтический герой был, как из моли, и теперь — как из булыжника!

Конечно, тысячелетия жизни доказали Джону, что всё именно так и выходит. Любовь, страсть, ненависть, самые сильные чувства бушуют порой в людях, в которых их дико даже предположить. И наоборот, в сильных, красивых, галантных юношах часто обнаруживается лишь пустота — в полную противоположность девичьим романам.

Хотя вообще-то романы Джон одобрял. Да, да, эти глупые, сопливые книжки с овцой-героиней и героем-оленем, которые нельзя было прочесть, не выключив предварительно мозг... и в которых всегда всё кончалось хорошо. Очень хорошо. Так хорошо, что Кину от них тошнило, и Тэрна от них тошнило — а Джон радовался. Приятно было видеть, что у кого-то в мире всё хорошо. Не зря живём, значит. Не зря страдаем.

Правда, гораздо сильнее романов Джон ценил сказки. Наверное, потому что для него они были историческими фактами, переиначенными, конечно, перевранными, — но всё-таки отражающими его воспоминания.

Тэрн, кстати, тоже сказки любил.

Тэрн... Тэрн уже несколько дней ходил, как пришибленный, и Джон почти жалел, что открыл ему ту малую толику происходящего. Как бы ни злился мальчишка, каким бы рассудительным он ни был, он действительно был не готов. И Джон представить не мог, как расскажет ему остальное...

Впрочем, значения это не имело. В ближайшие пятьсот лет всё неосуществимо. Он воспитает Тэрна, научит его всему... потом погибнет или изобразит свою смерть; скроется в тени и посмотрит, чего достигнет мальчик. Он молодец, он сильнее многих героев, может быть, зная, как устроен мир, он сможет, наконец, добиться цели... да

нет, не сможет. Джон тяжело вздохнул. Тэрн — в точности, как он, — не умел по-настоящему находить язык с людьми. Когда было нужно для дела — да, мог убедить любого. Но чтобы долго вести за собой... вести не людей достойных, приличных, а *всех*... Искренне полюбить их — всяких. Вдохновить на подвиги — отъявленных подонков, глупцов, трусов... Тэрн бы не справился. Даже Джон за столько лет не научился.

Порой он жалел, что не застал Святых Гелдера и Дайфуса. Они, конечно, тоже не достигли цели — но они умели любить людей. Посмотреть бы хоть издали, как это выглядит...

Джон откинулся на спинку стула и прикрыл глаза. Что ему делать в эти пятьсот лет?.. Найти настоящий амулет или собрать новый... времени теперь на это предостаточно. Вести потихоньку свои бесполезные расчёты... а вдруг повезёт, а вдруг всё-таки выйдет. Растить Тэрна... хотя что его растить, взрослый уже почти. А потом? А потом что? Через пятьдесят лет? Через восемьдесят? Когда Тэрн умрёт?

У него будут дети. Может быть, они будут ему так же близки, как сам Тэрн. Потом будут внуки. Потом... всё кончится.

В первых Витках Джон не раз пытался разыскать потомков людей, которые были ему когда-то дороги, — и прекрасно знал, что за несколько поколений внутреннее сходство растворяется. И остаётся лишь боль от того, что человек рядом так похож на некогда близкого тебе, но не имеет с ним ничего общего.

Конечно, Джон с самого начала знал, что проживёт гораздо дольше обычного алиарца. Понимал, что все, к кому он привяжется, не проведут рядом и одной десятой его жизни... но одно дело знать, а другое — пережить. И осознание вышло столь болезненным, что полсотни Витков он не подпускал к себе никого и окончательно разучился привязываться к людям. Только Кина, видимо, что-то разбередила в нём. Все давно забытые, отмершие потребности: любить, быть любимым, заботиться о ком-то, делиться знаниями и мыслями, быть выслушанным — постепенно возвращались к нему, и становились всё сильнее после её ухода; тем больше напоминали о себе, чем дольше он не обращал на них внимания — и в итоге вылились на Тэрна...

А значит — нужно было убрать эти бумаги и проводить с мальчишкой больше времени. Пока не стало поздно. Пока не оказалось

— опять — что за своими делами он всё упустил...

Была у него любимая, теперь появился ученик. Оставалось лишь надеяться, что в этот раз ему повезёт больше.

8.3. Алиар: Конец части

Эрнел снова остался позади, и у неё снова был конь. Хорошо.

Брат Елло заметил её. Плохо.

В этот момент он ел, а судя по его виду, завандрский настоятель был не из тех, кто оставляет тарелку полной. Значит, у неё была фора. Хорошо!

Мрак путешествовал с Джоном и привык к разнообразнейшим трюкам. Переплывать реку или идти по лесу было для него делом привычным и довольно скучным. Вряд ли у монахов были подобные кони. Очень хорошо.

Зато они всегда могли найти сменных, а она нет. Плохо!..

Кина была в пути уже пару дней после возвращения в Эрнел — и пока брат Елло не догнал её. Кина металась между городами, словно загнанный зверёк — а впрочем, почему «словно»...

За время пути она не раз пыталась узнать о Джоне, но разве могла она разыскать того, кто тысячелетиями оттачивал умение прятаться! Оставалось лишь надеяться, что он сам разыщет её... и тогда она будет в безопасности... и пролежит пластом целую неделю и наконец-то выспится...

***

Тэрн, зевая, шёл на запах чего-то вкусного. Джон широким жестом указал на тарелки и произнёс:

— Доброе утро. С завтрашнего дня готовишь ты.

Тэрн, уже взявший ложку наизготовку, вытаращил глаза.

— Я?! А чего я? У тебя так здорово выходит!

— Вот и учись, пока я жив.

— Ну да, ну да. Я же тебя, бессмертного, обязательно переживу.

Тэрн рассмеялся, а Джон пожал плечами.

— Кто знает, кому из нас повезёт.

Тэрн не знал, что он имеет в виду под везением, и понял, что не хочет уточнять. Впрочем, ему всё равно предстояло узнать.

— Ты меня вчера сбил. Я же что говорил: ты хочешь собрать энергию от других миров и направить её в амулет. Так вот! Если я правильно понял, там, где будет амулет, произойдёт взрыв! Но

применить-то ты его можешь только в Каммене. Так зачем ты хочешь взорвать Каммену? Я запутался...

Джон помолчал, грустно улыбаясь.

— Или нет? Я опять формулы напутал? Там не взрыв, а... а...

— Ты всё понял правильно.

Джон на секунду прикрыл глаза, и интуиция, к которой он всегда говорил прислушиваться, подсказала Тэрну, что его ждут плохие новости. Начало это подтвердило:

— Ты только не переживай. А то ты так близко к сердцу всё принимаешь...

Тэрн опустил руки.

— Я хочу взорвать не сам храм, — продолжил Джон. — А того, на ком будет амулет.

— А!.. — Тэрн облегчённо выдохнул. — Я уж думал, ты что-то жуткое скажешь! А зачем такие сложности? Прирезать просто нельзя?

— Нет, к сожалению. Если просто прирезать, я воскресаю.

Сердце Тэрна пропустило пару ударов. Джон молча смотрел на него.

— ...Ты не переживай, — повторил он. — В ближайшее время у меня всё равно ничего не выйдет. Я разрядил амулет, когда женился. Я тогда решил, что останусь с ней... а силы в амулете было достаточно, чтобы разнести всё вокруг даже вдалеке от Каммены. Но такая комбинация звёзд будет снова лет через пятьсот.

Тэрн открыл рот, чтобы задать наиболее интересующий его вопрос, но осознал, что не может задать пять вопросов сразу.

— А-а-а зачем ты хочешь это сделать?

— Чтобы больше не воскресать, — пожал плечами Джон.

Очевидно. Но всё равно непонятно.

— А как это поможет?

— Помнишь, я говорил, что в Каммене есть трещина, через которую просачивается магия? Когда три мира сходятся так близко, энергии становится больше всего. Амулет (если его правильно зарядить) начнёт собирать силу и будет набирать её месяц или два. Это время уже необязательно быть в Каммене, хотя сами, так сказать, ритуалы и приходится проводить в ней. А через два месяца — взрыв. Если быть в храме Дениела, у самой трещины, то... у меня есть

надежда, что я отправлюсь в Пропасть между мирами, а там... ни один человек не выживет, даже бессмертный.

Тэрн сглотнул.

— А что будет с твоей душой, если ты попадёшь в Пропасть?

— Понятия не имею.

— Но... но... а как же мир? Как же твоё дело?! Зачем-то же ты занимался этим столько лет! Что будет, если ты просто... исчезнешь?

— Думаю, будет плохо. Наверное, этот мир превратится в редкостное болото. Хотя есть и другой вариант.

Интуиция сказала, что вот сейчас будут по-настоящему плохие новости.

— Может случиться, что после этого трещина не сойдётся обратно. Тогда в Алиар ворвётся слишком много энергии. Результат... непредсказуем. Но не бойся: если его разорвёт изнутри, то мгновенно. Никто ничего не почувствует.

Тэрн внимательнее посмотрел на Джона. Такой спокойный. Вот он — Повелитель Мечей. Тот, кто воскресал сотни раз, и сотни раз продолжал свою войну... кто отрёкся от своей жизни, чтобы сделать что-то бесконечно далёкое от человеческого понимания, а теперь покончил с делами и собирается уйти на покой.

— То есть, Пророчество всё-таки право: ты **собираешься** разрушить мир.

Джон пожал плечами.

— Изначально не хотел. Но не остановлюсь, если придётся... Свою задачу я выполнял много лет и считаю долг оплаченным. Что будет теперь — не мои проблемы.

— А зачем ты брался за всё это?

Тэрн уже спрашивал когда-то. Он не помнил, что ответил Джон — то ли «Ты не готов слышать», то ли «Я не готов рассказывать»... или, кажется, оба сразу.

— Меня попросил об этом... тот, кого я очень уважал. И кому был всем обязан. Он сказал, что это временная мера. Я не учёл, что у нас с ним... разные понятия времени.

Раньше Тэрн не думал, что его голос может быть настолько хриплым:

— Дэйниэл?..

— Да. Дениел.

Джон на секунду отвёл взгляд, а потом повторил:

— Теперь это снова его проблема.

Тэрн надолго замолчал, пытаясь осознать всё услышанное. Наверное, ему нужно перестать полагаться на себя и больше слушать людей знающих. Джон оказался совершенно прав: он не был готов это слышать.

— А если ты всё уже спланировал... и всё это произойдёт не раньше, чем через пятьсот лет... что ты всё время считаешь?

— Я подумал: вдруг это можно приблизить.

— Не надо, — пробормотал Тэрн. — Пожалуйста... не надо...

Джон сцепил руки в замок.

— Ты тоже мне очень дорог. Я постараюсь не делать этого при тебе. Я хотел бы посмотреть, как ты проживёшь, провести с тобой больше времени. Но если вдруг мне выпадет шанс — я не откажусь. Извини.

Тэрн молчал.

— Я прожил на тысячу лет больше, чем мог вынести. И в прошлый раз, когда упустил возможность... это было слишком тяжело, хотя, может быть, и стоило того. Но я не... я бы сказал, что не перенесу второй раз, но это самое худшее — я его перенесу. Прости, Тэрн, я понимаю, что для тебя звучат ужасно мои слова про разрушение мира... но ты просто пока не понимаешь. Как и то, почему я убиваю каждый Виток, и почему это ничего не значит... смерть тела неважна, Тэрн. Страшна только смерть души.

Он помолчал и добавил:

— Наверное, я зря рассказал тебе. Ты всё ещё был не готов.

Он аккуратно собрал тарелки и вышел. Тэрн так же смотрел в стену.

9.1. Финал: Снова монахи

Пока птица поёт,
Пока странник идёт,
Этот мир будет жить,
Этот мир не умрёт...
Тэм Гринхилл

Прошло ещё несколько дней. Кина уже ничего не соображала. Она слишком устала. Она была слишком больна, чтобы это продолжать. Она... больше не могла.

Наверное, она прислонилась к дереву и, наверное, провалилась в сон — впервые за столько времени, — потому что когда Мрак предупреждающе заржал и она очнулась, было уже совсем темно, а вокруг стояло множество людей... Кина сосредоточила взгляд. Монахи... брат Елло. Да, кончилось путешествие.

— Амулет.

Она послушно сняла с шеи амулет и вручила настоятелю. Брат Елло вздрогнул и сразу же передал его монаху слева. Да, боялись они его... амулет... Джона...

Брат Елло сделал два шага назад и смерил её взглядом. Жалкое зрелище, наверное, увидел.

— Повезло тебе, дрянь. Святой дед Ушка проникся твоей историей. Он считает, что ты — заблудшая овца, и говорит, что надо лишь забрать у тебя амулет, а тебя оставить в покое. Он у нас такой добрый, наш всемилостивый дед Ушка! Ко всем, ко всем снисходит, даже к таким, как ты...

На полторы фразы голос брата Елло вместо омерзения и ненависти наполнился благоговением, но потом сорвался обратно. Кина присмотрелась. Двое монахов, стоявших ближе всех к брату Елло, были одеты в иные рясы: полностью серебряные, а не белые, как у обычных монахов, и не белые с серебряной отделкой, как у завандрского настоятеля. Адепты Серебряного Храма, значит... Святой дед послал проконтролировать... Ну, спасибо, дед Ушка, может, и не убьют.

Брат Елло говорил что-то, но Кина не слушала. Она пришла в себя лишь на словах монаха в серебряной одежде:

— Тебя никто не тронет, дочь наша. Тебе будет порукой слово самого святого Ушки, — Кина видела, как скривился брат Елло, а с ним ещё несколько мужчин, — и ни один монах не осмелится его нарушить.

Стальным был его тон. Стало ясно, что и впрямь — не осмелится. Потому что преступившего приказ подлеца-монаха быстро устранят другие монахи, добрые. Причём достанут всех-всех-всех, причастных к случившемуся. Ох, как Елло глазами прожигает...

— Иди, дочь наша, — вступил второй монах. — Мы верим, что ты просто ошиблась. Не может простой человек распознать ложь самого воплощения зла... Иди и не совершай больше таких ошибок.

Они её отпускали. Кажется, они правда её отпускали. Какие милые, добрые люди. Не все монахи, значит, продажные твари... не все, значит...

В своих серебряных одеждах, обличённые непререкаемой волей и добротой, на мгновение они показались Кине воплощением Святых Гелдера и Дайфуса. Она опустилась на колени и просипела:

— Благословите на новую жизнь, святые отцы.

Один из них возложил руку ей на лоб, второй сложил ладони в молитвенном жесте, и они нараспев произнесли слова благословения. После чего ушли, уводя за собой всю толпу и брата Елло.

Он слегка задержался. Обернулся, поймал взгляд Кины и демонстративно сплюнул. Она помахала в ответ.

Когда монахи ушли, Кина вскочила, начисто забыв о прежней усталости. Она заметалась вокруг коня, навешивая попону, застёгивая седло и взбудораженно приговаривая:

— Видишь, Мрак, какие дела! Не найдёт меня Джон теперь... А, что ж врать-то!.. хотел бы — разыскал давно! Новая жизнь нам только и остаётся, брат. Ну да живы и хорошо... хорошо-то как, что живы!

Она хотела сказать что-то ещё, но вдруг замолчала, а потом её вывернуло наизнанку. Кина шатнулась, прислонилась к дереву и снова сползла по нему. Мрак сочувственно покосился на хозяйку, кажется, впервые за их знакомство проявив какие-то эмоции.

Где-то вдалеке милосердные, гордые собой монахи с большой осторожностью несли красивый, но совершенно бесполезный амулет.

***

— Зачем ты пришёл?

— Потому что ты звал меня...

«Притча» про философа и сантехника

В последнее время Тэрн с Джоном не обсуждали мировые вопросы. Наоборот: Тэрн учился драться на мечах, изучал травы и звёзды, готовку и стройку — всё то, от чего он так бежал в ордене, и многое другое.

Сейчас, например, они пришли в Айнер — пополнить запасы, посмотреть, что сталось с миром за это время.

Джон упоминал Тэрну, почему мир сейчас такой странный. По его словам, из-за того, что Виток был отложен. Его предстояло начать чуть меньше двадцати лет назад, но сначала Джон возился с амулетом, а потом его угораздило пообещать жене, что в ближайшее время Витка не будет. Таким образом, Тэрн получался героем следующей войны. Что случилось с тем, из предыдущей? Он не спрашивал и, кажется, не хотел знать. Как Извечная война спасала людей?.. Он не спрашивал. Тэрн пока не думал над столь серьёзными вопросами. Отходил после предыдущих ответов.

Он уже заглядывал в Айнер — относил святую воду. Там стало гораздо лучше: молились по-прежнему много, но уже не было той экзальтации, что он застал до своего отправления в Реллу.

Тогда он в кой-то веки хорошо пообщался с Юнем и Андой — может быть, из-за того, что быстро закончилась и он не успел наговорить лишнего. Теперь было интересно узнать, что они там нашли в этой воде, да и просто повидать живых людей.

Юня Тэрн встретил совершенно неожиданно: выходящим из Высокого Храма. Это было одно из самых закрытых мест Айнера: если в Серебряном Храме монахи собирались для особых церемоний, то в Высоком они проводили советы.

— Интересные ты места посещаешь, брат Юнь.

— Брат Тарк! — просиял тот. — Или брат Тэрн?

Он пожал плечами:

— Лучше просто Тэрн. Хотя это нужно будет ещё брату Анде объяснить...

— Да уж попробуем. Ты его видел? Он стал гораздо спокойнее... и по-прежнему за тебя молится.

— Анда?! Спокойнее? Вы что с ним сделали?

Брат Юнь улыбнулся:

— Не мы, а Творец.

— Творец — молодец... Извини, что я в прошлый раз так быстро уехал, дела были.

— Мы так и поняли.

Юнь успокаивающе улыбнулся и указал головой вглубь улицы. Действительно, здесь было слишком людно и шумно. Тэрн пошёл за ним и вскоре разговаривать стало гораздо легче.

— Жаль, брат Анда сейчас занят. Творец помог нам найти в архивах специальную дыхательную гимнастику, которая позволяет ему оставаться спокойным. Более-менее, но уже хорошо... Может, он тебя ей потом научит?.. Я не хочу сказать, что ты неспокойный, но...

— Но я неспокойный. Пусть учит, не повредит. Скажи лучше, а ваш святой дед меня не сожжёт за то, что я опять здесь шастаю?

— Не-ет... Ты же пообещал больше лишнего не говорить. Не будешь ведь? — Тэрн помотал головой. — Вот я ему так и сказал. И что ты мой друг. Он, кстати, хотел с тобой познакомиться.

— Святой дед Айнера?..

— Ну да. Дедушка мой.

Брат Юнь обезоруживающе улыбнулся. Тэрн на некоторое время прикрыл глаза.

— Сильно. Слушай, а раз ты у нас такой... блатной, можешь кое-что узнать?

— Попробую.

— Ты ведь знаешь, как были изобретены амулеты победителя состязаний?

— Ну да, их мой дедушка придумал.

— А вот среди них... должен быть один особенный. Можешь узнать, он не у вас случайно? Просто узнать.

— Узнаю.

Юнь улыбнулся.

— Вот так запросто?.. А что ты хочешь... в смысле, что я могу для тебя сделать взамен?

— Ну... было бы неплохо, если бы ты стал вести себя так, чтобы следующие наши встречи тебе больше не приходилось начинать с извинений.

Тэрн почувствовал, что вспыхнул, как факел. Он судорожно кивнул и отвернулся, чтобы скрыть совершенно алое лицо. А когда снова обернулся к Юню, то увидел, что тот так же спокойно и искренне улыбается. Тэрн оглядел его круглое лицо, ёршик светлых волос, нос картошкой — и подумал, как в таком простом человеке может быть столько доброты и прощения. Наверное, он станет следующим Дайфусом или Гелдером... но если останется святым дедом, то Алиар будет в надёжных руках. Интересно, его родня такая же? Как там Талек говорил, что его отец — настоятель в Завандре?

Тэрн представил трёх кругленьких братьев Юней разных возрастов, окружённых каждого своей паствой, и прыснул со смеху. Юнь хитро покосился на него, но ничего не сказал.

— Слушай, а если ты знаешь, для чего были изобретены эти... штуки, — Тэрн бросил взгляд по сторонам, — то не боишься узнавать, что я тебя просил?

— Неа. Я ж монах. Что я, хорошего человека от плохого не отличу?

Тэрн хлопнул глазами.

— Спасибо... но знаешь, закрытая информация даже у хороших людей не всегда приводит к добру...

— Тоже верно. Но ты герой из Пророчества, и мой долг, как любого алиарца, во всём помогать тебе.

Тэрн едва не врезался в одно из зданий. Повезло, что брат Юнь вовремя подцепил его под локоть и умело оттащил от угла — сказывалось общение с Андой. А Тэрн мог выдать только:

— Как?!

— Я увидел зна-ак, — расплылся в улыбке брат Юнь.

— Да?.. На меня что, сел зелёненький жук?..

— Почти. Помнишь, перед Состязаниями ты переодевался в одежду участника?.. Тогда я и увидел знак. У тебя на спине.

— Метку героя!..

— Ну да. Видишь, а ты не верил, что Творец посылает нам знаки.

Юнь вскинул к небу прочувствованный взгляд. Тэрн прикрыл ладонью глаза.

— Вот, в этом храме брат Анда и тренируется.

— Так далеко?..

— Да, в тупике почти. Зато слышишь, как тут тихо? Пойду его подготовлю... ты лучше здесь подожди, а то вся его гимнастика пойдёт насмарку.

Тэрн улыбнулся:

— Жду вас.

Он пошатался по улице, посидел на ступенях храма, снова походил от дома к дому. Через некоторое время в конце улицы появился невысокий парень. Видимо, по Тэрну было заметно, что он кого-то ждёт, а место это было не особо популярным, и парень принял его за того, с кем должен был встретиться, — потому что он с улыбкой подошёл к Тэрну и радостно произнёс:

— Привет!

— Ну, здорово... — протянул Тэрн.

— Ты прости, что пришлось подождать. Занят был, не сразу услышал.

— Бывает.

Они замолчали. Паренёк вдруг нахмурился и опустил взгляд:

— По поводу того, что ты говорил... всё правильно, в общем-то. Только... ты правда считаешь, что у тебя вышло бы лучше?.. Нет, ты не прав...

Тэрн кивнул сам себе. До этого момента у него не было твёрдой уверенности, что парень с кем-то перепутал его (мало ли, просто поболтать захотел?) — но теперь это было ясно.

— Вы меня с кем-то путаете.

Он вежливо улыбнулся и отошёл к храму. Парень растерялся.

— Да нет... — пробормотал он, — ты Тим.

— Меня зовут не так, — холодно ответил Тэрн.

Парень непонимающе заморгал. Он был весь какой-то встрёпанный, будто только что проснулся, а взгляд у него был такой расфокусированный, будто, даже глядя в упор на Тэрна, он в то же время думал ещё о нескольких вещах. Сумасшедший, что ль, местный?

— Тим... — снова начал он.

— Меня зовут не так, — теряя терпение, повторил Тэрн и вдруг вспомнил.

Тим. Короткое имя на букву «т». Его звали Тим...

— Кто вы?..

— Но ты же сам меня звал, — расстроено повторил парень. — Я Ден, Дениел Холдон! Дение... мда. Я всё неправильно сделал, да? Извини...

Он покачал головой и вдруг стены Айнера растаяли перед лицом Тэрна. На какое-то мгновение он очутился в белой пустоте, а потом вокруг соткался маленький кабинет, под завязку заваленный чертежами.

— Извини, со мной всё время как-то так получается. Ты садись, садись! Чай будешь?

Тэрн рухнул в кресло.

9.2. Финал: Творец

Бог второй сказал: «И я вот тоже мучаюсь,
Люди, созданные мной, в меня не веруют.
Я послал бы им мессию так, при случае,
Но боюсь, они распнут его, наверное»...
Филигон

— Так это правда... — наконец пробормотал он, — что ты порой ходишь по Айнеру...

Дэйниэл поморщился, как от зубной боли.

— Как и по любому другому городу. Хотя я Реллу предпочитаю.

— Там же в тебя не верят...

— Я тоже в себя не верю.

Он грустно улыбнулся.

Тэрн обвёл взглядом комнату, потом самого Дэйниэла. Кто он? Волшебник? Гипнотизёр? Тэрн не верил, что это его Творец. В нём было столько человеческого, в его кабинете было столько человеческого...

— Каков есть, извини.

Тэрн вспыхнул.

— Чем я могу помочь? — наконец выдавил он.

Дэйниэл вскинул брови.

— Это я чем могу тебе помочь! Мне показалось, ты хочешь о чём-то спросить...

— А ты всем являешься, у кого есть вопросы?..

— Нет, но... за тебя многие просили. И ты говорил со мной в храме Каммены, я оттуда лучше всего слышу... и мне показалось, что я тебе действительно нужен.

Тэрн уставился в стену, потому что не было сил смотреть на этого встрёпанного паренька и продолжать считать, что говоришь с Творцом.

— Да... у меня к тебе столько вопросов...

— Я знаю, Тим. Мне жаль.

— Я не знаю, с чего начать...

Тэрн закрыл лицо ладонями.

— Давай начну я, — успокаивающе произнёс Дэйниэл-Творец. — Хотя это тоже непросто.

Тэрн всё так же не отводил рук, и откуда-то из темноты до него доносилось:

— Я стал демиургом раньше срока. Так вышло... Но я не был готов к этому знанию. Во мне осталось слишком много человеческого. И видишь, как получилось...

— Как?..

— Мои миры... они гибли один за другим, как я считал; и я решил сотворить ваш мир, ты же знаешь эту историю? — он начал тараторить, — идеальный мир, в котором не будет...

— «...Болезней, голода, землетрясений или наводнений — ничего, что мешало бы вам жить...»

— Да... да... и я ошибся. Я не знаю, была ли неверна сама идея, или это я сделал что-то не так, но... в итоге люди не хотели ничего. У них и так всё было, им не нужно было ничего создавать. Не нужно было строить здания для защиты от холода, или жары, или животных. Не нужно было выращивать поля или сажать деревья — вокруг и так было полно еды... Я думал, что раз низшие потребности удовлетворены, вы сразу же перейдёте к высшим... я не знаю, почему это не сработало.

— И что ты сделал?

— Я... попытался сам научить вас. Может, это было второй ошибкой. Может быть, стоило подождать, пока вы разовьётесь сами, может, вы выработали бы свою культуру. А так я дал вам знания, используемые в моём родном мире... но только те, что пригодились бы вам для жизни и не повредили бы природе... В результате вышло — кусками... да и то вы почти всё потеряли...

Он помолчал, потом продолжил:

— Да... и получилось такое странное отражение моего родного мира... я ведь даже с флорой и фауной не особо возился — взял за основу родной мир... и сказки оттуда же... мне ведь была важна сама идея, создание гармоничного мира, а не его животные или цветы. Обычно всё совсем не так: я вожусь с мирами долго, бесконечно долго, шлифую каждую деталь... Вот и боялся, что если начну, то снова застряну навечно... а если бы потом этот мир тоже разрушился? Я бы не перенёс ещё одного поражения...

— Ясно. И что, со знаниями не вышло?

— Нет... вы не хотели их — неважно, знаний о том, как обрабатывать пищу, или об устройстве мира и вашем предназначении. Все мои слова уходили впустую... когда я увидел, что мой идеальный мир обращается в болото, я решил остановить... эксперимент. Как-нибудь раскачать его, нарушить равновесие. Пусть были бы наводнения, голод, холод — что угодно, лишь бы вы не тонули в равнодушии... Но я слишком старался создать самый гармоничный мир. Его невозможно было вывести из равновесия. Никак, никакими способами! Что бы я ни делал, он сразу становился таким, как прежде!..

— Всё, чего ты добился — трещина посреди Каммены…

— Да. Но это было только хуже. Я ведь создавал мир без магии, так он был стабильнее... и если бы она появилась так резко, это могло уничтожить Алиар. Так что я разрушил Каммену и расселил вас по городам. А лес закрыл, чтобы волшебство не прорвалось наружу. Потом уже туда смогли пройти только Джон и герои... на всякий случай, чтобы связаться со мной…

— А почему ты создал несколько городов вместо одного?

— Я расселял вас по склонностям к тому или иному, по мировоззрению. Чтобы проще было донести до вас идеи... Но это не сработало: усилились, в основном, плохие черты... я посылал к вам пророков, пытаясь разбудить ваши души, но их вы тоже не слышали. Последними были Гелдер и Дайфус, им удалось добиться хоть чего-то, хотя их вы тоже поняли неправильно... Нет, то, что ты изучал в ордене, тоже не совсем верно...

— И тогда ты?..

— Я создал Повелителя Мечей. Я был в полной растерянности, и тут Джон предложил свою помощь. Мы придумали это дурацкое Пророчество — я никогда не отличался ни лаконичностью, ни литературным талантом, но всё же сработало.

— А смысл был в том, чтобы разбудить человеческие души?

— Да. На борьбу с Повелителем Мечей порой поднимался весь Алиар. Зачастую им и не нужно было воевать — достаточно было просто подняться. А если не получалось, Джон создавал такие условия, в которых нельзя продолжать спать... мор, войну, голод...

— Ты сказал ему, что это временно.

— Я помню... я сказал, что это только пока я не придумаю ничего получше.

— И ты не придумал.

Демиург тяжко вздохнул, потом обвёл рукой комнату. Вся она была завалена чертежами, схемами и рукописями.

— Я старался...

— А Джон? Почему ты просто не отпустишь его?

— Я не могу! Сначала нужно придумать что-то другое...

— Он хочет убить себя.

— Я знаю...

— Это сработает?

— Должно...

— Почему ты не помешаешь ему, если он тебе так нужен?

— Это его право... я не навязываю вам свою волю, только указываю, что правильно, а что нет. Но я не могу отпустить его сам! Пусть делает, что хочет, но я не буду помогать в этом. Я не могу, понимаешь? Он мне нужен. Алиару нужен.

Тэрн вскинул глаза:

— Алиару нужно, чтобы каждый век в нём убивали людей — стариков, детей? Чтобы люди страдали, мучились, умирали на войне, голодали, теряли близких? В двадцатом Витке вырезали две трети населения! Две трети!

— Джон всегда останавливается, как только ему удастся разбудить хотя бы половину душ… сделать так, чтобы людям больше не было наплевать... чтобы брало за живое. Он не виноват, что иногда вам плевать, пока не вырежут две трети населения.

Тэрн надолго замолк.

— И зачем всё это? Чтобы души просыпались? Стоит оно того?

— Конечно! — Дэйниэл всплеснул руками. — Для этого вы здесь и живёте!

— В смысле?

Дэйниэл сник.

— Знаешь, я... не знаю, как ответить тебе. Ты не поймёшь, просто не сможешь осмыслить — и это в лучшем случае. А в худшем — как я — осмыслишь часть, когда будешь ещё не готов.

«Прямо как говорит Джон…»

— Да, он тут совершенно прав.

Тэрн ухмыльнулся и потёр виски.

— Но хоть что-то ты можешь сказать? Ты упоминал, как пытался что-то объяснить людям в Каммене и после расселения. Что ты им говорил?

— В основном, что вы живёте здесь, чтобы получать уроки. Чтобы в итоге, шаг за шагом, развиться и выйти на другой уровень существования… осознания, мышления, способностей, чувств. Нет, я не про то, чтобы создавать миры. Для начала более мелкий уровень, их много. Но до этих пор нужно развить всё в равной степени: понять, как устроен мир, избавиться от разрушительных эмоций… начать думать и жить совсем по-другому…

На фразе про понимание мира в голове промелькнул Джон, про избавление от разрушительных эмоций — всегда благостный и спокойный брат Юнь.

— А ты получил новые способности прежде, чем это случилось.

— Да.

Тэрн вновь замолчал.

— Так значит, мой мир — болото. А что с остальными твоими творениями?

Дэйниэл вздохнул.

— В Эндере изливались вулканы… они сожгли всё, что я создал… деревья, цветы… живых существ. Остался только пепел… Я думал, всё потеряно, но, знаешь, сейчас там появилась новая жизнь… там такие интересные животные! Они могут дышать несмотря на пепел в воздухе и способны выдерживать любую температуру. Так что лава им не мешает... Человека или ему подобных там пока нет. Есть достаточно разумная раса, из неё можно было бы сделать, но… я не готов пока рисковать. Решил не трогать ничего другого, пока не разберусь с Алиаром.

— То есть, человека ты создаёшь из уже готовой разумной расы?..

Дэйниэл пожал плечами.

— Люди — как бы они не выглядели — отличаются от животных наличием разума и души. Можно либо создать их такими, либо дать душу уже готовому… — он осёкся. — Н-не спрашивай меня, пожалуйста, о таких вещах.

Тэрн опустил взгляд. Да, не стоило. Достаточно было поглядеть на Дэйниэла и его творения: ему раннее знание счастья не принесло.

— Я представлял тебя совсем иным.

— Я знаю. Менее похожим на человека. Ну, я вот так могу, твоим соотечественникам было легче, — на месте Дэйниэла вдруг появилось бесформенное сияние. — Только это не меняет ничего, — разнеслось со всех сторон, а потом перед Тэрном снова появился растрёпанный паренёк.

— А остальные твои миры?

— Акватрию затопило… там тоже всё было уничтожено…

— Я понимаю, почему ты хотел создать самый гармоничный мир.

— Да, — Дэйниэл криво улыбнулся, — именно поэтому. Правда, сейчас там…

«Зародилась новая жизнь, которая спокойно выживает в воде?!» — не успел произнести Тэрн.

— Именно.

В голове начала появляться какая-то идея, но Тэрн пока не мог сформулировать её.

— А в Аймосе идёт война, — продолжал Дэйниэл. — Я уже так устал сортировать души и возвращать их в мир после смерти… сейчас это происходит автоматически… всё равно они ничего не хотят слушать…

— А следующий мир? — не слушая, продолжил Тэрн. Что-то стучалось в голову, что-то…

— Следующим был Алиар…

Тэрн прищурился.

— Джон говорит, должно было быть ещё два мира… Ты должен был создать их перед Алиаром.

Дэйниэл поднял брови.

— Не знаю… как странно… я никогда об этом не думал.

— Он говорит, если бы ты создал их, то с Алиаром бы всё получилось.

Растерянный паренёк напротив погрузился в задумчивость.

— И с другими мирами… ты просто поторопился. Эндер, Акватрия — в них же сейчас всё хорошо… совсем не так, как ты планировал, но всё же хорошо… и в Аймосе наверняка наладится! Один из уроков, которые ты не постиг, — это терпение! Ты не научился выжидать, не научился… не нервничать.

— Да, я знаю, — Дэйниэл грустно улыбнулся. — Из-за этого все проблемы. Я очень переживаю. Я всегда хотел творить миры, в которых людям будет хорошо и легко… и когда выходит вот так… — он осёкся.

— А эта фраза в пророчестве — что если герой не победит, мир будет уничтожен… ты с самого начала знал, что Джон попытается это сделать?

Лицо Дэйниэла страдальчески исказилось.

— Нет. Если в Витке не удавалось разбудить людей… тогда был последний шанс. В таких случаях Джон смотрел на самого героя. Герой должен был стать цветом Алиара. Впитать в себя его культуру, историю, волю, любовь, доброту, стремление к лучшему… Если бы оказалось, что даже его душа мертва… это значило бы, что Алиар потерян.

Тэрн замер. Дэйниэл прикрыл глаза.

— …Тогда мне оставалось бы только уничтожить его. Без души ведь всё это не имеет смысла.

Тэрн облизал пересохшие губы. То есть, он… если бы он оказался недостаточно добрым… или волевым… Он ведь жил совсем не так… сколько плохого он совершил? Сколько раз струсил? Сколько ненавидел!..

— Ты бы не оказался, Тим. Ты очень далеко от края. А плохие поступки иногда совершают и хорошие люди, вопрос лишь в том, какие выводы они из них делают. Не ошибаясь, не выходит расти…

Они снова замолчали.

— А почему ты сказал про доброту? Я думал, вы пытаетесь просто разбудить людей — заставить их жить, чувствовать…

— Разбудить их **души**. А души нет без доброты.

— То есть, вы… наполняли мир злом и жестокостью, чтобы… создать доброту?

— Это не зло, Тим. Ты всё ещё не видишь разницы?

Тэрн потряс головой. На самом деле, он видел. Просто… слишком необычно всё это было, слишком далеко от человеческих мерок.

— Но, да, пожалуй, это… сурово. Жёстко. Я-то хотел сделать мягко, безболезненно… но так не вышло. Видно, людям нужно преодолевать трудности, чтобы расти… а может, я что-то упустил. Что-то совсем маленькое!.. Но я не нахожу его…

Они посидели так ещё немного. Наконец, Тэрн вскочил и начал ходить по комнате.

— Ты сказал, что отпустишь Джона, как только найдёшь другое решение? А ты пробовал спрашивать у самих людей?

— Да… они ничего не предложили мне…

— А если я предложу?

— Пожалуйста…

Дэйниэл не мог прочитать его мысли, потому что Тэрн сам ещё не знал, что скажет. Он ходил по комнате и размышлял вслух, пытаясь поймать ту идею, которая посещала его.

— Ты слишком торопишься. Ты поспешил с первым миром, поспешил со вторым… и не даёшь времени Алиару. Ты говоришь, что душам нужно развиваться… и для этого нужны испытания… и что в Алиаре душам пробудиться очень сложно… так пусть это будет самый сложный мир! Пусть здесь будет самое серьёзное испытание — сном, бездействием. А развиваться нужно будет, преодолевая это… Ты говорил, что не навязываешь нам свою волю, только указываешь, что правильно… но ведь ты делаешь именно это. Зачем нужен Повелитель Мечей? Он создаёт условия, в которых душа вынуждена расти… но это неправильно! Развитие должно идти изнутри. Ты объяснил нам, как нужно жить, у нас есть твои Свитки. Выживут ли наши души… теперь это наша проблема. Разве нет?

— Может быть… — Дэйниэл грустно улыбнулся. — я всё-таки совсем недалеко ушёл от человека… видишь, ты говоришь не менее правильно, чем я… но я всё это знаю, знаю. Да, нужно давать мирам развиваться самим… но я просто не могу! Не могу сидеть, смотреть, как мир гибнет, и ничего не делать!

— О, я нашёл, что тебе делать. Ты пропустил два мира. Я думаю, Джон имел в виду, что ты получил бы на них какие-то знания, и этого бы хватило, чтобы создать *правильный* гармоничный мир… Но, может быть, есть ещё кое-что. Раз миры обмениваются энергией через Пропасть между ними… то, может, энергия двух этих миров поможет… гармонизировать Алиар? Я не знаю. Просто предположение.

Дэйниэл ошарашено смотрел на него.

— …Кроме того, ты собирался заселить душами Эндер и Акватрию. Когда закончишь, когда разберёшься с *их* проблемами, тогда

можно будет посмотреть, что сталось с Алиаром… если, конечно, всё это время ты не будешь его трогать.

Повисло молчание.

— Может быть, ты и прав… — наконец проговорил Творец, — в любом случае, я… должен отпустить Джона. Он уже помог мне гораздо сильнее, чем я имел право просить. А это решение я хотя бы попробую. Спасибо.

Он встал и пожал руку Тэрну. Тот замер. Дэйниэл потёр переносицу, а потом выхватил откуда-то из воздуха маленькую бутылочку. Он провёл над ней ладонью и протянул Тэрну.

— Вот, передай это Джону. Ему нужно выпить это в центре Каммены, так будет надёжнее. Нет, что ты. С его душой всё будет в порядке. В мире… мало таких кристальных душ, как его… — Творец вздохнул. — В этом и была проблема, почему я не мог передать это дело кому-то другому. Нужен был человек с чистейшей душой! Чтобы не усомнился, чтобы… как бы ни относились к нему, что бы ни говорили, он не сорвался в злобу, ненависть…

— Тебя он, по-моему, ненавидит.

— Ну, я-то это заслужил!

Дэйниэл широко улыбнулся. Он оглядел Тэрна, свои чертежи и вздохнул:

— Я… очень благодарен тебе за помощь. Я не ожидал такого! Я думал, наша встреча пройдёт совсем иначе… я хотел тебе кое-что сказать.

Тэрн захлопал глазами.

— Что?

— Ну… ты… казался таким несчастным в Каммене. Я посмотрел твой прежний путь, твои мысли. И хотел тебя как-то утешить, и рассказать, что ты… не совсем прав… наставник Лорм искренне заботился о тебе… а брат Юнь вовсе не дурит людей… и… твоя мать, Тим… она не бросала тебя. Её убили через несколько дней. Она правда собиралась вернуться!

Тэрн сделал шаг назад. Всё это время он… нет, нет, нет, нет. Она следила за ним всё это время. Она слышала всё, что он говорил!

— …Она ждёт тебя, Тим. Она хотела поговорить с тобой.

— Нет! — вскрикнул Тэрн. Он отошёл назад до самой стены. — Я, я не готов! Мне нужно… я… это можно отложить?!

Дэйниэл окинул его взглядом и закусил губу.

— Да, конечно. Прости меня, что всё вот так вышло, — Творец помолчал. — Я собирался сказать тебе кое-что ещё, но… — он оглядел совершенно белое лицо Тэрна, — лучше пусть она сама.

Тэрн судорожно кивнул. Дэйниэл протянул ему руку на прощанье и сказал:

— Прости, что у тебя такой неумелый Творец.

Тэрн пожал ему руку и криво ухмыльнулся.

— Прости, что у тебя такой беспокойный герой. Прости, что у тебя такой сонный мир. Прости, что у тебя такие проблемы с самооценкой…

Дэйниэл рассмеялся. Он уже собирался отправить Тэрна обратно, но увидел, что он хочет что-то сказать и остановился.

— А этот духовный рост ведь не заканчивается на том, чтобы стать Творцом?..

— Конечно, нет!

— Тогда, может быть, то, что над тобой — которое не торопилось, как ты, и поэтому усвоило все свои уроки — позволило тебе стать Творцом не просто так. Может быть, твоя судьба — постигать нужные знания вот так. Может, твои миры совсем не плохи... Прощай и спасибо тебе за всё. И ради своего Творца, Дэйниэл! Не торопись ты так больше!

9.3. Финал и эпилог

У Кристофера нет ни гроша,
Ни коня, ни меча, ни печали.
Только тысяча миль за плечами,
Звёздный свет и простая душа...
Филигон

Тэрн лежал и смотрел в потолок. Потолок был красивый, с лепниной, будто в храме каком-то... Над ухом кто-то вздохнул настолько судорожно, что дальше Тэрн ожидал услышать звук оседающего на пол трупа, но вместо этого раздалось:

— Наконец-то!

Тэрн скосил глаза и увидел брата Анду.

— Как ты себя чувствуешь? — хотел спросить Анда, но услышал этот же вопрос от Тэрна.

— Я?..

— Ты совсем белый...

Тэрн легко встал на ноги. Оказывается, всё это время он лежал на полу посреди маленького храма, а брат Анда сидел рядом с ним.

— ...Что, сорвал я твоё успокоение? Извини. Давай, приходи в себя.

Тэрн тепло улыбнулся. Он чувствовал изумительный приток сил, спокойствия и... любви, что ли. Анда растерянно моргнул, а потом настороженно поглядел на Тэрна. Наконец, монах сделал несколько глубоких вдохов и успокоился.

— Я сознание потерял?

— Да, тебя с улицы принесли. Брат Юнь пошёл за врачом. Мы же что только ни делали, ты в себя не приходил...

Тэрн помедлил, а потом похлопал себя по груди: туда он убрал бутылку, данную Дэйниэлом. Но он уже знал, что она будет на месте.

— Не придавай значения. Как ты быстро успокоился! Отличные упражнения. Научишь меня?.. потом.

Анда просиял.

— Конечно! С удовольствием! Знаешь, это действительно совсем несложно и так помогает.

Тэрн уже хотел назвать его прежним, мирским именем, но понял, что лучше этого не делать. Вместо этого он зашёл издалека:

— Знаешь, мне довелось быть в Кивише... и там помочь одной девушке добраться до Эрнела... и...

— Миза уже была здесь. Она мне всё рассказала. Спасибо, брат Тарк.

— Не за что, Хэггардим.

На мгновение в глазах Анды промелькнули ужас и безысходность, но он взял себя в руки и криво улыбнулся:

— Зови меня лучше брат Анда.

— А ты меня Тэрном.

Монах поднялся с колен. Тэрн огляделся:

— Слушай, а в этом храме что, никого кроме тебя нет?

— Да разошлись все, когда поняли, что ничего сделать не могут, а врач сейчас придёт...

— А я что, так долго провалялся?

Если бы Тэрн знал, что такое дежавю, то обязательно бы его испытал.

— Не знаю, я так нервничал... час, наверное...

— Да уж больше! — брат Юнь быстрым шагом вошёл в храм. За ним семенил старичок с аккуратно подстриженной бородой. — Доктор, осмотрите его, пожалуйста.

— Не надо, со мной всё хорошо. И мне уже пора...

— Я настаиваю, — так же доброжелательно, но очень внушительно произнёс брат Юнь.

Тэрн покосился на него и не стал спорить. Он послушно высовывал язык, следил за пальцем и совершал десяток других бесполезных действий, прекрасно понимая, что с ним всё в порядке. А вот если он не разыщет Джон в ближайшее время, то получит по ушам.

— Юнь, я тебя просил узнать... — Тэрн в очередной раз отвлёкся на врача.

— Да, но я не успел пока.

— Я понимаю. Я хотел сказать, что уже не надо.

Анда перевёл взгляд с одного на другого. Юнь вопросительно поднял брови, но промолчал.

— Ну, что ж, молодой человек. Здоровье у вас и впрямь отменное. Видимо, это издержки возраста. Знаете, есть периоды в жизни

человека, когда...

Тэрн пару раз кивнул и с почтением смотрел на доктора, пока тот, наконец, не ушёл, довольный таким уважением к своим знаниям. Тэрн обернулся к монахам.

— Ребята, мне очень жаль...

— Но ты опять торопишься.

— Да. Меня уже во всю ищут... Но я, кажется, скоро снова приеду, — Тэрн тяжело вздохнул, — да, у меня скоро будет много свободного времени... — он тряхнул головой и перевёл взгляд на Анду. — Спасибо тебе огромное за молитвослов. Отличная книга, много хороших молитв... Жаль, что я опять так убегаю, но мне правда пора. Простите, ребят, вы замечательные друзья.

Он пожал руки братьям и вышел. Натренированный слух позволил различить:

— Тебе не кажется, что брат Тарк ну очень изменился?

— И, в основном, за последние полтора часа.

***

Тэрн ровным шагом шёл впереди Джона. Как ни странно, Повелитель Мечей совершенно спокойно среагировал на его опоздание. Они просто закончили дела и пошли обратно, к дому. Дорога впереди была длинная: они жили у Дейнара, а за покупками пошли в Айнер, потому что Тэрн хотел повидать братьев. Теперь идти можно было долго — в самый раз, чтобы поговорить.

«Как начать?.. Наверное, так и скажу: «Знаешь, в Айнере я встретил Творца… Он передал тебе это». Джон ведь тоже видел Дэйниэла, он не подумает, что я сошёл с ума. Да! Скажу: «Я встретил Творца, он передал тебе это»... и через несколько дней Джона не станет».

Тэрн замедлил шаг. Джон покосился на него, но промолчал. Тэрн видел: Повелитель Мечей давно уже заметил, что с ним что-то не так, просто не знал, как спросить.

А скоро и не сможет. Он умрёт и никогда больше не расскажет о строении мира, не вспомнит свои яблочные сады, не заставит думать самостоятельно…

Тэрн зажмурился. Бутыль, которую дал ему Творец, словно жгла кожу, и он знал: Дэйниэл тут не причём. Это была его совесть.

Он должен был привести к смерти своего наставника, своего лучшего друга, единственного человека, который по-настоящему понимал его... единственного, кого он так уважал, кем так восхищался... на кого так хотел быть похожим!..

— Тэрн? — не выдержал Джон. — Всё в порядке?

Тэрн обернулся и внимательно посмотрел на своего друга и наставника. И совершенно спокойно произнёс:

— Да. Я просто задумался, — он широко, искренне улыбнулся и продолжил: — Когда остановимся на привал, покажешь мне снова тот удар? Всё не пойму, как ты его делаешь! Да, и насчёт обработки серебра…

***

Идти вперёд, не отступать:
Не испытав несчастья,
Счастья не понять...
Забыв про боль, держать штурвал:
Способен жизнь любить
Лишь тот, кто смерть познал...

Мюзикл «Граф Монте-Кристо»

Прошло несколько дней с их возвращения, а Тэрн так ничего и не сказал Джону. Он знал, что должен… но просто не мог.

В конце концов! Что такое для Повелителя Мечей пара недель?! Или месяц. Или год. Какая разница, он собирался ждать пятьсот лет!

«Я прожил на тысячу лет больше, чем мог вынести», — постоянно звучал в голове голос Джона.

«В прошлый раз, когда я упустил возможность, это было слишком тяжело».

Тэрн сцепил зубы и яростно помотал головой. Он знал: бутыль очень хрупкая и легко может разбиться или потеряться… Он каждый день говорил себе, что сегодня всё расскажет, и каждый раз находил новый повод, чтобы сделать это завтра.

«Я должен отпустить Джона. Он уже помог мне гораздо сильнее, чем я имел право просить».

«Смерть тела неважна, Тэрн. Страшна только смерть души».

— Болтать я тоже умею, — процедил Тэрн.

Он закинул руки за голову и вспомнил, что завтра Джон обещал объяснить ему, как магия оживляет деревья в лесу Каммены. Вот

завтра он ему всё и расскажет. И бутылку отдаст! Сразу после того, как Джон всё объяснит.

«Мой бедный мальчик…»

Тэрн сел на кровати. Он сразу же узнал этот голос. Он узнал бы его среди всех голосов мира.

«Милый мой… как же тебе тяжело…»

«Мама…»

«Да, мой хороший… как я скучала по тебе… как давно я хотела поговорить с тобой, милый, дорогой мой… я ведь всё это время была рядом, бедный мой…»

«Мама, прости! Прости меня! Я так виноват, я…»

«Глупый. Ну что ты говоришь. Ты ни в чём не виноват… ты бы знал, как здесь светло, как радостно… дорогой мой…»

Тэрн не ответил. Он крепко сжимал веки, чтобы сдержать слёзы.

«Не переживай, милый мой! Скоро мы все будем вместе. И возродимся все вместе, и проживём долгую, счастливую жизнь… Творец обещал мне!»

Он обхватил голову руками.

«Но сейчас ты должен сделать то, что необходимо, милый… Я понимаю, как тебе тяжело. Так сложно отпускать тех, кого любишь… Помнишь, как мы шли в орден? Я рыдала каждую ночь… и каждый день… ты всё время спрашивал меня, что случилось, а я так глупо врала…»

Тэрн судорожно вдохнул. Теперь он помнил, теперь он всё помнил.

«Отпусти Джона, милый мой. Он больше не может…»

«Да, мама».

Её нежный, ласковый голос надолго замолчал.

«Джон… он… он…»

«Что?»

«Он… должен поскорее отправиться сюда. Его здесь очень ждут», — закончила Алисия, и впервые в её голосе послышалась фальш. Но Тэрн не обратил внимания.

«Кто?..»

«Одна девушка, Кина».

«Его жена?!»

«Да. Его жена».

Тэрн кивнул.

«Пока, мой милый… Помни, что я всегда с тобой… В горе, в радости… Если бы ты знал, какая счастливая жизнь тебя ждёт! Ты любим сильнее, чем думаешь... Не грусти…»

Её голос растаял. Тэрн тряхнул головой, встал и зажёг лампаду. Он прошёлся по комнате, аккуратно застелил постель, сел на неё. И дико разрыдался.

Прошла, наверное, минута, прежде чем в комнату влетел Джон. Глаза у него были совершенно перепуганные.

Когда Тэрн пришёл в себя, Джон сидел рядом и держал его за плечи.

— Тэрн! Тэрн! Успокойся! Расскажи, что случилось!

Он вдохнул.

— Да, мне… нужно кое-что тебе рассказать.

***

— Вот и всё, — тихо сказал Джон.

Тэрн кивнул. В ладони Повелителя Мечей была эта дурацкая бутылочка, которую Тэрн ненавидел, как ничто и никогда.

— Я научил тебя всему, что имело значение. У меня нет никаких напутствий. Ты — истинный герой Алиара. Ты проживёшь достойную жизнь, потому что ты хороший и порядочный человек. Будь счастлив, Тэрн. Я горжусь тобой.

Тэрн хотел сказать: «Я тобой тоже», — и хотел сказать: «Да пей уже». Он промолчал.

Джон встал напротив статуи Творца: у самой трещины в Пропасть между мирами. Из-за низкого роста Дэйниэла Повелитель Мечей и Творец будто стояли лицом к лицу. Джон ухмыльнулся и махом опрокинул в себя бутылку.

Ничего не произошло.

Он спокойно окидывал взглядом статую Дэйниэла. Тэрн выдохнул. Он одновременно огорчился за Джона и радовался за себя. Он сделал всё, что мог, и не его вина, что это не сработало.

А потом Джон рухнул на пол, прямо и ровно, как стоял. И впервые за тысячелетия тело Повелителя Мечей не рассыпалось прахом после смерти.

Тэрн подошёл и взглянул в его серые, стальные глаза. Они всё ещё были самыми живыми в Алиаре, и Тэрн поскорее закрыл их, чтобы

запомнить такими.

Он ещё не знал, где похоронит Джона.

Но знал, что через много лет над его могилой будет прекраснейший яблоневый сад.

***

Старушка зашлась громовым хохотом, жутким в таком хрупком пожилом тельце:

— Подхватила какую-то заразу! Ой, не могу! Сколько раз я это слышала? Заразу, заразу подхватила! Точнее и не скажешь.

Сидящий в телеге дюжий парень тоже хохотнул.

Кина прислонилась к борту телеги. Её не волновало, смеются над ней или оскорбляют её. Пусть только довезут куда-нибудь… У неё уже давно не было ни коня, ни денег.

— Да через годик твоя зараза начнёт по полу ползать и грызть всё, что плохо лежит! Правильно я говорю, Малыш Терс?

Малыш Терс заржал ещё громче.

Кина вытаращила глаза.

Конечно. Естественно. Странно, что она не догадалась. Хотя когда ей было? Она была так поглощена выживанием… Но всё это неважно…

— Ой, не могу... насмешила ты меня, девочка! Что, бросил тебя женишок твой? А ты с горя по лесам скитаешься?

Глаза Кины оскорблённо расширились. Она хотела сказать, что всё не так, она замужем... но тогда объяснять пришлось бы слишком многое.

— Эх, молодо-зелено. Бедная, глупая... поди, родители из дома выгнали, идти некуда... вона как отощала... и волосёнки спутались... решено! У меня жить будешь.

Малыш Терс открыл рот от изумления.

— Слышь, Элтири... твои-то не против будут? — пробасил он.

Старушка лихо махнула рукой.

— Кто будет против — тому ка-ак дам ложкой по лбу. Сразу передумает!

Стало очевидно, что всё так и будет.

— Что, согласна ты, девонька? Только у нас работать надо, не дурака валять. Ну да ты девка правильная, по глазам вижу. Как зовут-то тебя?

Кина уже открыла рот, но осеклась. Если брат Елло когда-нибудь наберёт власть и станет искать её...

— Алисия меня зовут. Спасибо, спасибо вам за доброту...

Она расплакалась. Малыш Терс растерянно глядел на неё и неуклюже хлопал по плечу. Элтири гиканьем подгоняла коня. Откуда, откуда в мире столько добрых людей?..

Вёрсты оставались за спиной — а с ними злые враги, рухнувшие надежды и скитания по лесам. Кина думала, как начнёт новую жизнь. Родит ребёнка. Разыщет Джона. А может быть — проживёт одна со своим сыном или дочерью, счастливо и спокойно, и никакой подлый монах никогда до неё не доберётся...

О чём она точно не думала — что через несколько лет Ульа станет святым дедом и, объезжая свою паству, случайно наткнётся на неё... сопоставит время, да так испугается пришествия второго Повелителя Мечей, что ей вновь придётся кружить по всему Алиару — на этот раз уже с ребёнком на руках. Кине и в голову не приходило, что именно её сын навсегда покончит с Повелителем Мечей. Что когда-нибудь ей придётся оставить ребёнка чужим людям. Что она будет убита на следующий день. И что даже после смерти она не сможет открыть сыну, кто его отец, потому что поймёт: тогда Джон так и не получит долгожданную свободу.

Эпилог

В наших правилах простых
Нам предписано от века:
Оставаться человеком
В обстоятельствах любых.
Олег Митяев

В ордене его встретили ледяным молчанием. Открыли ворота, впустили внутрь. Но не сказали ни слова, никто не улыбнулся, не помахал рукой. В их глазах он по-прежнему был подлецом, который хотел обречь на страдания тысячи людей.

Тэрна это не волновало. Он пошёл вглубь ордена, зашёл в спальни; оглядел учеников, наткнулся на то же молчание — вышел, заглянул в библиотеку. Вышел и оттуда. Миновал арены для тренировки. И уже на самой дальней услышал:

— Собер-рись! Что ты мечешься, как муха недобитая?! А ты куда целишься?

Райк обернулся посмотреть, на что уставились ученики... глаза его изумлённо расширились. Сердце Тэрна пропустило удар. Но через секунду Райк опомнился, и на лице его появилась радостная улыбка.

Не презрение.

Не враждебность.

Не равнодушие.

— Тэрн! Ты живой!

Райк подошёл своим обычным чеканным шагом и стремительно обнял его. Молчание учеников стало изумлённым.

— Наконец-то! Я верил, что ты вернёшься в орден!

— Да, я соскучился.

Они помолчали. Райк выжидающе смотрел на него. Тэрн отвёл глаза, потёр переносицу. Всё-таки слишком странно это было.

— Знаешь, я тот самый герой из Пророчества.

Райк ухмыльнулся.

— Я тебе всегда это говорил!

— Точно... Но ты не понял: не тот герой, который остановит Виток — а тот, который прекратит Извечную войну.

Райк моргнул. Повисло молчание. Ученики вдалеке сбились в испуганную кучку и тихо перешёптывались.

Наконец, Райк почесал в затылке и пробормотал:

— И что теперь? Тебе нужно убить Повелителя Мечей?.. Так ты вернулся за армией! Мы готовы! Мы сможем набрать около...

— Я уже его убил.

Райк растерянно поглядел на него.

— Ты… ты уверен? Не думай, что я тебе не верю, просто... сложно поверить, что ты вот так, в одиночку, победил самого сильного мечника и самого жестокого ублюдка Алиара! Тэрн? Тэрн! Ты чего?

Тэрн убрал руки от лица и прошептал:

— Мне столько надо тебе рассказать.

Он оглядел военную выправку Райка, его сжатые зубы, сияющие праведностью глаза — и сбился.

— …Это совсем не то, чему нас учили. Я не жду, что ты мне поверишь, я и не прошу верить на слово... хотя бы выслушай!

Райк сделал шаг назад и вдруг улыбнулся совсем по-детски.

— Я верю тебе, брат. Что бы ты ни сказал.